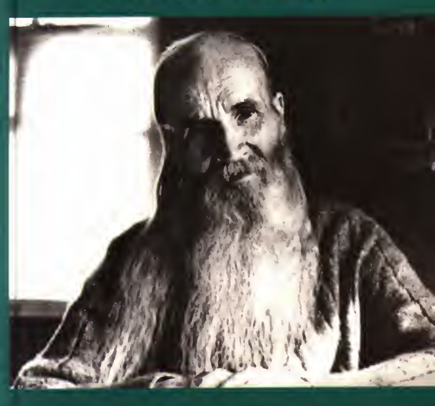
КАРАГАНДИНСКИЙ СТАРЕЦ ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН

ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СХИАРХИМАНДРИТУ СЕВАСТИАНУ, СТАРЦУ КАРАГАНДИНСКОМУ, ИСПОВЕДНИКУ, ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА ПРЕЕМНИКУ

Тропарь, глас третий:

Тро́ицы Святы́я служи́телю,/
зе́мне а́нгеле
и небе́сне челове́че,/
духо́внаго О́птинскаго
ста́рчества прее́мниче,/
Христо́в священнотаи́нниче
и испове́дниче,/
Ду́ха Свята́го
оби́тель всечестна́я,/
преподо́бне о́тче Севастиа́не,
досточти́ме,/
испроси́ ми́рови мир/
и душа́м на́шим
ве́лию ми́лость

Кондак, глас тойже:

В ра́дость Го́спода
Воскре́сшаго вше́дшаго,/
преподо́бных О́птинских
ста́рцев слико́вника,/
му́чеников и испове́дников
соприча́стника,/
священнотаи́нникам Бо́жиим
сослужи́теля,/
зе́мна а́нгела
и небе́сна челове́ка,/
гра́да Караганды́
боголе́пное украше́ние,/
Казахста́нския страны́
богомо́льца изря́дна,/
Це́ркви Ру́сския похвалу́,/
ублажи́м, ве́рнии,/
с весе́лием ему́ вопия́ :
ра́дуйся, досточти́ме Севастиа́не,
преподо́бне о́тче на́ш

СЕВСТІАНЪ
КАРАГАНДИНСКІЙ

В память прославления
в лике святых
преподобного старца
СЕВАСТИАНА
Карагандинского

Издание осуществляется
по благословению
Высокопреосвященнейшего
Алексия,
архиепископа Астанайского
и Алма-Атинского

КАРАГАНДИНСКИЙ СТАРЕЦ ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН

Составление
Вера Королёва

Издательство благодарит
Любовь Воробьёву и Галину Жувакину,
оказавших значительную помощь
в иллюстрации книги

В октябре 1997 году по решению Синодальной комиссии по канонизации святых и благословению Святейшего Патриарха Алексия II состоялось поместное прославление в лике святых преподобного старца Севастиана Карагандинского, исповедника.

22 октября 1997 года совершилось обретение мощей преподобного Севастиана. Полгода мощи Старца находились в основанном Старцем храме Рождества Пресвятой Богородицы, а 2 мая 1998 года при торжественном крестном ходе с пасхальными песнопениями рака с мощами Преподобного была перенесена в ставший главным храмом г. Караганды Свято-Введенский собор. Перенесение было совершено архиепископом Алма-Атинским и Семипалатинским Алексием в сопровождении духовенства епархии, православных карагандинцев и многочисленных паломников из разных городов Казахстана и России.

Мощи преподобного Севастиана установлены для поклонения в правой часть центрального придела. А благолепная рака и сень над нею, исполненные из цветных металлов с инкрустацией и напоминающие раку и сень преподобного Сергия Радонежского, созданы мастерами Сергиева Посада.

В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе преподобный Севастиан Карагандинский внесен в собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе преподобный Севастиан Карагандинский прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

На 4-й стр. обложки:
Караганда, на месте лагеря для заключенных в Спасске, фото Галины Жувакиной, 1989 год

ISBN 5-87468-152-3

“Свет монахов, — говорит преп. Иоанн Лествичник, — суть ангелы, а свет для всех человеков — монашеское житие”. Но цвет самого цвета христианства, лучшее выражение монашества — это старчество.

Являясь прямым продолжением пророческого служения, старчество возникло во времена раннего христианства вместе с возникновением монашества, как руководящее в нем начало. Оно сочетало в себе отшельнический подвиг внутреннего делания и служения миру во всей полноте как в его духовных, так и житейских нуждах.

На Руси особой выразительницей этого духовного подвига была Козельская Введенская Оптина Пустынь. Сердцем же Оптиной и местом, где бился пульс ее жизни, откуда исходила та благодатная сила, которая освящала жизнь насельников монастыря, был знаменитый Оптинский скит —

местопребывание святых Оптинских старцев.

Идея создания его принадлежала покровителю монашества и старчества епископу Филарету, будущему митрополиту Киевскому, который убедил подвижников-учеников и последователей преп. Паисия Величковского, живших в Рославльских лесах, основать скит при Оптиной Пустыни. Таким образом прибыли в Оптину Пустынь о. Моисей (Путилов) с братом своим Антонием. Когда же о. Моисей после основания им Оптинского скита (1821 г.) сделался настоятелем всей обители (1826 г.), в скит из Александро-Свирского монастыря прибыл богомудрый молитвенник о. Леонид, в схиме Лев (1829 г.), который положил здесь начало старчеству. Тем самым им был дан тот импульс, который вдохновлял последующие поколения старцев в течении целых ста лет до самого конца жизни и процветания Оптиной Пустыни. Последующие старцы о. Макарий и о. Амвросий, будучи также великими старцами, были его присными учениками.

Со времени старца Макария, привлекшего к переводам святоотеческой литературы ряд лиц, принадлежавших к образованным слоям общества, Оптина Пустынь стала известна в кругу современных писателей. С тех пор цвет мыслящей Рос-

сии стал посещать Оптину Пустынь и ее скит. Многие благодатные дарования старцев и, что не менее важно, непрерывная преемственная связь между Оптинскими подвижниками создали всероссийскую славу Оптиной Пустыни. При старце Амвросии, которого еще послушником о. Лев перед своей кончиной передал "из полы в полу" о. Макарию, Оптина достигает расцвета. Слава о старце гремит по всей России, к нему устремляются со всех концов ее. Следующие старцы: о. Анатолий (Зерцалов), ученик старца Амвросия о. Иосиф, старец Варсонофий — по благодати озаренности подобны своим учителям.

С Оптиной Пустынью связаны многие славные имена религиозных деятелей, философов, писателей. Здесь бывали Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев, тайный постриженник ее Константин Леонтьев, братья Кириевские, которые и похоронены в стенах Оптиной рядом со старцами; последний порыв умирающего Толстого был глубоко символичен — в Оптину, а для него это значило — в Церковь Христову. "Существеннее всяких книг и всякого мышления, — писал Иван Васильевич Кириевский, — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщить каждую мысль свою и услышать

о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых Отцов".

Последние старцы — Феодосий-мудрец († 1920), Анатолий-утешитель (Потапов, † 1922) и дивный Нектарий († 1928) — продолжают ту же традицию. На их долю выпало дожить до того времени, когда рухнуло многовековое здание государства Российского и над страной взяла власть партия атеистов-безбожников. Старцам Феодосию и Анатолию Господь судил отойти в вечность до времени закрытия Оптиной Пустыни (1923 г.) и быть погребенными в стенах святой обители.

Старец Нектарий, находясь в изгнании под строгим наблюдением в селе Холмищи, связанный запретом никого не принимать, помнил Евангельские слова: "Грядущего ко Мне не иждену вон", — и продолжал утолять духовную жажду народа, который в разгар революционного безбожия стремился к старцу за духовной поддержкой.

Постепенно ослабевая, старец тихо отошел от временной прискорбной жизни в жизнь вечную 29 апреля 1928 г. и был погребен на уединенном деревенском кладбище села Холмище в 60 километрах от Козельска*.

* 16 июля 1989 г. было совершено перенесение мощей старца Нектария с кладбища села Холмищи в Введенский собор Оптиной Пустыни.

Одна из последних всенощных в Оптиной Пустыне была совершена иеромонахом Никоном (Беляевым) 15 июня 1924 года под день памяти преподобного Тихона Калужского. О. Никон, любимый ученик и сотаинник старца Варсонофия, был молод летами, но духовной мудростью превосходил иных старцев, украшенных сединами. Волею судеб Божиих именно ему пришлось последнему покинуть дорогую обитель, куда по-прежнему стремились верующие люди, чающие духовного утешения и совета. И о. Никон принял на себя не только обязанности духовника, но и старца. И всенощная совершалась уже не в монастырском храме, а в больничной кухне. А дальше, в ожидании грядущих бедствий, для о. Никона началась многоскорбная, непривычная, претрудная жизнь в Козельске вместе с поселившейся там Оптинской братией и монахинями разоренного Шамординского монастыря. Как и чем жили Оптинцы — об этом знает один Господь.

Первый Оптинский старец иеросхимонах Лев как-то однажды выразился, что "придет время, когда Скит наш запустеет, и в нем будут жить одни кошки". А перед блаженной своей кончиной († 1841) творил такую молитву: "Благодарю Тебя, милостивый Создатель мой, Господи, что я избежал тех бед и скорбей, которых ожида-

ет грядущее время. Но не знаю, избежите ли их вы". Последние слова относились к келейнику старца.

Задолго до революции старец Варсонофий, как отец сыну, говорил своему ученику о. Никону (а тогда Николаю): "Вот я смотрю на вас, зеленую молодежь, и думаю, что я не доживу до страшных дней, а вы доживете... Монастыри будут в великом гонении и притеснении... Придет время, когда в Оптиной будет тяжело... Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковочках... Пожалуй, вы доживете до тех дней, когда опять будут мучить христиан. Я говорю про мучения, подобные древним... Гонения и мучения древних христиан, возможно, повторятся... Вы доживете до этих времен. Попомните мое слово. Тогда вы скажете: "Да, помню, все это говорил мне батюшка Варсонофий... Сколько этому прошло лет!" Помяните мое слово, что увидите "день лют". И я опять повторяю, что бояться вам нечего. Покроет вас благодать Божия".

Тело о. Никона лежит в далекой Пинеге Архангельской области, куда он был сослан большевиками на "вольную ссылку" в 1930 г. Там он и скончался от туберкулеза легких 25 июня 1931 г.

Одним из последних старцев*, возрос-

* К последним Оптинским старцам также относят: иеросхимонаха Макария (Иноземцева, † 4 мая

ших от корней дореволюционной Оптины является схиархимандрит Севастиан (Фомин, † 1966), — ученик старца Иосифа и после его смерти старца Нектария. Впитав в себя традиции и благодатный святоотеческий дух Оптиной Пустыни и искусившись, как железо, в горниле огненных испытаний, перенеся изгнания и заключения в советских лагерях, он по неисповедимым судьбам Божиим пронес свое старческое служение в столице знойных степей Центрального Казахстана, в многострадальной и благословенной Караганде, где в период 30-х — 50-х годов развертывалось одно из самых трагических деяний богоборческой драмы нашего столетия. Как сплошной Антиминс простирается напоенная кровью мучеников и освященная их молитвой необъятная степь Казахстана, над которой распростер свои мощные крылья Оптинский старец, блаженной памяти схиархимандрит Севастиан.

1970 г. ст. ст.), г. Белев Тульской области; схимонаха Иоасафа (Моисеева, † 25 марта 1975 г. ст. ст.), г. Грязи Липетской области; схиархимандрита Амвросия (Иванова, † 2 октября 1978 г. ст. ст.), с. Балабанова Калужской области; схиигумена Павла (Драчева, † 16 марта 1981 г. ст. ст.), с. Черкассы Тульской области.

Житие старца схиархимандрита Севастиана

Блаженный старец схиархимандрит Севастиан (Стефан Васильевич Фомин) родился 28 октября/10 ноября 1884 года в селе Космодемьянское Орловской губернии в бедной крестьянской семье. Отца его звали Василием, мать — Матроной. Они имели троих сыновей. Старшим был Иларион, 1872 года рождения, средним Роман, 1877 года рождения, и младший в святом крещении был назван Стефаном в честь преподобного Стефана Савваита, творца канонов, в день памяти которого он родился.

В 1888 году родители возили детей в Оптину Пустынь к старцу Амвросию. Сте-

фану было тогда четыре года, но он хорошо запомнил это посещение и ласковые глаза благодатного Старца.

Остался будущий батюшка Севастиан сиротой от отца четырех лет, от матери — пяти лет. “Когда родители умерли, — вспоминал старший брат Иларион, — мне было 17 лет. Земля у нас была девять десятин, ее надо обрабатывать своими руками, хозяйство небольшое — кому вести его? Нас трое братьев, вот мы повздорили, подрались — кто нас разнимет, примирит?” Чтобы укрепить семью, через год после смерти родителей старший брат Иларион женился.

Пятилетний Стефан был привязан к среднему брату Роману за его нежную душу и мягкое сердце. Но Роман избрал путь иноческой жизни и в 1892 году упросил Илариона отвести его в Оптину Пустынь, где был принят послушником в Иоанно-Предтеченский скит.

Иларион имел иной характер — был требовательным, неласковым. Стефан рано узнал тяжесть сиротства. Вспоминая о детстве, старец Севастиан говорил: “Хотя бы кто-нибудь остался из женского пола: или бабушка, или сестра, или тетя, кто бы о тебе в таком возрасте позаботиться мог. Без матери-то плохо, даже со снохой. Помню, было мне лет 8. Я попро-

сил у снохи молока, а она мне: “Подожди”. Я рассердился, пошел и побросал на землю конопляные холсты, которые сноха отбеливала и сушила на солнце, и посыпал их грязью. Сноха пожаловалась брату. Брат меня поругал и побил. Побить-то, поругать есть кому, а пожалеть-то некому было”.

Стефан хорошо учился, окончил трехклассную приходскую школу. Приходской священник давал читать ему книги. От рождения Стефан был слаб здоровьем и на полевых работах трудился мало, а больше на пастбищах пастухом. Он любил скотину, умел с нею обращаться, и крестьяне его ценили. Но главное, он имел время для чтения книг и молитвы. Сверстники недолюбливали его за то, что он был смирен и кроток. Они насмехались и дразнили его “монахом”. А то еще хуже было: зная, что он сострадателен не только к людям, но и к животным, как-то взяли кошку и стали бросать ее на стаю собак, пока те ее не разорвали — об этом батюшка Севастиан после рассказывал с сожалением.

Радостным утешением было для Стефана в зимнее, свободное от крестьянских работ время посещать в Оптиной Пустыни среднего брата. Эти посещения имели большое духовное влияние на Сте-

фана, и, когда он подрос, стал просить Иллариона отпустить его в Оптину Пустынь. Но брат не пускал. "Какой из тебя монах? — говорил он. — Никуда-то ты не годишься. Да и кто будет мне в хозяйстве помогать?" И Стефан остался помогать брату.

В 1908 году средний брат Роман Фомин по болезни келейно принял монашеский постриг с именем Рафаил, а 16 декабря 1908 года в монастырском храме во имя преп. Марии Египетской о. настоятелем Ксенофонтом был облечен в мантию.

К этому времени окрепла молодая семья старшего брата, и Стефан, утвердившись в своем желании иноческого жития, приезжает к о. Рафаилу в скит Оптиной Пустыни, где 3 января 1909 года он был принят келейником к старцу Иосифу.

Находясь при старце, Стефан обрел в нем великого духовного наставника. Впоследствии он часто вспоминал о том времени: "Жили мы (еще один келейник) со старцем, как с родным отцом. Вместе с ним молились, вместе кушали, вместе читали или слушали его наставления".

Старец иеросхимонах Иосиф был ближайшим учеником великого старца иеросхимонаха Амвросия. Ближайшим он был не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и люб-

ви. Это было поистине “чадо любимое” отца Амвросия, которое он отродил и воспитал духовно в стенах смиренной убогой “хибарки”, проникнутой заветами великих старцев Льва и Макария. Здесь, в этой тесной келье, сделавшейся для о. Иосифа училищем благочестия, он прошел делом самую высокую из наук — монашество, и стал в свое время сам наставником монахов.

Двенадцать лет он исполнял должность скитоначальника и старца Скита и Обители, но в связи с болезнью в 1905 году снял с себя эту должность. Он был уже на закате своих лет, и силы заметно оставляли его. Тихо угасал этот светильник монашества, но, ослабевая телесно, духом был бодр и ясен. На должность скитоначальника указом Святейшего Синода в 1905 году был назначен игумен Варсонофий.

В 1910 году в Оптину Пустынь, после тайного своего отъезда из Ясной Поляны, приехал Лев Толстой. Стефан был свидетелем этого события.

Лев Николаевич приехал в Оптину из Козельска уже поздно вечером и ночевал в монастырской гостинице. Гостиник о. Михаил потом рассказывал, что за чаем Толстой расспрашивал его о старцах, спрашивал, кто принимает из них, принимает ли старец Иосиф, говорил, что он

приехал повидаться, поговорить со старцами.

"А приехали, — рассказывал о. Михаил, — они вдвоем. Постучались. Я открыл. Лев Николаевич спрашивает: "Можно мне войти?" Я сказал: "Пожалуйста". А он говорит: "Может, мне нельзя: я — Толстой". "Почему же, — говорю, — мы всем рады, кто имеет желание к нам". Он тогда говорит: "Ну, здравствуй, брат". Я отвечаю: "Здравствуйте, Ваше Сиятельство". Он говорит: "Ты не обиделся, что я тебя братом назвал? Все люди — братья". Я отвечаю: "Никак нет, а это истинно, что все — братья". Ну и остановились у нас. Я им лучшую комнату отвел. А утром пораньше я служку к скитоначальнику о. Варсонофию послал предупредить, что Толстой к ним в скит едет". О дальнейшем о. Севастиан рассказывал так: "Старец Иосиф был болен, я возле него сидел. Заходит к нам старец Варсонофий и рассказывает, что о. Михаил прислал предупредить, что Л. Толстой к нам едет. "Я, — говорит, — спрашивал его: а кто тебе сказал? Он говорит — сам Толстой сказал". Старец Иосиф говорит: "Если приедет, примем его с лаской, почтением и радостью, хоть он и отлучен был, но раз сам пришел, никто ведь его не заставлял, иначе нам нельзя". Потом послали меня посмотреть за ограду. Я

увидел Льва Николаевича и доложил старцам, что он возле дома близко ходит, то подойдет, то отойдет. Старец Иосиф говорит: "Трудно ему. Он ведь к нам за живой водой приехал. Иди, пригласи его, если к нам приехал. Ты спроси его". Я пошел, а его уж нет, уехал. Совсем еще мало отъехал, а ведь на лошади он, не догнать мне было. Затем сообщение старцам от сестры его, монахини Марии, было, что и от нее из Шамордина он уехал. Потом со станции Астапово пришла телеграмма нам о болезни Л. Н., в ней от его имени просили старца приехать к нему. О. Варсонофий сразу выехал, но окружающие Толстого не допустили его ко Льву Николаевичу. О. Варсонофий письмо дочери его Александре передал. Писал ей, что это ведь воля Вашего отца, чтобы я приехал. Все равно не пустили. И жену его Софью Андреевну тоже не допускали. Она в своем вагоне приехала и жила на станции в нем. О. Варсонофий очень тяжело пережил это все, сам почти больной вернулся и всегда волновался, вспоминая это. И говорил: "Хоть он и Лев, а цепей порвать не мог. А жаль, очень жаль". И старец Иосиф сокрушался о нем. "А что кто-то посылал меня, то это неправда. Только по одному желанию самого Льва Николаевича я поехал в Астапово", — утверждал о. Варсонофий".

В апреле 1911 года, на третий день Пасхи, старца Иосифа постигла предсмертная болезнь. 9 мая душа его тихо отделилась от многострадального тела, и в половине второго ночи 10 мая три удара скитского, а вслед за ним монастырского колокола возвестили о кончине старца. 12 мая гроб с его телом руками братии был опущен в могилу, приготовленную около могилы старца Амвросия. Кроткий ученик, 30 лет пробывший при великом старце, возлег на вечный покой у ног своего наставника.

Велика была скорбь Стефана при кончине старца. Но Господь не оставил его безутешным. В келью о. Иосифа перешел старец Нектарий (духовный сын о. Анатолия (Зерцалова) и о. Амвросия). Стефан остался при нем келейником и перешел под его старческое руководство. В 1912 году Стефан был пострижен в рясофор.

В апреле этого же года вследствие интриг и клеветы старец Варсонофий был переведен из Оптиной Пустыни настоятелем Старо-Голутвина монастыря. Покидая скит, после напутственного молебна, старец Варсонофий сказал в утешение скорбящей братии: “Отец игумен Марко, недавно скончавшийся в монастыре, рассказал мне, что когда умирал батюшка о. Макарий, то предсказал, что после него бу-

дут старцами: о. Амвросий, о. Иларион и о. Анатолий, и что в Скиту не оскудеет старчество. Среди последних старцев будут люди еще выше по духовным дарованиям, чем великие старцы: о.о. Лев, Макарий, Амвросий и Анатолий". С переводом из Оптиной о. Варсонофия собором старшей братии братским духовником и старцем был назначен о. Нектарий.

О. Нектарий жил замкнуто, умел держаться в тени и быть малозаметным. Говорил он притчами, загадками, с оттенком юродства, часто не без прозорливости. Современники старца утверждают, что кто не видел его лично, тот по рассказам не сможет ясно представить его образ, трудно будет судить о характере, о его дивных качествах: воплощенном смирении, необычайной кротости и скромности, любви и всего непередаваемого обаяния его личности. Он, по глубокому своему смирению, старцем себя не считал и всегда говорил о себе: "Я в новоначалии, я учусь, я утратил всякий смысл. Как я могу быть наследником прежних старцев? У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик". Также говорил посетителям: "Вы об этом спросите моего келейника Стефана, он лучше меня посоветует, он прозорлив". В о. Нектарии была прекрасная человеческая простота, и самая упрямая возмущенная душа чув-

ствовала искренность его великой любви, о которой старец сказал однажды сам: "Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — любовь однодневка, наша и сегодня, и через тысячу лет — все та же".

Так, под руководством старца в тихой и мирной пристани для немощных душ человеческих возрастал духовно его ученик и будущий старец о. Севастиан, впитывая в душу свою любовь, мудрость и смирение своего дивного наставника.

У старца Нектария келейников было два. Старшим келейником был о. Стефан, он назывался "летом" за мягкосердие и сострадательность, а младшим — о. Петр (Швырев)*, он назывался "зима", был погрубее, построже. Когда народ в хибарке от долгого ожидания старца начинал унывать и роптать, о. Нектарий посылал для утешения о. Стефана. Когда же ожидавшие поднимали шум, тогда выходил о. Петр и со строгостью умиротворял и успокаивал народ.

А иногда и так бывало (сам батюшка Севастиан об этом рассказывал). Обычно старец о. Нектарий из кельи выходил позд-

* Рясофорный монах Петр (Швырев) — из моряков, до революции ходил на Афон. Был младшим келейником старца Нектария, которому был предан нелицемерно и потому им любим. Был простодушен, мужиковат. Работал на шахтах. Погиб от несчастного случая.

но, в 2–3 часа дня. Народ то и дело посылал о. Стефана сказать старцу, что его ждут, что многим надо уезжать домой.

О. Стефан шел в келью к старцу, который тут же говорил: “Сейчас собираюсь, одеваюсь, иду”, — но не выходил. А когда выйдет, то при всех обращается к о. Стефану: “Что же ты до сих пор ни разу не сказал, что меня ждет с нетерпением столько народа?” А о. Стефан просит прощения и кланяется ему в ноги.

В Великую Субботу, 13 апреля 1913 года, во время выноса Плащаницы, в больнице от туберкулеза легких скончался брат о. Стефана о. Рафаил, проболев около трех недель. Последние дни он ежедневно причащался Святых Таин и за день до смерти был пострижен в схиму. Как повествует скитская летопись, о. Рафаил проходил послушание старшего цветовода и заменял иногда регента на правом хоре. Отличался молчаливостью и тихостью.

Пострижение в мантию с именем Севастиан (в честь мученика Севастиана (память 18/31 декабря) о. Стефан принял в роковом 1917 году. Прогремела революция. Рухнуло многовековое здание государства Российского. Началось время гонений на Церковь Христову.

В ожидании неизбежно грядущих изменений тихо и незаметно продолжали

жить в монастыре иноки Оптинские. До них уже доходили известия о закрытии церквей и монастырей и конфискации их имущества. И в Оптиной на монастырской стене уже появилась зловещая дерзкая надпись с угрозой прийти ограбить монастырь. Подобные заявления приходилось слышать и изустно.

10/23 января 1918 года декретом СНК Оптина Пустынь была закрыта, но монастырь продолжал существовать под видом сельскохозяйственной артели. Многие, особенно молодые послушники, выходили из монастыря, не удовлетворяясь работой в сельхозартели, где к ним предъявлялись строгие требования. Оставшиеся, в большинстве своем пожилого возраста иноки, твердо решили не уходить из монастыря до последней возможности, пока не прогонят. Все жили под страхом, каждый день и каждый час ожидая изгнания, ареста, тюрьмы, смерти.

На территории монастыря был организован музей "Оптина Пустынь". Скит уже не существовал, но старец Нектарий оставался жить со своими келейниками в старческой хибарке и, изнемогая под бременем скорбей, продолжал принимать народ.

В 1923 году в конце пятой недели Великого Поста в монастыре начала работать ликвидационная комиссия. Церковные службы прекратились. Монахи постепен-

но выселялись. Монастырь перешел в ведение "Главнауки". Монастырские здания были заняты детским домом, конторой музея, частными квартирами. Большая часть братских помещений сдавались музеем под квартиры дачникам. Большинство Оптинской братии переселились в Козельск и близлежащие деревни. Некоторые покупали домики и жили вместе по нескольку человек. К ним прилеплялись инокини уже закрытой Шамординской и других женских обителей, окормлявшиеся прежде у Оптинских старцев. Для иноков, оставшихся без крова, без куска хлеба, не имеющих никаких перспектив на будущее, единственным утешением была молитва. В Скиту кельи старцев по указаниям о. Севастиана были восстановлены в их первоначальном виде как внутри, так и снаружи.

В 1923 году, за два месяца до закрытия монастыря, о. Севастиан принял рукоположение в иеродиакона.

В марте 1923 года был арестован и выслан за пределы губернии старец Нектарий. Рассказывали, что во время ареста, когда власть требовала, чтобы Батюшка отказался от приема посетителей, ему явились все Оптинские старцы и сказали: "Если ты хочешь быть с нами, не отказывайся от духовных чад твоих". И он не отказался.

Первое время старец жил в селе Плохино (в сорока пяти верстах от Козельска), затем перебрался в село Холмищи Брянской губернии (в 50-ти верстах от Козельска). После ареста старца о. Севастиан жил в Козельске вместе с Оптинской братией и часто навещал старца в его изгнании.. В 1927 году епископом г. Калуги о. Севастиан был рукоположен в иеромонаха. 29 апреля 1928 года последовала кончина старца Нектария. Свою святую душу он предал Богу под епитрахилью приехавшего из Киева своего духовного сына о. Адриана Рымаренко (впоследствии архиепископ Рокландский Андрей, † 1978). Неутешно плакал о. Севастиан на похоронах и потом на могиле старца. Выполняя благословение старца после его смерти уезжать служить на приход, о. Севастиан уехал сначала в Козельск, потом в Калугу, а затем по приглашению настоятеля Ильинской церкви г. Козлова протоиерея Владимира Андреевича Нечаева* приехал в Козлов и от епископа Тамбовского и Козловского Вассиана (Пятницкого) получил назначение в Ильинскую церковь. Там он служил с 1928 по 1933 год вплоть до своего ареста. В этот период он вел в Козлове неутомимую борьбу с обновленцами.

* Отца ныне здравствующего митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева).

О. Севастиан поддерживал связь с жившей в рассеянии братией Оптиной Пустыни. Так, в 1929 г. он напутствовал Святыми Тайнами вернувшегося из Кзыл-Ординской ссылки, умирающего иеродиакона Кирилла (Зленко, †19. 07. 1932 ст. ст.), бывшего письмоводителя старца Варсонофия.

Вскоре был арестован протоиерей Владимир Нечаев, и о. Севастиан взял на себя попечение о его семье: матушке Ольге и детях.

Богослужения в приходском храме по молитвенному настрою заметно отличались от благоговейных богослужений Оптинского скита, к которым привык Батюшка. Бывало, что в какой-нибудь праздник он приходил из церкви расстроенный. Он не любил немолитвенного нотного пения и хотел, чтобы клирос пел так, как пели у них в скиту. А регенту нравилось пение погромче и повеселее, да еще не против был ногой притопнуть. Батюшка настаивал, чтобы перед службой регент брал благословение — что и как петь. Батюшка говорил: "Петь нужно так, чтобы людям хотелось молиться и плакать". А регент возражал: "Его Алтарь, а мой клирос". Но этой вольности Батюшка не допускал, и пели так, как благословлял, по-монастырски.

Бывало еще, что мужчины певчие по большим праздникам требовали денег на

вино. Но о. Севастиан никогда не удовлетворял этой просьбы, а если и разрешит — “Кагору”, и то с водой. Обедом накормит досыта, купит им по рубашке, утешит чем угодно, только не водкой. И за эту “нелюбовь” терпел Батюшка от мужчин неприятности всю жизнь.

В Козлов к о. Севастиану стали съезжаться сестры по духу. Первая приехала инокиня Шамординского монастыря Агриппина, которую Батюшка определил петь на клирос, затем инокиня того же монастыря Феврония, ее Батюшка определил домохозяйкой. Однажды, управившись с хозяйством, она вышла отдохнуть во двор дома. Ее донимали помыслы: “Зачем я сюда приехала? Батюшка такой же, как все батюшки, работа такая же, как и дома”. Вдруг вышел из дома Батюшка, сел с ней рядом и сказал: “Зачем ты ко мне приехала? Я такой же, как все батюшки”. Она поняла, что он видит все ее мысли, упала к нему в ноги и попросила прощения. И поняла, что о. Севастиан именно не такой, как все. Мать Феврония осталась с Батюшкой навсегда, была рядом в годы его заключения в Карлаге и в Караганде жила до самой смерти.

Вскоре приехали к Батюшке две девушки из купеческой семьи. Одна из них, инокиня Варвара, двенадцати лет была

отдана родителями в Шамордино. К Батюшке они приехали одетыми по-городскому: в туфельках, нежных платьях и косынках. Батюшка посмотрел на них и сказал матери Февронии: "Принеси этим девицам "фезеушные" ботинки, пиджаки и платки. Пусть оденутся и идут в церковь". Они беспрекословно послушались и пошли в церковь в принесенной им одежде. Там встали у самого порога за печкой, чтобы никто их не видел и не засматривался на юных дев. Так Батюшка иногда смирял.

Инокиня Варвара обладала хорошим голосом — альтом, и прекрасной памятью. Она же была и уставщицей. Кроме того, ее называли Миротворицей за то, что примиряла ссорящихся. Батюшка про нее говорил: "Если бы Варвара была монах, то была бы иеромонах".

В это время в Козлове проживали и другие иноки и инокини из разоренных монастырей, а также миряне, посещавшие прежде Оптину Пустынь. И сердца искренне ищущих спасения созидательной силой духа Божия влеклись к о. Севастиану. Это не могло не обратить на себя внимания местных властей.

25 февраля 1933 года о. Севастиана вместе с инокинями Варварой, Агриппиной и Февронией арестовали и отправили

в Тамбовское ОГПУ для прохождения следствия. На допросах следователем выявлялись контакты о. Севастиана с едиными по духу людьми, а также отношение его к советской власти. На это Батюшка дал прямой ответ: "На все мероприятия советской власти я смотрю, как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Такие взгляды я высказывал среди своих приближенных, а также и среди остальных граждан, с которыми приходилось говорить на эту тему. При этом говорил, что нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся. Я мало был доволен соввластью за закрытие церквей, монастырей, так как этим уничтожается Православная вера"*.

От посторонних передачи в ГПУ не принимали, и оставшиеся на свободе духовные чада Батюшки вызвали телеграммой в Тамбов его дальнюю родственницу. Они провожали ее до тюрьмы, она передавала передачу, разговаривала с Батюшкой. А сестры в обеденное время, когда заключенных выводили из тюрьмы и вели через двор в столовую, стояли у ворот и смотрели в щели. Батюшка, проходя мимо ворот, благословлял их.

2 июня 1933 года заседание Тройки ПП

* УФСБ по Тамбовской обл., дело № Р-12791, т. 1.

ОГПУ по ИЧО по внесудебному рассмотрению дел постановило: “Фомина Степана Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10, II УК, заключить в исправтрудлагерь сроком на 7 лет, считая срок с 25/2-33 г.”*

Батюшку остригли и обрили. И когда он в последний раз проходил мимо ворот, даже головы не мог поднять от скорби.

Медкомиссия при Тамбовском ФЗИТК признала, что в связи с ограниченным движением левого локтевого сустава (Батюшка в детстве повредил левую руку), он не годен к тяжелому физическому труду**. Несмотря на заключение комиссии, о. Севастиан был отправлен в Тамбовскую область на повалку леса, что было ему не по силам. Духовные дети узнали место лесоповала и, невзирая на дальность расстояния, находили возможным приносить ему передачи, утешать и поддерживать, кто чем мог. По воскресным дням осужденных отпускали домой. Домой в Козлов о. Севастиану было далеко, но и по эту сторону леса в деревеньке нашлись духовные дети, которые вечером в субботу ждали его. Там были созданы все условия: помыться, сменить одежду, поесть, помолиться и отдохнуть. Воскресный день проходил в молитве и беседе, о чем сам

* Там же.

** Там же.

Батюшка говорил: “Как на Пасху! Как в раю побудешь!” А в понедельник снова надо идти в лес на работу. Но и это прошло. Через год о. Севастиан был переведен в Карагандинский лагерь в поселок Долинка, куда прибыл 26 мая 1934 года.

Историческая справка

Если попытаться исследовать историю возникновения Караганды, то окажется, что история этого города есть ничто иное, как история Карлага и история крестьян-спецпереселенцев 30-х годов. До начала 30-х годов Караганды, как таковой, не существовало. Лишь на месте нынешнего Старого города, на пригорке, стоял построенный англичанами еще при царе-батюшке флигель из красного кирпича под бордовой жестяной крышей. Ими же (то есть англичанами) был пробит первый шурф на месте будущей первой шахты им. Костенко и добыт первый уголь, который был вывезен на верблюдах. И было на этом участке степи несколько переселенческих поселков, возникших в начале века — Старая Тихоновка, Большая Михайловка, Дубовка, Федоровка, Крещеновка, где жили русские по-*

* Название одного из районов современной Караганды.

селенцы и стояли в некоторых из них православные храмы. Вот все, что было до 1930-го года, года "великого перелома", когда по всей России началась всеобщая коллективизация, или массовое гонение на крестьянство.

Спецпереселенцы

В программу первой пятилетки молодого, задумавшего окрепнуть в короткий срок государства входила задача освоения целинных земель Центрального Казахстана и разработка Карагандинского угольного бассейна. Так как для осуществления этой задачи требовалась предельно дешевая рабочая сила, в начале 1931 года была создана комиссия под председательством Андрея Андреевича Андреева, которая совместно с ОГПУ занялась решением этого вопроса. И комиссия решила: выслать в Центральный Казахстан 52 тысячи крестьянских семей, что вместе с детьми и стариками составляло около полумиллиона человек. И начались в феврале-марте 1931 года массовые аресты крестьян и отправка их по этапу в знойные степи Центрального Казахстана. Сначала для строительства железной дороги от Акмолинска до будущей Караганды в Акмолинск были от-

правлены отцы семейств и старшие сыновья, которые построили эту дорогу в сказочно быстрые сроки. За четыре месяца, то есть к маю 1931 года, она была уже готова. После этого стали подвозить в Карагандинскую область и в Осакаровский район семьи строителей дороги. Пошли под строгой охраной ОГПУ в сторону Караганды эшелоны, битком набитые крестьянскими семьями. Шли они со всего Поволжья, начиная с Астраханской области и кончая Чувашией и Мордовией, из Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Орловской областей, с Харьковщины и Оренбуржья. Везли их по жарким степям в наглухо закрытых телячьих вагонах, где для всего вагона стояла одна туалетная бочка. Ехали в тех вагонах беременные женщины, кормящие матери, дети, старики. Уже в вагонах люди стали умирать и покойников везли вместе с живыми до места назначения. И опять из вновь прибывших были отобраны наиболее крепкие парни и девушки для строительства дороги Караганда — Балхаш. Дневная норма (даже зимой) на каждого строителя была 8 тонн грунта. Инструмент — тачка, лом, кирка, совковая лопата. Невыполнившим норму урезали паек. И люди падали замертво. Могилы им не копали, а клали прямо в

железнодорожную насыпь и засыпали грунтом. Так что дорога эта от Акмолы до Балхаша буквально на костях стоит.

Итак, 52 тыс. крестьянских семей были привезены летом и ранней осенью 1931 года на территорию будущей Караганды и области и брошены под открытым небом на произвол судьбы — ни жилья, ни хлеба в достатке, ни воды. Селились люди в наскоро вырытых ямах, которые копали себе сами, укрывая их ветхим тряпьем, чтобы можно было самим в них укрыться от знойного солнца и иссушающего степного ветра. И этим необыкновенным жарким летом 1931 года от дизентерии и голода погибли почти все дети до 6-летнего возраста. А остальные, начиная с 10-летних детей и заканчивая стариками, были мобилизованы на сооружение земляных бараков. Бараки к зиме достроить не успели, и в ноябре, когда уже выпал снег и трещали морозы, началось заселение в недостроенные, неутепленные и неотапливаемые бараки, в которых не было порой даже крыши. В бараки, площадью 50 кв. м. заселяли по 100 и более человек. И зимой 31—32 гг. прошла волна массовой смертности. Главными губителями людей были холод, голод, повальный тиф, цинга. В результате чего в поселках — обсервациях вымерло более

половины от общего количества крестьян. Впрочем, учета умирающих никто не вел. Были лишь при комендатурах похоронные команды, которые собирали покойников на телеги и сваливали их во рвы, вырытые на окраинах поселков.

Поздней осенью 1932 года взамен погибших спецпереселенцев в Осакаровский район, где повымерзли почти все, пришло пополнение — несколько эшелонов репрессированных кубанцев. А в 1933 году, когда почти на всю страну обрушился голод, по спецпереселенцам прошла новая волна смертей.

В эти страшные годы по всей Карагандинской области не было ни одного православного храма. Спецпереселенцы собирались на молитву тайно, в землянках. Именно они и составили впоследствии первые общины Карагандинской церкви, которые, начиная с 1942 года, ходатайствовали об открытии при шахтах и в новообразованных поселках православных храмов и молитвенных домов.

Что же сказать о планах первых пятилеток? Конечно, они были выполнены. Первоцелинники-спецпереселенцы освоили тысячи и тысячи гектаров целинных земель, к середине 30-х годов на территории Карагандинской области и Осакаровского района создали 25 экономически крепких колхозов и разработали первые

шахты Карагандинского угольного бассейна.

Но если попытаться подвести итоги и назвать число загубленных здесь в 1931—1933 годах крестьян-спецпереселенцев то, исходя из того, что из каждых четырех человек здесь выжил только один, окажется, что в наскоро отрытых на окраинах спецпоселках рвах и под железнодорожной насыпью от Акмолы до Балхаша вот уже шестьдесят с лишним лет покоится прах примерно четырехсот тысяч крестьян и их детей.

Карлаг

Как и завоз "раскулаченных" спецпереселенцев, похожая проблема — откуда взять для освоения безлюдных степей Казахстана дешевую и неприхотливую рабочую силу, такую силу, которая была бы свободна от семьи и готова к перегону с места на место, не требовала бы ни устроенного жилья, ни больниц, ни школ, — была решена так же просто.

19 декабря 1931 года было принято решение об образовании в Центральном Казахстане одного из филиалов ГУЛАГа — Карлага, который первоначально получил название "Карагандинский совхоз-гигант ОГПУ", и целью его организации

явилось создание основы сельскохозяйственного производства для бурно развивающейся тяжелой промышленности Центрального Казахстана. В одном из первых директивных документах сказано: "Организованный в 1931 г. Карагандинский совхоз-гигант ОГПУ получает почетное и ответственное задание — освоить грандиозный район Центрального Казахстана". И освоение это началось с того, что в конце 1931 г. в древние степи Сары-Арки со всех концов Советского Союза, вместе с людьми уголовного мира, стали прибывать этапы жертв политических репрессий. Первый этап численностью 2567 человек был размещен в палаточном лагере, оцепленном с четырех сторон колючей проволокой. Численность заключенных росла из года в год и вместе с ней рос и развивался совхоз-гигант. Сфера его влияния распространялась от Алтая до Бетпак-Далы, от "Казахстанской Швейцарии" до Заилийского Ала-Тау. Территория Карлага была равна территории Франции. Столицей Карлага был поселок Долинка (33 километра от Караганды), воротами, куда пребывали заключенные, — станция Карабас, и братской могилой тысячи тысяч его узников стала вся безбрежная степь Центрального Казахстана.

Карлаг располагал реальной властью, оружием, транспортными средствами, содержал почту, телеграф. Он состоял из 26-ти отделений ("точек"), расположенных в радиусе от 2 до 400 километров от Долинки. Отделения были увязаны в единый хозяйственный план и не было случая, чтобы этот план не выполнялся. Спрос здесь был особый. Вокруг Долинки, тесно опоясывая ее, также выросли лагерные зоны, оборудованные по всем техническим условиям лагерного режима: ограды с козырьками из колючей проволоки, сторожевые вышки, контрольная пропахиваемая и боронуемая полоса, круговые посты караульных собак. В центре Долинки размещался третий отдел (позднее переименованный в первый) — тюрьма в тюрьме, где заключенным добавляли срок, подвергали пыткам, производили расстрелы.

В Карлаге работала выездная коллегия Карагандинского областного суда в составе трех лиц, называемая "тройкой". Приговоры исполнялись на местах. Приговоренных ставили на колени на край ямы, предварительно вырытой другими заключенными, и стреляли в затылок. Расстрелянные брались на списочный учет с грифом "Умер", личные дела уничтожались.

Хозяйство Карлага процветало. Карлаг изобиловал не только дешевой рабочей силой, но он имел и крепкий мозговой центр. В нем содержались известные всему миру ученые, военноначальники, деятели культуры, политики, люди духовного звания, монашествующие. За колючей проволокой степных отделений было сосредоточено большое количество высококвалифицированных агрономов всех уклонов, зоотехников, медицинских работников, экономистов. Условия жизни заключенных Карлага были невыносимыми. Акт, составленный проверяющими работниками Гулага, от 5 февраля 1941 г., свидетельствует:

"Заключенные размещены в стандартных бараках. Стены бараков саманные, внутреннее оборудование — двойные нары. Полы земляные, зимних рам нет. Грязь, сырость, печки в бараках отапливаются не ежедневно. В мужском бараке температура воздуха +4°, в женском +16°. У многих заключенных не имеется постельных принадлежностей. Баня, прачечная, дизкамеры в виду отсутствия топлива работают с большими перебоями. Обнаружены массовая вшивость, недостаток белья, которое не меняется и не стирается. Зимним вещедовольствием обеспечено менее 50 % заключенных. Большинство одето не по сезону, на ногах летняя

обувь. Кипяченая вода, как в бараках, так и на работах отсутствует. На работах нет даже сырой воды. Заключенные вместо воды едят снег. Питание по качеству не соответствует калорийности. Имеются случаи невыхода на работу по разутости и раздетости. Заключенные, не вышедшие на работу по этим причинам, котируются, как отказчики от работы, которым выдается паек отказчика. Их даже отправляют в ШИЗО (штрафной изолятор)".

В Карлаге часто совершались попытки к бегству. Все они заканчивались "ликвидацией".

И на всем этом фоне на всю страну гремела слава Карагандинского совхоза МВД СССР (шло время, менялись названия) и его опытной сельскохозяйственной станции. Рекордные урожаи здесь давали капуста, огурцы, помидоры. Небывалых результатов достигли селекционеры. Они вывели новые сорта озимых, яровых, кормовых культур. Агроном Митрошина, осужденная на 25 лет по 58-й статье, вывела сорт картофеля "эпикур" и получала по 60 тонн с гектара. Кроме того, было организовано скотоводческое хозяйство. На Всесоюзной выставке в Москве, например, демонстрировалась корова по кличке Морошка, да-

вавшая 12 тысяч литров молока в год. Огромнейшие отары овец с середины лета до поздней осени шли своим ходом из разных отделений Карлага вплоть до Петропавловского мясокомбината. В Карлаге были сахарный завод, стекольное производство, катали пимы, выделывали кожу. В цехе № 3 РМЗ в военное время выпускали мины М-82. Всюду работали заключённые. Карлаг кормил армию, давал государству зерно, мясо, оружие, одежду. Но заключенных за людей не считали. Кормили баландой, ячменем "анютины глазки". Ежедневно из Долинки приезжали судьи и судили заключенных за то, что кто-то взял морковку или свеклу.

И не является секретом тот факт, что смертность в Карлаге была очень большая.*

"В конечном итоге, — говорится в одном из научных отчетов опытной станции, — всю хозяйственную деятельность совхоза МВД можно рассматривать как грандиозный производственный опыт успешного сельскохозяйственного освоения земель крайне сухих степей и полу-

* За годы своего существования (с 1931 по 1956 гг.) Карлаг принял около миллиона человек. Но поскольку архивы Карлага до сего дня засекречены, нет возможности назвать даже приблизительное число его жертв.

пустыни". Так оно и было. Но спроектировано и построено все это было руками заключенных на их же собственных костях.

* * *

Итак, в мае 1934 года в жаркие степи Центрального Казахстана в одно из отделений Карлага был привезен с этапом иеромонах Оптиной Пустыни о. Севастиан.

О своем пребывании в лагере Батюшка вспоминал, что там били, истязали, требовали одного: отрекись от Бога. Он сказал: "Никогда". Тогда его отправили в барак к уголовникам. "Там, — сказали, — тебя быстро перевоспитают". Можно представить, что делали уголовники с пожилым и слабым священником.

По слабости здоровья Батюшку поставили работать хлеборезом, затем сторожем складов в зоне лагеря. В ночные дежурства Батюшка никогда не позволял себе спать, он нес молитвенный труд. И начальство, приходя с проверкой, всегда заставало его бодрствующим. Батюшка рассказывал, как иногда в зону привозили кинофильмы и всех заключенных сгоняли в клуб. "Я в кино не ходил, — вспоминал он, — все идут, а я скажу напарнику: "Ты иди за меня в кино, а я за тебя подежурю". А если приходилось идти, то

Батюшка приходил в клуб пораньше и где-нибудь в укромном уголке или под лавкой ложился. Когда поспит, отдохнет, когда молитву почитает.

В последние годы заключения Батюшка был расконвоирован и жил в каптерке в третьем отделении лагеря, находящегося близ Долинки. Он возил на быках воду для жителей ЦПО*. Бывало, зимой привезет воду, подойдет к быку и греет об него окоченевшие руки. Ему вынесут и подарят варежки. А на следующий день он опять приезжает без варежек (подарил кому-нибудь или отобрали) и снова греет руки об быка. Одежда на нем старая, драненькая. Когда по ночам Батюшка замерзал, он забирался в ясли к скоту и согревался теплом животных. Жители ЦПО давали ему продукты — пироги, сало. Что мог, он кушал, а сало отвозил заключенным в отделение. "В заключении я был, — вспоминал Батюшка, — а посты не нарушал. Если дадут баланду какую-нибудь с кусочком мяса, я это не ел, менял на лишнюю пайку хлеба".

Сестрам Варваре и Февронии, арестованным с Батюшкой, срок не дали. Сестру Агриппину отправили на Дальний Восток, где через год освободили. Она написала Батюшке о своем намерении ехать

* Центральные промышленные огороды.

на родину, а он благословил ее немедленно приехать в Караганду. В 1936 году она приехала, получила свидание с Батюшкой, и он предложил ей купить домик в районе поселка Большая Михайловка, поближе к Карлагу, поселиться в нем, а к нему ездить каждое воскресенье на попутной, "абы какой машине". Спустя два года в Караганду приехали сестры Феврония и Варвара. И домик был куплен на Нижней улице — амбарик старенький с прогнувшимся потолком. В нем они устроили две комнаты, кухню, сенцы. Был и огород с колодцем. Сестры Агриппина и Варвара устроились работать в больнице в Новом городе, а Феврония, как малограмотная, работала в колхозе. Приехали в Караганду и другие монахини: Кира, Марфа и Мария. Они поселились в Тихоновке. Сестры познакомились с верующими и стали потихоньку собираться для совместной молитвы. Узнав, что в Долинке находится о. Севастиан, верующие стали помогатся ему. В воскресные дни сестры приезжали к Батюшке в отделение. Кроме продуктов и чистого белья, они привозили Св. Дары, поручи, епитрахиль. Все вместе выходили в лесок, Батюшка причащался сам и сестер исповедывал и причащал. Заключенные и лагерное начальство полюбили Батюшку. Злобу и

вражду побеждали любовь и вера, которые были в его сердце. Многих в лагере он привел к вере в Бога и не просто к вере, а к вере настоящей. И когда Батюшка освобождался, у него в зоне были духовные дети, которые по окончании срока ездили к нему в Михайловку. А много лет спустя, когда открылась в Михайловке церковь, жители Долинского отделения ЦПО поехали туда и узнали в благообразном старце-священнике своего водовоза.

Подошел к концу срок заключения. Батюшка был освобожден из лагеря 29 апреля 1939 года накануне праздника Вознесения Господня. Он пришел к своим послушницам в крошечный домик, где пол мазался желтой глиной, а на кухне за ширмой на большом сундуке была его постель. И жили они — мать Феша, мать Варя, мать Груша, позже мать Екатерина к ним приехала из заключения, и Батюшка. Утром рано вставали, читали положенное правило, сестры шли на работу, а Батюшка дома оставался. Он за водичкой ходил, обед варил, обувь чинил и чистил. Сестры этим смущались, но старшие монахини, жившие в Тихоновке, сказали им: "Что Батюшка делает — вы не понимаете и потому молчите". Литургию служили тайно, и ежед-

невно Батюшка вычитывал суточный круг богослужения.

Перед войной он ездил в Тамбовскую область. Духовные чада Батюшки, много лет ожидавшие его возвращения из лагерей, надеялись, что он останется с ними в России. Но Батюшка, искавший исполнения не своей воли, а предавая себя в волю Божию, прожив неделю в селе Сухотинка, снова возвратился в Караганду, в тот удел, который был назначен ему Божественным промыслом.

Население Караганды в те годы составляли прикрепленные к угольным шахтам с пометкой "навечно" все те же спецпереселенцы, а так же освобождавшиеся со справкой "вечная ссылка в Караганду" бывшие узники Карлага. Более двух третей населения города не имело паспортов. Жили ссыльные в темных чуланах, землянках и сарайчиках, и каждые 10 дней они обязаны были отмечаться в комендатурах.

Караганда была голодным городом, особенно плохо с хлебом было в военные и послевоенные годы. Батюшка сам ходил в магазин получать хлеб по карточкам. Одевался он, как простой старичок, в очень скромный серенький костюмчик. И вот он шел, занимал очередь. Очередь подходила, его отталкивали, он снова стано-

вился в конец очереди и так не один раз. Люди это заметили и, видя его незлобие и кротость, стали без очереди пропускать Батюшку и давать ему хлеб.

В 1944 году Батюшкой и сестрами был куплен на Западной улице дом побольше. Батюшка ходил по дому, все по-хозяйски оглядывал и говорил, что и как надо переоборудовать. "Да зачем же, батюшка, — возражали сестры, — не в Казахстане же нам век вековать! Вот кончится война, и поедем с вами на Родину". "Нет, сестры, — сказал Батюшка — здесь будем жить. Здесь вся жизнь другая, и люди другие. Люди здесь душевные, сознательные, хлебнувшие горя. Так что, дорогие мои, будем жить здесь. Мы здесь больше пользы принесем, здесь наша вторая родина, ведь за 10 лет уже и привыкли". Так и остались они навсегда, все до смерти, в Караганде. И на Михайловском кладбище похоронены все рядом с Батюшкой. Трех из своих монахинь — Агриппину, Варвару и Екатерину Батюшка сам похоронил, хотя они были много его моложе*.

* Все они заболели сердцем после нападения на домик на Нижней улице бандитов. Перепугались до полусмерти, и это подорвало их здоровье. Матери Февронии не было в ту ночь дома, и она пережила всех троих. Батюшка, предвидя беду, настаивал на переезде своих послушниц в район

А тогда, в 1944 году, в новом доме на Западной улице была устроена небольшая домовая церковь, и о. Севастиан тайно совершал в ней Божественную Литургию. В доме у Батюшки всегда была чистота, тишина и необычайный покой. В комнатах было много икон, перед которыми теплились огоньки лампад.

Шло время. Жители Михайловки, узнав о Батюшке, стали приглашать его к себе, в свои дома. Разрешения на совершение треб не было, но Батюшка ходил безотказно. Народ в Караганде был верный — не выдадут. Не только в Михайловке, но и в других районах полюбили Батюшку, поверили в силу его молитв. Со всех краев в Караганду стали съезжаться духовные чада старца — монашествующие и миряне, ищущие духовного руководства. Ехали из Европейской части России, с Украины, из Сибири, с дальних окраин Севера и Средней Азии. Он всех

Мелькомбината. Но это было далеко от Б. Михайловки, и матушки никоим образом не захотели уезжать далеко от храма. Так и не послушались Старца, за что и пострадали, и умерли одна за другой от инфарктов. Вскоре после нападения Батюшка купил для них дом рядом с церковью, но силы трех монахинь были уже подорваны. Имена их в монашестве: Александра, Вера и Елена. Мать Феврония была пострижена после смерти Батюшки с именем Фекла. Скончалась в 1976 г.

принимал с любовью и помогал устроиться на новом месте. Домики в Караганде в то время продавались недорого. Они принадлежали спецпереселенцам, которые, со временем выстраивали для себя новые дома и продавали свои саманные хибарки. Батюшка давал деньги на покупку домика тем, у кого их не было, или добавлял тем, кому их не хватало. Деньги ему со временем возвращали, он отдавал их другим и т. д.

Вокруг Караганды открывались новые шахты и рудники, и устроиться на работу тоже было нетрудно. Скоро в Михайловке "батюшкиных" стало очень много, и они все прибавлялись, а Батюшка всегда был светлым, любящим, ко всем ласковым, всем доступным. А однажды, когда он с монахинями Марией и Марфой ходил на общее кладбище, что за Тихоновкой, где посредине кладбища были общие могилы, в которые клали в день по двести покойников-спецпереселенцев, умиравших от голода и болезней, и зарывали их без погребения, без насыпи, без крестов, — старец, посмотрев на все это и обо всем наслушавшись, сказал: "Здесь день и ночь, на этих общих могилах мучеников, горят свечи от земли до неба". И был о. Севастиан молитвенником за всех их.

А Караганда росла и строилась, вбирая в себя разделенные участками степи,

шахтами и рудниками старые переселенческие поселки, поселки спецпереселенцев 30-х годов, селения немцев, высланных в Караганду из Поволжья в военные годы. Первым был выстроен Копай-город, затем поселки 1-го и 2-го рудников, затем возле крупных шахт был отстроен Старый город, и уже после войны стал строиться со всем размахом областного промышленного центра многоэтажный Новый город. Михайловка оказалась самым близким районом, вплотную прилегающим к Новому городу. А церковь в Караганде была только одна — на 2-м руднике.

В ноябре 1946 года по благословению старца православные жители Большой Михайловки подали в соответствующие местные органы власти заявление о регистрации религиозной общины. Не добившись на месте положительного результата, верующие обратились с ходатайством в Алма-Ату к Уполномоченному по делам религии в Казахстане. В ответ на это ходатайство в ноябре 1947 года в Карагандинский облисполком пришло распоряжение: “Запретить священнику Севастиану Фомину службы в самовольно открытом храме”. Повторные заявления направлялись в Алма-Ату и в 1947, и в 1948 годах. Верующие ездили ходатайствовать в Москву, обращались за поддержкой в

Алма-Атинское Епархиальное управление. К военкому Карагандинской области писали родители воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, единственным утешением для которых было помолиться за своих погибших на войне сынов: "но нас, — говорилось в письме, — лишают и этой возможности"*.

К Большемихайловскому приходу, кроме Нового города, примыкали районы Мелькомбината, Федоровского пласта, Михайловской железнодорожной станции, районы Сарани, Дубовки, 10 кирзаводов, район Новостройки, районы пяти карагандинских угольных разрезов, несколько шахт и прочие (всего 20 пунктов). А Батюшка был один, помогали ему только монахини.

Верующие просили зарегистрировать молитвенный дом хотя бы в качестве филиала существующего на 2-м руднике Кировского молитвенного дома.

В результате в 1951 году Михайловский молитвенный дом, где некоторое время все-таки совершались требы, был окончательно закрыт. И только в 1953 году добились официального разрешения на совершение в Большемихайловском молитвенном доме церковных таинств и

* Совет по делам религии при Совмине КССР, переписка с уполномоченным Д. 1, л. 12; Д. 4, л. 45.

обрядов — крещения, отпевания, венчания, исповеди. Теперь к Батюшке могло обращаться гораздо большее число людей, но Литургию Батюшка мог служить только тайно на частных квартирах верующих. И после утомительного трудового дня, после келейной молитвы Батюшка, маленький, худенький, в длинном черном пальто и в черной скуфейке, в три часа ночи шел своей легкой, быстрой походкой по темным карагандинским улицам в заранее условленный дом, куда по одному, по два собирались православные. По Великим праздникам Всенощное бдение служили с часа ночи, а после короткого перерыва совершалась Божественная Литургия. Окна плотно завешивались одеялами, чтобы не пробивался свет, а внутри дома было светло и многолюдно. Службу заканчивали до рассвета, и так же, по темным улицам, по одному — по два люди расходились по домам.

К этому периоду времени относится приезд в Караганду двух монахинь высокой духовной жизни — матери Агнии и матери Анастасии, которым о. Севастиан был хорошо знаком еще по Оптиной Пустыни. Мать Агния — духовная дочь старца Варсонофия, талантливая художница, — с юных лет обучалась иконописному искусству в Знамено-Сухотин-

ском монастыре. Она была начитана, хорошо знакома с творениями святых Отцов, внутренне была очень сдержана и интеллигентна. Мать Анастасия по благословению старца Нектария несла подвиг юродства. Она часто совершала поступки, противоречащие здравому смыслу, значение которых открывалось впоследствии. И свою заботу обо всех, ангельскую доброту своей души она старалась скрыть за внешней суровостью, делая порою резкие замечания ближним и обличая их грехи и недостатки. Но боялись мать Анастасию только еще не привыкшие к ней, а знающие ее платили ей той же любовью и большим уважением. Обе эти старицы были наделены благодатными дарами. Они видели человека насквозь, многое прозорливо предсказывали, но имея глубокое смирение, жили под старческим водительством о. Севастиана.

А хлопоты об открытии храма продолжались. Снова и снова ездил в Москву преданный Батюшке человек — Александр Павлович Кривоносов — и привез, наконец, в 1955 году, исходатайствованный им документ о регистрации религиозной общины в Большой Михайловке.

Начались реконструкционные работы по переоборудованию жилого дома в храмовое здание. Всем руководил Батюшка. Были сня-

ты перегородки между стенами, на крыше сооружен голубой купол-луковка, какие бывали на старинных церквах лесных скитов. Зорко наблюдавшие за ходом работ представители местной власти категорически запретили поднимать крышу храма даже на сантиметр. Тогда Батюшка благословил в одну ночь тайно собраться народу и в течение этой ночи углубить на один метр пол в церкви. Люди взялись за лопаты, и за ночь было вывезено грузовиками 50 кубометров земли. Таким образом, потолок от пола стал на метр выше прежнего. Пол быстро покрыли досками, и утром в церкви уже совершался молебен.

Во дворе построили дом, назвав его "сторожкой", к которой постепенно пристроили четыре комнаты: трапезную с кухней, келью для келейниц и большую светлую комнату с теплым тамбуром, которая стала батюшкиной кельей. Далее во дворе устроили открытую часовню для служения Пасхальной Заутрени и Крещенского водосвятия, в кухне были наставлены нары для приезжих, которых особенно много было под праздники (через несколько лет нары убрали по приказу Горсовета). Жители Михайловки стали приносить сохранившиеся у них иконы. Некоторые из икон были спасены ими при закрытии в 1928 году старой Михайловской церкви. Так дивной

красоты икону "Скоропослушницы", некогда заказанную на Афоне первыми насельниками Большой Михайловки — переселенцами из Белорусии, Батюшка решил поместить в иконостас. Мать Агния написала для иконостаса в одинаковом с Владычицей размере икону Спасителя с Евангелием. И много других икон было написано ею для Михайловской церкви. Церковную утварь, служебные и святоотеческие книги прислал из Москвы бывший узник Карлага протодиакон Иаков. И в 1955 году в день Великого праздника Вознесения Господня освятили в Большой Михайловке церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Священников Батюшка подбирал себе сам. Сначала приглядывается, потом призовет и скажет: "А вам надо быть священником". Так было с Александром Павловичем Кривоносовым, занимавшим руководящую должность по аграрному хозяйству при Облисполкоме. Он испугался этих слов, пришел домой и не мог заснуть — плакал. Но ослушаться не посмел, пришел к Батюшке и сказал: "Благословите, я согласен". — "Ну вот и хорошо, подучитесь пока, а потом поедете в Алма-Ату принимать священный сан"*. Другой свя-

* Сохранилось письмо старца Севастиана к митрополиту Алма-Атинскому и Казахстанскому Николаю (Могилевскому): "Ваше Преосвященство,

щенник, Серафим Николаевич Труфанов, по желанию своего отца-священника, принял священный сан давно, но долгое время работал экономистом. Он, как и отец Александр, был одиноким. Потом Батюшка послал в Алма-Ату для рукоположения церковного старосту Павла Александровича Коваленко. О. Павел стал четвертым священником. Диакон о. Николай

Владыко святый Николай, прошу Вашего Святительского благословения. Ваш послушник, недостойный Севастиан. Владыко Святый, прошу Вас убедительно, если можно это, посвятить во священники Александра Павловича Кривоносова, ввиду того, что мое здоровье слабеет, приходится с большим трудом обслуживать приход. Вот сейчас наступает Святая Четыредесятница, бывает много исповедников и причастников, поэтому мне бывает тяжело одному выполнить это святое дело. Поэтому я, грешный, прошу не отказать моей просьбе и моих прихожан рукоположить Александра Павловича в иереи. Александр Павлович человек нравственный, трезвый, во всех отношениях достоин иерейского звания." Об Александре Павловиче Кривоносове следует сказать подробнее. В молодости он посещал Шамординскую женскую обитель, и блаженная Пелагия, которая там жила, много говорила ему о его жизненном пути в будущем. Так, она сказала, что он отойдет от православия, будет увлекаться различными религиозными и политическими течениями, а в конце жизни станет "архимандритом Дивеева" Впоследствии ее слова оправдались. Он отошел от Православия, примкнул к староверам, увлекся иными

Самарцев, посвященный целибатом, был также ставленник Батюшки.

Батюшка был настоятелем храма одиннадцать лет — с 1955 по 1966 г., до дня своей кончины.

22 декабря 1957 года, в день празднования иконы Божией Матери "Нечаянная радость", архиепископом Петропавловским и Кустанайским Иосифом (Черновым) Батюшка был возведен в сан архимандрита и награжден Патриаршей грамотой "За усердное служение Святой Церкви".

В 1964 году ко дню своего Ангела был награжден архиерейским посохом — на-

---

религиозными течениями. Но когда в Караганде встретился со старцем Севастианом, старец так на него повлиял, что он окончательно и бесповоротно утвердился в Православии и принял священный сан. О. Александр стал добрым, любвеобильным пастырем и делателем молитвы Иисусовой. Он до смерти ожидал исполнения предсказания блаженной Пелагии и говорил: "Все, что она мне предсказала, исполнилось. Только одно не исполнилось". Но если смотреть шире, то исполнилось все. Из этого пророчества можно заключить, что старец Севастиан создал в Караганде "Дивеевскую обитель", то есть женскую общину, подобную общине Дивеевской. После смерти старца о. Александр стал настоятелем. Значит, в очах Божиих он был "архимандритом Дивеева", что и прозревала блаженная Пелагия. О. Александр почил о Господе 5 июля 1971 года.

града, примеров не имеющая. Перед блаженной своей кончиной Батюшка был пострижен в схиму.

Неутомимое подвижническое служение Православной Церкви от послушника в скиту Введенской Оптиной Пустыни до настоятельства и посвящения в сан архимандрита Батюшка исполнял 57 лет — с 1909 по 1966 год.

Батюшка сохранял безупречное исполнение церковного Устава, не допуская при богослужении пропусков или сокращений. Церковные службы были для него неотъемлемым условием его внутренней жизни. Батюшка особенно благоговел перед праздниками Вознесения Господня и Святой Троицы, как завершающими дело Христа Спасителя, как венцом всех Таин Христовых. В беседах его любимым образом был Иоанн Богослов, память которого он совершал особенно торжественно и благоговейно. Часто скорбел о недостойном почитании своей паствой этого Апостола Любви и говорил: "Вот, сегодня день памяти перенесения мощей святителя Николая, — и церковь полна народа. А вчера был праздник святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, — и церковь была полупуста. Как же вы не понимаете, кто выше и кого надо больше почитать? Какой праздник больше?" Так же он особенно чтил все

семь дней памяти Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и память святых бессребреников Космы и Дамиана (1/14 июля), как покровителей той местности, где он родился.

Батюшка придавал большое значение тому, чтобы люди ставили свечи. Иногда он звал к себе кого-нибудь из своих духовных чад или прихожан, давал пучок свечей и говорил: "Молись и ставь свечи почаще". То ли что-то угрожало человеку, то ли Батюшка видел, что тот редко ставит свечи. Объяснение этому часто открывалось впоследствии. Но одной своей духовной дочери монашеского устроения он при каком-то случае сказал: "Вам ставить свечи необязательно, сами свечой будте". Так же Батюшка учил почитать иконы и об иконах с благоговением говорил: "Торжество Православия — праздник. Что же празднуется? Что иконоборческую ересь победили и низвергли. На иконах благодать Божия. Они даны нам в помощь от Бога и защищают нас от темной силы. Есть особые святыни, где накапливается благодать Святаго Духа. И иконы есть особые по славе благодати. Есть намоленные веками чудотворные иконы, и, как ручейки, они несут от Господа благодать". Если Батюшка замечал, что кто-нибудь не прикладывается к иконам, говорил тому: "Ты, дорогой, когда

что-либо размышляешь и отвергаешь, то имей в своем уме и сердце правильную рассудительность". Одному сказал: "Ты, дорогой, сначала пойми, что трудно тебе понимать многое, а потому и ошибаешься легко. А то ведь так и невежество свое люди за мудрость принимают". Однажды в беседе Батюшка сказал, что старец Нектарий всегда говорил, что мудрость, разум, рассудительность — есть дары Святаго Духа. Они приводят к благочестию. И что человек, лишенный дара рассуждения, часто помышляет в себе превосходство над другими. "Где от злой силы защиту искать, как смирение, а не гордость, стяжать".

Постоянной заботой Батюшки было устроение в людских душах глубокого мира через отсечение своей воли. Жизнь среди мира, свою и своей паствы, он старался приблизить к жизни монастырской. Очень огорчался, если кто не слушался и не выполнял его совета, — это было всегда во вред и часто к несчастью человека. Огорчался он до скорби. Отчитает, отвернется и не благословит. Если же увидит слезы, или же что человек раскаялся и в конце концов послушался его совета, очень обрадуется, пожалеет его, и через некоторое время сам чем-нибудь порадует. Однажды он говорил одной девушке: "Ты же

не послушалась меня, что же ты теперь пришла, плачешь и просишь? Теперь придется терпеть". И, обратившись к девушкам, сказал: "Что же вы меня не слушаетесь? Почему? Ведь я же... — запнулся, — не всегда ошибаюсь". Таково было его смирение. Даже плакал Батюшка от непослушания чад. Так же часто плакал, принимая исповедь. Почему? То ли ужасался грехам, то ли не видел должного раскаяния, то ли предвидел что-то...

Любовь Батюшки была нежная, заботливая. Иногда он сердился, но редко. Выходило у него это очень по-детски. Говорил: "Вот я возьму палку и так тебе дам, так тебе дам палкой!" Люди часто в таких случаях падали на колени и просили прощения. Не палка, конечно, была страшна, а то, что расстроили Батюшку. Как-то раз он проговорился во время откровенной беседы: "Скольким я продлил жизнь..."

Батюшка обладал тонким юмором и любил пошутить, но всегда очень доброжелательно. Он не жалел времени на беседу с человеком. Каждый его совет приводил к благополучию. Жизнь верных чад Батюшки была примером порядка. Их называли "батюшкины", говорили, что добрая половина Михайловки, как негласный монастырь.

Здоровье у Батюшки было слабое. Особенно страдал он от сужения пищевода. Все знали, что во время еды его ни в коем случае нельзя беспокоить и отвлекать разговорами. Он тут же начинал кашлять, что иной раз заканчивалось рвотой. Эта болезнь была следствием нервных потрясений, во множестве перенесенных старцем за его долгую жизнь. Он всегда был в напряжении. Когда церковь была еще не зарегистрирована, и Батюшка тайно, с самыми близкими служил Литургии, он постоянно испытывал чувство страха. Он говорил: "Вот вам — батюшка, послужи! А вы знаете, что я переживаю?" Ведь он нарушал закон, в любое время могли прийти и всех арестовать. И впоследствии, когда в церкви служили открыто, у Батюшки этот страх немного оставался. Бывало, заходит в церковь человек в погонах, а Батюшка уже думает: "Могут сейчас подойти, прервать службу и арестовать". Однажды кто-то из чад сказал Батюшке: "Я боюсь вот такого-то человека". А он улыбнулся и говорит: "Да? А я вот не боюсь его. Я никого не боюсь. А вот боюсь, что церковь закроют. Вот этого я боюсь. Я за себя не боюсь, я за вас боюсь. Я знаю, что мне делать. А что вы будете делать — я не знаю". Это батюшкины слова.

Когда Батюшка был в силе, он после каждой Литургии служил молебен. Пел хор, читались два акафиста. А когда ослабел, акафисты читались наполовину. В конце молебна Батюшка давал целовать крест и обязательно говорил кратенько слово. Хоть тихоньким голоском, но всегда давал какое-то назидание. Конечно, на молебны оставалась вся церковь. В церкви было много молодежи. Только на клиросе дисконтовые партии до семнадцати девочек стояло пело. И все скрывались, когда приезжал уполномоченный с проверкой. Как только сообщают: "Власти!" — все прячутся. По восемь человек приезжало с уполномоченным. В храм заходят, а на клиросе одни старушки стоят. Власти все мечтали церковь закрыть, и Батюшку часто "туда" вызывали. Он приедет, а они ничего не могут сказать. "Что за старичок, — говорят, — что мы не можем ничего? Ну, пусть постарчествует, а как его старчество пройдет, церковь закроем". И все разговоры представители местной власти предпочитали вести с о. Александром. Духовная высота Батюшки ими явно ощущалась, она как бы пугала их, внушая благоговейный страх. Однажды уполномоченный по делам религии при Облисполкоме стал требовать от старосты батюшкиного храма, чтобы

священнослужители перестали выезжать в г. Сарань и пос. Дубовку, так как они относятся к другому району. Староста передал это требование Батюшке, и Батюшка на другой день вместе со старостой сам поехал в Облисполком. И когда Батюшка заговорил с уполномоченным, тот сразу переменил тон — стал объясняться и даже извиняться перед Батюшкой. Батюшка обратился к нему: "Товарищ уполномоченный, вы уж нам разрешите по просьбе шахтеров совершать требы в Сарани, в Дубовке и других поселках. Иногда просят мать больную причастить, или покойника отпеть." Уполномоченный благосклонно отвечал: "Пожалуйста, о. Севастиан, исполняйте, не отказывайте им". И какие Батюшка ни предлагал ему вопросы, он почти ни в чем не отказал и старосте впоследствии уже никогда не упоминал об этом.

Торжественным событием для батюшкиных чад были день его Ангела и день рождения. Всем хотелось подойти к Батюшке, поздравить его, сделать ему хоть небольшой подарок. Но Батюшка не любил ни почестей, ни особого внимания к себе, не любил принимать подарки. Все соберутся его поздравить, а он приедет поздно вечером или на другой день. Однажды в день Ангела Батюшка вернулся вечером домой, открыл дверь кельи и,

еще не войдя в нее, он неожиданно вскрикнул: "Кто?! Кто позволил засорять мне душу и келью?!" Келейницы, обеспокоенные такой реакцией, заглянули в келью и увидели, что около его кровати стоят новые бурки. Их кто-то поставил без батюшкиного благословения.

Так же не любил Батюшка, если кого-то особенно превозносят, он сразу же скажет о каком-либо недостатке этого человека. А если увидит, что кого-то уничижают, тут же найдет в человеке самые лучшие качества. Какие бы грехи не были, но найдет хорошее.

У Батюшки была высокая требовательность к себе. Он часто повторял, что свой долг надо выполнять неуклонно. Кто-то сказал ему после панихиды: "Вы опять сегодня очень устали. Вы так долго служили панихиду". Он взял со стола булочку и, показав ее, сказал: "Вот, видите, за каждую такую булочку я должен отмолиться". В то же время Батюшка был всегда и во всем умерен. "Надо держаться царского пути, — говорил он, — то есть во всем придерживаться золотой середины, а, главное, — всегда полагаться на волю Божию и Его Божественный Промысл".

Он очень любил природу, жалел животных, особенная мягкость души была в нем. Однажды жившая на кухне кошка

принесла пять или шесть котят. Повариха завела разговор о том, что котят надо утопить. Батюшка, случайно проходя мимо, услышал этот разговор. Он весь затрепетал, затрясся и почти закричал: "Не смейте топить! Всех вырастим!" Котята были оставлены, и когда подросли, их всех, чуть ни в драку, разобрали "на благословение от Батюшки" михайловские прихожане.

Батюшка часто ездил в поселки Дубовка, Сарань, на Федоровку, в Топар. На дому крестил, на дому отпевал. В тех местах, где он бывал, в данный момент образованы приходы по его молитвам. Бывал он и в поселке Долинка, где отбывал свой срок заключения. И сохранился в Долинке в лагере, где он сидел, крест на дереве, который Батюшка своей ручкой вырезал. С той поры дерево выросло, и вместе с ним вырос крест. Там, в Долинке, почти под каждым деревом человек похоронен, заключенный, почти под каждым деревом могила.

Но особенно Батюшка любил бывать в поселке Мелькомбинат. Он говорил, что в Михайловке у него "Оптина", а на Мелькомбинате — "Скит". Туда он собирал своих сирот и вдов, покупал им домики и опекал их. И когда он приезжал на Мелькомбинат помолиться, люди бросали свои дела

и заботы, и один по одному спешили туда, где Батюшка, лишь бы получить благословение и утешиться. Батюшка каждого с любовью встречал, каждому давал свое назидание. Дух здесь мирный царил.

На Мелькомбинате со своей младшей дочерью и внучкой Таисией жил приехавший к Батюшке овдовевший его старший брат Иларион. Он был уже глубоким старцем высокого роста и прямой осанки. По воскресным и праздничным дням Иларион Васильевич с дочерью и внучкой приезжал в церковь. Подходя под благословение к Батюшке, он кланялся ему до земли и целовал благоговейно руку, а на исповеди становился на колени. Перед смертью он был пострижен в рясофор, и Батюшка сам отпел своего старшего брата — инока Илариона.

По унаследованному монастырскому обычаю Батюшка особенно любил совершать заупокойные службы, и ежедневно сам служил панихиды. Говорил, что больше любит отпевать и поминать женщин, потому что на них гораздо меньше грехов. Ему были видны грехи усопших. Бывало, он в 3 или в 4 часа утра поднимал своих послушниц, чтобы они принесли ему заупокойные поминания. А людям — уже после смерти Батюшки — было такое сновидение: стоит много церквей, все золо-

тые, высокие, и среди них одна маленькая церковь вся в крестах. Люди спрашивают: "Чья эта церковь вся в крестах?" — "Это, — отвечают им, — церковь схиархимандрита Севастиана. Он любил за покойников молиться, и потому эта церковь вся ограждена крестами, так что никто не может ничего сделать". И она стоит вот уже 40 лет.

При общении с Батюшкой как-то само собой и неоспоримо становилось ясно, что душа живет вечно, что со смертью не оканчивается жизнь, а только упраздняется тело. И это было просто, и говорил он об этом просто. Несомненно, что Батюшка обладал даром прозорливости, хотя и этот дар Батюшка не выказывал явно. Его прозорливость открыто проявлялась лишь в том случае, когда этого требовала ситуация.

Однажды Батюшка служил панихиду и читал записки с именами поминаемых: "Иоанна, Симеона, Ольги, Марии..." При чтении он остановился и, держа в руке записку, оглянулся. "Кто подал поминание — Иоанна, Симеона, Ольги, Марии?" "Я, батюшка", — отозвалась одна женщина. — "А Симеон когда умер?" — "Давно, батюшка". — "Возьмите вашу записку, я не буду поминать. Принесите справку о его смерти". Женщина вспыхнула:

"Что вы, батюшка, я же не молоденькая это делать!"*. — "Вот и хорошо. Принесите справку". Женщины этой Батюшка не знал, она была приезжая, иначе не рискнула бы его обманывать.

Еще такой был случай. Пела в церкви на клиросе одна девушка, Мария [illegible]акანова. Она воспитывалась в детском доме, куда поступила из дома малюток, и ничего не знала о своих родителях. Как-то Мария подошла к Батюшке и сказала ему, что скорбит о том, что не знает имени своих родителей, их национальности и не может их поминать и молиться об их упокоении. "Мне сейчас некогда, — сказал Батюшка, — ты завтра подойди, поговорим". Назавтра он сам подозвал ее и сказал: "Маруся, родители твои были русские, православные, высланные. Имя отца было..." — и он назвал его и назвал имя матери. Мария очень обрадовалась и стала подавать за них поминания.

Открыто Батюшка никого не исцелял и не отчитывал, и по своей скромности и простоте всегда говорил: "Да я никого не исцеляю, никого не отчитываю, идите в больницу". "Я, — говорил он, — как рыба,

* Есть грубое поверие, что если записать имя живого человека в поминание за упокой, он начнет сильно тревожиться, и его тянет вернуться к той, которая его так поминает

безгласный," — так он себя уничижал. Он помогал людям своей тайной молитвой. О бесноватых говорил: "Здесь они потерпят, а там мытарства будут проходить безболезненно... Я не хочу с вас кресты снимать. Здесь вы потерпите, но на небе большую награду приобретете", — и утешал их, болящих. У Батюшки была духовная мудрость, великое терпение. Когда кто-нибудь ропщет на ближнего, он скажет: "Я вас всех терплю, а вы одного потерпеть не хотите". Не поладит кто, он беспокоится: "Я настоятель, а всех вас слушаю". Он заботился о спасении каждого, это была его цель. Он просил: "Мирнее живите". Однажды поехали на требу и забыли кадило. Стали друг друга укорять. Батюшка сказал: "Я сам виноват", — и все замолкли. Батюшка говорил: "Вот, набрал я вас здесь всех слепых, хромых, тюшкиных и матюшкиных. Сам я больной и больных набрал". Служил с ним о. Александр, у которого голоса не было, и у о. Павла тоже был слабенький голосок. "Ну, собрались, и будем помаленьку служить, тюшкины-матюшкины!"

Батюшка не благословлял ездить по монастырям. "Здесь, — говорил он, — и Лавра, и Почаев, и Оптина. В церкви службы идут — все здесь есть". Если кто-то собирался куда переезжать, он гово-

рил: “Никуда не ездите, везде будут бедствия, везде — нестроения, а Караганду только краешком заденет”.

Святейший Патриарх Алексий I очень желал видеть Батюшку и беседовать с ним. Он благословил Владыку Питирима (Нечаева) привезти Батюшку хотя бы самолетом. Но Батюшка был уже слаб и не дал согласия: “Самолетом я не гожусь летать” — ответил Старец и остался в Караганде.

Так, в подвиге любви и самоотверженного служения Богу и ближним шли годы. Батюшка стал заметно слабеть. Нарастала слабость, одышка, боли во всем теле, полное отсутствие аппетита. Почти постоянно были боли в области грыжи, в грудной клетке. Лечащие врачи проводили комплексное лечение, но состояние Батюшки не улучшалось, только временно облегчались его страдания. Но также ежедневно в богослужебное время Батюшка бывал в храме. Он говорил: “Какой же я священнослужитель, если Божественную Литургию или всенощную пробуду дома?” Он ежедневно служил панихиды, но Литургию совершал уже только по праздникам*. В храме за панихидной ему отде-

* Сохранилось письмо того времени старца Севастиана к архиепископу Алма-Атинскому и Казахстанскому Иосифу (Чернову): “Преосвященнейший

лили перегородкой маленькую комнатку, которую назвали "каюткой". У задней стены за занавеской стояла кровать, где он мог отдохнуть во время службы, когда его беспокоила боль или сильная слабость. У окна стоял небольшой стол, перед ним кресло, над которым висела большая икона

Владыко Иосиф. Прошу Вашего святительского благословения на всех нас и прошу прощения, что до сих пор не мог Вам написать ответа. Я давно все собирался написать Вам и поздравить с праздником, но так и не пришлось. Поздравили телеграммой, а с ответом все задерживаюсь: то болезнь и слабость физическая, а также служба, и заботы по хозяйству, и требы, все утомляет меня, болезненного и слабого. Болезни никак и ночью даже покоя не дают: кашель и грыжа беспокоят сильно. А время идет, не ждет. Недавно было Рождество Христово и уже вот прошло три недели с тех пор. Праздники провели хорошо и благополучно. Живем и служим пока в мире и согласии. Желательно было мне посвятить о. Николая на священника, а старосту Павла Алексеевича на диакона, потому что он очень ревностный по чтению и пению, теперь таких верующих и ревностных мало. А там — как Богу угодно и как будет на это Ваше Святительское благословение. А насчет строительства пока дело не двигается. Глебов, который при Вас принимал о. Александра и о. Андрея, все время болеет, а нам хотелось узнать точный результат, где разрешат строительство, на старом месте или в другом месте, или совсем откажут. Стройматериал достаем постепенно, но поскольку места нет определенного, то и склады-

Пресвятой Троицы письма матери Агнии. Иной раз Батюшка даст возглас, ляжет на коечку, под ноги ему подложат валик, чтобы ноги были немного повыше. Он в полумантии был, в епитрахили и поручах. И ектенью иногда лежа говорил. На Евангелие всегда вставал, надевал фелонь и Евангелие читал в фелони.

Исповедников Батюшка принимал, сидя в кресле. Он стал меньше говорить с приходящими и всех принимать уже не мог. Не отказывал только приезжим из других городов, но потом и с ними беседы стал сокращать.

В декабре 1965 года начались сильные морозы до 40°. Проходя через двор из сво-

---

вать и хранить не знаем где. Преосвященнейший Владыко Иосиф, прошу Вашего Святительского благословения уйти мне на покой за штат и заниматься своей душой, а о. Александру, или о. Серафиму, или о. Николаю — быть настоятелем. У меня же голова слабая, и болезненность не позволяет мне с этими делами справляться. Особенно заботы и труды, предстоящие по строительству, а также и по службе, с которыми мне с таким здоровьем не справиться. Меня на покой благословите, а о. Александра, с Вашего согласия и прихожан, сделать настоятелем. Все мы, как я, Ваш недостойный послушник, так и о. Александр, о. Серафим, и о. Николай, и клир, и весь причет церковный, и все прихожане кланяются Вам, и просят Вашего Святительского благословения и св. молитв."

ей кельи в церковь, Батюшка стал сильно кашлять. Врачи Ольга Федоровна Орлова и Татьяна Владимировна Тортенстен, наблюдавшие за его здоровьем, говорили: "Вам нельзя ходить через двор в такие сильные морозы". Батюшка посмотрел недовольно и сказал: "Перелетать буду".

С января 1966 года здоровье его сильно ухудшилось, обострились хронические заболевания*.

Очень угнетало Батюшку то, что ему стало трудно служить Литургию — он часто кашлял во время служения, задыхался. Врачи предложили ему утром перед службой делать уколы. Батюшка обрадовался и согласился. После укола и кратковременного отдыха он мог, хотя и с трудом, идти в храм и служить. Но болезнь прогрессировала, и вскоре он уже не мог дойти до церкви даже после укола. Видя его страдания, врачи предложили Батюшке, чтобы послушники носили его в церковь в кресле. Сначала он не соглашался, но когда после долгих уговоров его лечащий врач Татьяна Владимировна заплакала от непослушания своего

* Лечащий врач Ольга Федоровна Орлова диагностировала следующие заболевания: хронический бронхит с бронхоэктазами и мелкими абсцессами, эмфизема легких, сужение пищевода, аденома предстательной железы с вытекаемыми последствиями: хронический пиелонефрит с тяжелой

пациента, Батюшка положил ей на голову свою руку и сказал: "Не плачь, пусть носят".

Мальчики иподиаконы, послушники Батюшки Александр Киселев*, Алексей Веретенников**, Петр Горошко***, Василий Писарев****, быстро соорудили легкое кресло из алюминиевых трубок, келейница завязала Батюшке рот теплым шарфом, усадили Батюшку в кресло и понесли в церковь. Первое время он очень смущался, но потом привык. Он улыбался, шутил. Всякий раз, когда келейница его оденет, он, ожидая мальчиков, говорил: "Ну готов! Где мои коняшки?" А однажды, когда его несли и Татьяна Владимировна пошла рядом, сказал: "Ну, вот еще пристяжная".

Батюшкины врачи удивлялись тому, какой это был исполнительный, терпеливый и ласковый пациент. Он безропотно

симптоматической гипертонией, двухсторонняя паховая грыжа с частыми частичными ущемлениями. Эти недуги Батюшка терпел в течение нескольких лет.

* В настоящее время протоиерей Александр, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы.

** Покойный иеромонах Герман.

***В настоящее время игумен Петр; служит в том же храме.

****Покойный инок Василий.

выполнял предлагаемое ему назначение, но предварительно расспрашивал, какое лекарство ему назначают, каковы его действия и продолжительность курса лечения.

Батюшка уважал медиков и ценил труд от санитарки до врача. Когда к нему приходили за благословением на учебу, он чаще всего благословлял в медучилище, изредка — в институт, а работать — санитаркой в больницу. “Лечиться не грех,— говорил он, — кто в больнице работает, это спасительно, это доброе дело — за людьми ходить”. Оперативное лечение он рекомендовал по сугубой необходимости, когда знал, что консервативное лечение не поможет. Оперировавшиеся по его благословению в результате полностью выздоравливали. Сам Батюшка был хорошим диагностом. Посылая своего лечащего врача Ольгу Федоровну посмотреть больного, он говорил: “Ольга Федоровна, осмотрите, пожалуйста, больного. Я думаю, что у него такое-то заболевание”. Диагноз, высказанный им, подтверждался.

Шли дни, и с каждым из них состояние Батюшки ухудшалось. В феврале приехал в Караганду Владыка Иосиф. Батюшка, хотя был слабенький, служил совместно с Владыкой. Прощаясь, Владыка ска-

зал: “А теперь я приеду после Пасхи и привезу вам награду — корзину винограда”. Все поняли, что ждут нас слезы.

Батюшка часто напоминал о смерти, о переходе в вечность. Когда к нему обращались с вопросом: “Как же мы будем жить без Вас?” — он строго отвечал: “А кто я? Что? Бог был, есть и будет! Кто имеет веру в Бога, тот, хотя за тысячи километров от меня будет жить, — и спасется. А кто, пусть даже и тягается за подол моей рясы, а страха Божия не имеет, не получит спасения. Знающие меня и видевшие меня после моей кончины будут ценить меньше, чем не знавшие и не видевшие”. “Близко да склизко, далеко да глубоко”.

Наступил Великий пост — последний в жизни старца*. В Прощеное воскресение он служил Литургию и вечером проводил чин прощения. Был бодр и светел лицом.

Великим постом, в первые четыре дня первой седмицы в церкви ничего вареного не вкушали, кроме супа в среду после Литургии Преждеосвященных Даров. Слабым Батюшка благословлял в этот день

* Описание последних дней жизни и кончины старца Севастиана составлено на основе рукописей Татьяны Владимировны Тортенстен и Ольги Федоровны Орловой — лечащих врачей старца.

причаститься. Остальные дни до пятницы ничего не варили, даже не кипятили чай. За трапезу садились после Великого Повечерия. Подавали черный хлеб, квашеную капусту, соленые огурцы и сырой лук. Людям с больным желудком Батюшка разрешал есть теплую печеную картошку и печеный лук. В пятницу на Литургии Преждеосвященных Даров бывало большое количество причастников. После Литургии трапеза: грибной суп и сладкая каша. Вечером — каша от обеда, белые сухари и белый хлеб.

Первую неделю поста Батюшка служил ежедневно, сам читал ясным и четким голосом Великий покаянный канон преп. Андрея Критского. В воскресенье Торжества Православия служил Литургию. В эти дни Батюшка ни с кем не беседовал, никого не принимал.

Проходила вторая, третья седмица Великого поста. Все шло, как обычно, и казалось, что Батюшка будет с нами всегда.

13 марта приехал к Батюшке из Киева сын профессора Киевского университета молодой иеродиакон о. Павел. Он родился в Париже. Семья их вернулась в Россию лет десять тому назад.

Все четвертую седмицу о. Павел читал в церкви — очень красиво, выразительно, отчетливо произнося каждое сло-

во, прислуживал в алтаре и все свободное время старался быть около Батюшки. Батюшка подолгу беседовал с ним. Не только Батюшка, но и все, живущие при церкви, полюбили о. Павла. Он был очень скромен, но во всех его действиях чувствовалась высокая культура. Батюшка внимательно вглядывался в него.

21 марта приехал из села Осакаровки о. Андрей. Просил Батюшку дать ему в помощь кого-нибудь для чтения в церкви и управления хором. Батюшка благословил ехать одну опытную певчую и вдруг благословил ехать с ней в Осакаровку о. Павла. Между о. Павлом и Батюшкой произошел очень волнующий разговор. Конечно, о. Павел приехал из Парижа в Россию, а затем к Батюшке не для того, чтобы одному оказаться в глухой степи. Он приехал, чтобы побыть возле Батюшки, а поскольку Батюшка отсылает его от себя, он сказал: "Благословите меня вернуться домой. Я возвращусь в свою пустынь под Киевом". Батюшка: "Я тебе дам пустынь! Ты ко мне приехал, я тебя принял. Ты по своей воле приехал, я тебя не звал. Вот тебе будет пустынь в Осакаровке!" О. Павел: "Отпустите меня, благословите совсем от Вас уехать". Батюшка разволновался: "Вот я тебе дам Киев, так дам палкой, так дам тебе палкой и

еще веревку возьму, да веревкой! Ты монах?!" О. Павел упал Батюшке в ноги: "Простите, благословите, поеду в Осакаровку". Сбегал в свою комнату за иконой, которой благословил его отец на монашество, когда он еще мальчиком был. Больше ничего не взял.

Все жалели о. Павла, все были расстроены. Сетовали на Батюшку и говорили: "О. Павел нам самим нужен, как он читает хорошо, в хоре поет. У нас мужских голосов почти нет. И везде помогает: и в алтаре, и в ризнице. Вы что же, всех раздадите? Пусть о. Андрей сам себе ищет и подбирает. Так и другие приедут к Вам просить". Батюшка молчал.

О. Андрей торопился уехать. Все пришли провожать о. Павла. Все упрекали о. Андрея. О. Павел имел ошеломленный, растерянный вид. Батюшка не выходил из кельи.

Перед всенощной Батюшка пил чай и ни с кем не разговаривал. На другой день был праздник сорока Севастийских мучеников. Во время всенощной Батюшка был взволнован и "лютовал", как говорили монахини. Попало о. Александру за то, что спросил, петь или читать "Слава в Вышних Богу". И еще раз попало о. Александу и Алеше Веретенникову, когда они удерживали Батюшку идти кадить по всему

храму. Сказал сердито: "Благословите, сам пойду кадить". Сам обошел, кадя весь храм.

В пятницу 22 марта Батюшка совершил отпевание одной, еще не старой, своей духовной дочери. Во время отпевания плакал.

Из Сибири привезли бесноватую. Батюшка служил Литургию Преждеосвященных Даров. Бесноватая всю службу то мяукала, то блеяла, как овца, то кричала петухом. Ее утаскивали в притвор. Это было нетрудно — она была крайне истощена.

В воскресенье вечером 24 марта, когда молящиеся разошлись, и церковь была почти пуста, Батюшка все еще находился в своей "каютке". В углу тихо лежала бесноватая, с ней была одна из сопровождающих ее женщин. Вдруг раскрылись Царские врата, и на амвон вышел Батюшка в полном облачении, в мантии, с посохом. Бесноватая поднялась с пола и пошла, лая и мяукая, к нему навстречу. Не дойдя до Батюшки, она громко закричала петухом. "Ну!" — сказал Батюшка громко и нельзя было узнать его голоса. Бесноватая снова закричала, но гораздо тише. "Ну!" — повторил Батюшка. Она закричала совсем тихо, как бы издалека. "Ну!" — сказал Батюшка в третий раз. Она молчала. Потом

сказала: "Ты Иисус Навин". — "Я не Иисус Навин, я — Севастиан, — сказал Батюшка властно, — завтра утром придешь сюда к священнику, исповедуешься и причастишься".

В пятницу Батюшка не служил, сидел в алтаре. Бывшая бесноватая спокойно стояла во время службы, тихо причастилась. Вечером ее увезли в Сибирь.

В воскресенье шестой седмицы Батюшка не служил, сидел в алтаре в кресле. После причастия велел спеть "Покаяние отверзи ми двери, Жизнодавче..." С этого дня силы стали заметно покидать его.

31 марта в 3 часа ночи Батюшка разбудил келейницу и сказал: "Мне так плохо, как никогда не было. Верно, душа будет выходить из тела". Всю ночь поддерживали дыхание кислородом. Батюшка стал дышать спокойно.

В Лазареву субботу, 2 апреля, для Батюшки произошло что-то очень значительное и исключительно важное. В 3 часа ночи он разбудил келейницу и попросил позвать к нему о. Александра. Весь сияющий и трепещущий от радости, он что-то рассказал о. Александру, своему духовнику. О чем они говорили, никто не знает. Знаем только, что о. Александр исповедал Батюшку и причастил, так как ходил в алтарь за Святыми Дарами. После

Причастия Батюшка запел: "Христос Воскресе!" — и послал послушницу разбудить и позвать к нему девушек из хора, чтобы они пели ему Пасху. Пришли девушки, все в белых косынках, запели тропарь Пасхи, стихиры, ирмосы канона. Когда все пропели, Батюшка спросил: "Кто там на кухне? Скажите, чтобы сварили яички трех сортов: в смятку, в крутую и в мешочек". Все это было сделано.

Утром Батюшка попросил келейницу принести ему молока: "Ну вот, — сказал он — все квас да окрошка. Что же ты меня все квасом давишь? Ты бы мне молочка дала". Келейница сходила в магазин, принесла молока. Никто не перечил Батюшке. Келейница налила молоко в кружку и очень робко сказала: "Батюшка, ведь сегодня только Лазарева суббота, потом Великая суббота будет, а потом только Пасха. Если бы сегодня была Пасха, сколько бы у нас крашёнок было, сколько было бы куличей!" Он посмотрел на всех и сказал: "Да... вот оно что! — отодвинул чашку с молоком, — молоко ушло далеко! Давай тогда окрошку".

Вечером Батюшка сидел за столом у окна, смотрел, как люди с вербами шли в церковь. "Народ собирается ко всенощной, — сказал он — а мне надо собираться к отцам и праотцам, к дедам и прадедам".

Пятого апреля во вторник по окончании панихиды Батюшка сказал о. Александру: “Пошлите побыстрее отправить телеграмму в Осакаровку, чтобы о. Павел возвращался совсем”.

Девятое апреля. Суббота Страстной седмицы. Во время Литургии Батюшка лежал в своей комнате. После окончания Литургии надел мантию, клобук и вышел прощаться с народом. Поздравил всех с наступающим праздником и сказал: “Ухожу от вас. Ухожу из земной жизни. Пришло мое время расстаться с вами. Я обещал проститься и вот, исполняю свое обещание. Прошу вас всех об одном: живите в мире. Мир и любовь — это самое главное. Если будете иметь это между собою, то всегда будете иметь в душе радость. Мы сейчас ожидаем наступления Светлой Заутрени, наступления праздника Пасхи — спасения души для вечной радости. А как можно достичь ее? Только миром, любовью, искренней сердечной молитвой. Ничем не спасешься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри души своей и в сердце — мирную тишину и любовь. Чтобы взгляд ваш никогда ни на кого не был косым. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ, на добрый поступок. Последней просьбой своей прошу вас об этом. И еще прошу —

простите меня". Поклонился в пояс, пошатнулся. Тихо, еле-еле зашел в алтарь и сказал, чтобы его несли домой, в келью. Народ не расходился, все плакали.

10 апреля, в Пасхальную ночь, Батюшка хотел, чтобы его несли в церковь, но не смог подняться. Все, окружавшие его, пришли в душевное смятение. Шла Заутреня. Врач Татьяна Владимировна оставила службу и побежала к Батюшке. Он посмотрел на нее и сказал: "Зачем вы ушли из церкви? Я еще не умираю. Еще успею и здесь с покойниками похристосоваться. Идите спокойно на службу".

Когда началась Литургия, к Батюшке вызвали врача Ольгу Федоровну. После болеутоляющего укола состояние его стало спокойным, даже радостным. "Я в церковь хочу. Я ведь раньше сам хорошо пел. Всю Пасхальную неделю у себя в келье "Пасху" пел. А теперь надо просить, чтобы мне пели. Но мне не хочется здесь, хочется в церкви. Мне очень хочется надеть мантию, клобук и посидеть так, хотя бы обедню." Келейница стала его одевать, а он продолжал говорить: "Вот я всех вас прошу, чтобы вы утешали друг друга, жили в любви и мире, голоса бы никогда друг на друга не повысили. Больше ничего от вас не требую. Это самое главное для спасения. Здесь все временное, непо-

стоянное, чего о нем беспокоиться, чего-то для себя добиваться. Все быстро пройдет. Надо думать о вечном". Батюшку одели, и мальчики понесли его в церковь.

В воскресенье днем Батюшка лежал в своей келье, одетый в новый шелковый подрясник кремового цвета. "Я сейчас лежал и вспоминал, — сказал он — как в Оптиной умирали старцы. Отец Иосиф очень долго болел, а о. Анатолий "маленький" совсем не болел, ни одной минуты. Он чудесно умер... Таинство это... очень чудесное. Он по духу своему, по своему великому смирению, был ближе всех к моему старцу о. Нектарию. После революции двое старцев умерли и были похоронены на Оптинском кладбище. О. Феодосий, скитоначальник, умер в 1920 году, когда в Оптиной все еще было по-старому. А как Гражданская война окончилась, в двадцатом году, все изменилось. Особенно в 1922 году было много преследований, обысков, арестов. Дошла очередь до старца о. Анатолия. 28 июля пришли к нему, делали долго обыск. Потом сказали: "Ну, собирайтесь". Он стал просить дать ему отсрочку до утра, собраться. Они согласились, строго наказали келейнику, чтобы он к утру собрал старца и приготовил к отъезду. Ушли. Старец стал на молитву. Келейник подождал часа два, — он

все молится. Тогда он входит к нему и говорит: "Батюшка, будем собираться". А тот отвечает: "Ступай, не мешай мне". Пришел еще раз, просит: "Батюшка, будем собираться". "Да что ты все беспокоишься? Я с ними никуда не поеду, ступай". Келейник пришел в третий раз, а о. Анатолий лежит на койке своей, сложил руки на груди — мертвый. Ну, келейник позвал кого надо, облачили старца, положили его на стол, свечи зажгли, Евангелие читают. Вскоре пришли за ним, говорят: "Готов старец?" Келейник отвечает: "Готов, пройдите". Они входят, а он мертвый на столе лежит. Конечно, поразились очень. О. Анатолия похоронили последнего на Оптинском кладбище, рядом со старцем Макарием. Когда копали могилу, повредили гроб старца Макария и обнаружили нетленные мощи Старца".

В понедельник 11 апреля принесли Батюшке пасхальное яичко от матери Агнии. Он весь радостно просиял: "Спаси ее Господи и благослови. Сколько она сделала для церкви нашей! Никто столько не сделал, как она. И вообще, сколько прекрасного она сделала за всю свою жизнь. Я умираю. За всем теперь обращайтесь к ней".

В 3 часа ночи у Батюшки открылось горловое кровотечение. Ввели кровооста-

навливающее, и Батюшка задремал. Утром позвонили в Алма-Ату Владыке Иосифу. Он сказал: “Он еще не умрет на этой неделе, но смерть уже на пороге. Я к вам прилечу”.

Утром 12 апреля, во вторник Пасхи, Батюшка чувствовал себя лучше, дышал свободно. “Вера, — сказал он келейнице, — одевайте мне сапоги, я должен выйти к людям похристосоваться, чтобы они не печалились. Я обещал. Скажу всем главное”. — “Батюшка, у Вас такие ноги отечные, не только сапоги, тапочки Вам не надену”. — “Нет, нет, главное надо сказать. Одевай меня!”

Вера достала тапочки, разрезала их по бокам. Мальчики понесли Батюшку в церковь. Он был в мантии и клобуке. Посидел немного у престола, потом поднялся, вышел в Царские врата на амвон. Стал, опираясь на посох, и снова стал прощаться с народом: “Прощайте, дорогие мои, ухожу я уже. Простите меня, если чем огорчил кого из вас. Ради Христа простите. Я вас всех за все прощаю. Жаль, жаль мне вас. Прошу вас об одном, об одном умоляю, одного требую: любите друг друга. Чтобы во всем был мир между вами. Мир и любовь. Если послушаете меня, а я так вас прошу об этом, будете моими чадами. Я — недостойный и грешный, но много любви

и милости у Господа. На Него уповаю. И если удостоит меня Господь светлой Своей обители, буду молиться о вас неустанно. И скажу: "Господи, Господи! Я ведь не один, со мною чада мои. Не могу я войти без них, не могу один находиться в светлой Твоей обители. Они мне поручены Тобою"... И потом тихо, еле слышно: "Я без них не могу". — Сказал, хотел поклониться, но не смог, только наклонил голову. Мальчики подхватили его под руки, повели в алтарь. В храме все плакали.

В среду 13 апреля приехала сестра Владыки Питирима, Надежда Владимировна, и Анатолий Просвирнин из Академии*. С Надеждой Владимировной Батюшка долго беседовал после обедни в своей каютке.

Звонили из Алма-Аты: Владыка Иосиф тяжело заболел, температура 40, так что прилететь не сможет.

В ночь на пятницу Батюшка почти не спал, томился, ловил воздух, говорил: "Во всем теле нет ни одного живого местечка безболезненного. Позвоночник, как раскаленным железом, жжет, дышать нечем. А паче всего — томление духа". Все спрашивал, который час.

Из церкви пришли к нему монахини. Когда вошла м. Феврония, Батюшка по-

* Впоследствии архимандрит Иннокентий († 1994)

смотрел на нее долгим, неотрывным взглядом, благословил два раза и сказал: "Спаси тебя Господи за все, за все твое добро и преданность. С собою все беру. Спаси тебя Господи". Когда она выходила, несколько раз перекрестил ее вслед.

Пришли от м. Агнии, сказали, что матушка заперлась в своей комнате, никого не пускает.

Вечером прилетел из Кокчетава игумен Димитрий. Позвонили Владыке Иосифу — спрашивали разрешения, чтобы о. Димитрий постриг Батюшку в схиму. Владыка ответил: "Не надо. Завтра из Москвы прилетит Владыка Питирим и все сделает".

Батюшку просили не менять, если можно, имя при постриге, так как все знают его с этим именем, и перемена имени будет для всех как бы дополнительным страданием. Батюшка согласился и сказал, что будет просить об этом Владыку Питирима.

"Приближается день моей кончины, — стал говорить Батюшка окружающим, — я очень рад, что Господь сподобляет меня принять схиму, я долго ожидал этого дня. Жаль оставлять всех вас, но на то — воля Божия." — "Батюшка, на кого Вы нас оставляете?" Батюшка сосредоточенно молчал, потом сказал:

— Не печальтесь. Я оставляю вас на попечение Царицы Небесной. Она Сама управит вами. А вы старайтесь жить в мире друг с другом, помогать друг другу во всем, что в ваших силах. Я не забуду вас, буду молиться о вас, если обрету дерзновение пред Господом. И вы молитесь. Не оставляйте церкви, особенно старайтесь быть в воскресенье и в праздники. Соблюдая это, спасетесь по милости Божией и по ходатайству Царицы Небесной.

Поздно вечером, когда врач Татьяна Владимировна делала Батюшке внутривенное вливание, он стал говорить: "Вот, врач мой дорогой, старый мой врач. Трудно мне и слово вымолвить, а сказать вам хочу. Вот язык не ворочается, сухо все во рту, все болит. Иголкой точки не найти, где не болело бы. Ноги уже не держат меня, во всем теле такая слабость, даже веки трудно поднять. А голова ясная, чистая, мысль течет четко, глубоко и спокойно. Чтобы сознание затемнялось или изменялось — нет. Лежу и думаю: значит мысль от тела не зависит. И мозг — тело. В моем теле уже не было бы сил для мысли. Мысли из души идут. Теперь это понятно стало. Вот, слава Господу, насилу сказал вам это".

В субботу 16 апреля, в 9 часов утра приехал с аэропорта Владыка Питирим.

Сразу прошел к Батюшке и был поражен его видом. "Таким я его никогда, ни при какой болезни не видел", — сказал он потом окружающим. Они долго беседовали наедине.

После обеда состояние Батюшки резко ухудшилось, он просил срочно пригласить к нему Владыку Питирима. Пришел Владыка. Батюшка просил его сейчас же приступить к чину пострижения в схиму. Начались приготовления. Владыка попросил всех уйти, одна м. Анастасия помогала при постриге.

После пострига Батюшка говорил очень мало. Удивительно преобразилось его лицо, и весь его вид. Он был преисполнен такой благодати, что при взгляде на него трепетала душа, и остро ощущалась собственная греховность. Это был величественный Старец, и уже не здешнего мира житель.

В 3 часа ночи Батюшка позвал о. Александра исповедать его и причастить. К утру жизнь в нем едва теплилась. Он лежал с закрытыми глазами, тяжело дышал, перебирал пальцами по одеялу, как по клавишам. Когда открывал глаза, глядел далеким печальным взглядом мимо присутствующих. Потом беседовал с Владыкой Питиримом. Вскоре позвал врача Татьяну Владимировну: "Старый мой

врач, помогите мне, мне очень тяжело, очень больно". — "Где больно, батюшка?" Он показал забинтованные после внутривенных вливаний кисти рук. Вены было уже трудно находить, лекарство попадало под кожу, причиняя ему дополнительную боль. — Сейчас батюшка, болеутоляющий укол поставлю, боль пройдет.

— Это не главная боль. Главное — томление духа. Думаете, смерть — это шутка? Грехов у меня много, а добрых дел мало.

— Батюшка, Ваши грехи в микроскоп не разглядеть, а добрых дел — целое море.

— Да что я делал? Я хотел жить строгой и скромной жизнью, а все же, какими ни есть, а радостями и утехами услаждался. И много я на красоту любовался, особенно на красоту природы.

— Батюшка, разве это не благодать Божия — красота?

— Благодать Божия — это радость от Бога. А заслуг, моих-то заслуг нет! Подвига-то нет! Живет человек, а для чего? От Бога — все. А Богу — что? Это всех касается, для всех переход неизбежен. Все здесь временное, мимолетное. Для чего человек проходит свой жизненный путь? Для любви, для добра. И страдать он поэтому должен и терпеливо страдания пе-

реносить. И перейти в вечную жизнь для радости вечной стремиться. А я вот жил, добро, говоришь, делал, а потом и согрешил. Ошибается человек жестоко и теряет все, что приобрел. Я вот страдал много, крест свой нес нелегкий, монашеский. Монашеская жизнь трудная, но она и самая легкая. А я вот роптал иной раз. А от этого ропота все пропадает, все заслуги. И вот — томление духа вместо радости.

— Батюшка, как мне жить?

Батюшка помолчал, потом сказал:

— Живи, как живешь. Все грешные. Только не сделай какого-нибудь большого греха... Ну, вот и поговорили с тобой. Мне сегодня говорить и дышать полегче. Христос с тобою.

В понедельник вечером, на парастас Радоницы, Батюшку носили в церковь. Он лежал в своей "каютке", ничего никому не говорил, ни на кого не смотрел. Часто крестился, слушал пение, службу. Служил Владыка Питирим. Когда пропели "Вечная память", велел нести его домой. После службы беседовал с Владыкой, затем с прилетевшим в 10 часов вечера из Мичуринска о. Иоанном. Батюшка радостно принял его, сказал, что рад, что тот застал его живым. "Успели Вы ко мне приехать, а я успел сегодня похристосоваться со всеми усопшими и помолиться

за них. Вот ведь, день какой хороший! Сегодня Владыка помолился и завтра помолится за всех моих усопших чад. Дожил я до Радоницы. Господь милостив. А усопшим так нужны, так дороги молитвы за них живых. Я за усопших больше всего всегда молился. И Вам, о. Иоанн, завещаю: молитесь за усопших больше всего. За все слава Богу! Слава Богу за все!"

В эти последние дни жизни Батюшки многие из его духовных чад, не желая покидать Старца, ночевали при церкви. 18 апреля после обычных вечерних молитв (начало Фоминой Недели) Батюшка попросил прочесть Пасхальные часы, после чего все разошлись по своим местам. Дежурить возле батюшкиной кельи остались его келейницы, внучка Таисия и врач Ольга Федоровна. Спал Батюшка тревожно, ворочался. В 4 часа утра дал звонок из своей кельи. Ольга Федоровна немедленно встала, зашла в келью. Вид у Батюшки был страдальческий. Ольга Федоровна спросила: "Батюшка, дорогой, Вам плохо?" Он утвердительно кивнул головой и сказал: "Да, плохо". Ольга Федоровна предложила сделать укол. Он согласился: "Да, пожалуйста, сделайте". Его голова и кисти рук были горячими. Она намочила марлю, положила на лоб Батюшке. После укола он успокоился, боль утихла. Ольга

Федоровна стала промывать шприцы. Вдруг Батюшка резко закашлялся, рывком сел в постели, облокотился на локоть, сплюнул в пакет мокроту, вопросительно взглянул на Ольгу Федоровну и в пакет. Там была кровь. Затем еще два-три плевка. Ольга Федоровна села рядом на койку, стараясь поддержать его за спину. Внезапно повторился резкий кашлевой толчок. Батюшка рывком попытался сесть в постели, глубоко вздохнул, широко открыл глаза. Взор его устремился вдаль, будто он кого-то увидел и был удивлен. Это было одно мгновение. Лицо его смертельно побледнело, он слегка вытянулся, сделал последний вздох и скончался. В открытых глазах застыл вопросительный удивленный взор. Умер Батюшка 19 апреля в 4 часа 45 минут. Был вторник. Радоница.

Ольга Федоровна закричала, мгновенно прибежали келейницы, Таисия. Поднялся плач, началась суматоха. Позвали Владыку Питирима и всех, кто был в эту ночь поблизости. Остальное все пошло своим чередом.

В 5 часов 30 минут Владыка стал служить панихиду. Батюшка лежал на постели поверх белого покрывала в новом шелковом подряснике кремового цвета. Такая же кремового цвета материя покрывала

его лицо и ноги. Руки крестообразно скрещены на груди. Какая-то глубокая и торжественная была тишина. Никто уже не плакал. Не было скорби — покой окутывал душу.

После окончания панихиды все вышли из кельи. Началось облачение. Батюшка был совсем теплый, лицо спокойное, как живое. У Батюшки тела почти нет, одни кости. Обтерли его оливковым маслом, надели схиму. Владыка покрыл его сверху мантией, закрыл клобуком лицо.

В комнате горели свечи. Священник читал Евангелие. На столе под мантией лежал наш Батюшка, любовь которого превосходила всякую возможную для человека на земле любовь. Каждый из его духовных детей был для него самым любимым. Не одним из самых любимых, а именно самым любимым был каждый. То, что кажется невозможным, — возможно в Боге и не только возможно, но и понятно и естественно. И вот черная материя покрывает что-то, лежащее на столе. Все знают, что это — Батюшка. Безусловно, Батюшка. И все же, это был уже не он. Между ним, лежащим под черной батюшкиной мантией, и нами легла непроходимая черта, глубже самой глубокой пропасти.

Утром Владыка служил заупокойную Литургию Радоницы. В пять часов вечера

привезли гроб, обитый черной материей, переложили в него Батюшку. Владыка снял с Батюшки камилавку, одел на его голову митру, и с пением "Помощник и Покровитель..." гроб понесли в церковь. Лились потрясающие своей глубиной слова духовных песнопений, полные трезвящей скорби и утешения, доходящие до грани непостижимого нами, но уже постигаемого святой батюшкиной душой. Кончились тяжкие страдания, крестные страдания его жертвенной любви, его физические муки, его "томление духа". Дух его обрел свободу. А от нас ушло то счастье, когда всегда обо всем можно было спросить Батюшку. Что бы ни случилось, только бы прийти к нему, рассказать, и все станет на свои места, все выправится. Его ласковый взгляд, его голос, протяжно заканчивающий фразы при чтении Евангелия — это тоже ушло. Но можно ли скорбеть, плакать, томиться? Может ли порваться духовная связь с Батюшкой? Общение возможно теперь иное — молитвенное.

Со всех концов Казахстана, Сибири, Европейской части России под благодатную сень батюшкиного храма съезжалось духовенство и миряне — духовные чада Батюшки. Священники всю ночь служили панихиды, пел хор. А люди все ехали и

ехали. От Святейшего Патриарха была получена телеграмма: “Выражаю соболезнование прихожанам храма по случаю кончины благостного старца архимандрита Севастиана. Вашему Преосвященству, Епископу Волоколамскому Питириму благословляется совершить погребение в Бозе почившего. Патриарх Алексий”.

На третий день Батюшку хоронили на Михайловском кладбище. На катафалке гроб везли только небольшой отрезок пути до шоссе. Свернув на шоссе, гроб понесли до кладбища на вытянутых вверх руках. Он плыл над огромной толпой народа и был отовсюду виден. Все движение на шоссе было остановлено, народ шел сплошной стеной по шоссе и по тротуарам. Окна домов были раскрыты — из них глядели люди. Многие стояли у ворот своих домиков и на скамейках. Хор девушек с пением “Христос воскресе” шел за гробом. “Христос воскресе” — пела вся многотысячная толпа. Когда процессия проходила мимо цементного завода, весь забор был заполнен сидящими на нем рабочими, и вся смена в запачканных мокрым раствором спецовках высыпала на заводской двор. Сквозь толпу ко гробу пробирались люди, чтобы коснуться его рукой. Многие ушли вперед и ожидали гроб на кладбище.

Могила для Батюшки была вырыта на краю кладбища, а за ней простиралась необъятная казахстанская степь. Гроб поставили у могилы, Владыка отслужил панихиду. Батюшка желал быть погребенным в камилавке. Владыка снял с головы его митру, надел камилавку. Гроб опустили в могилу, насыпали могильный холм, поставили крест.

Вечная память тебе, благостный Старец, неустанный молитвенник, источник живой воды, преподатель целительного врачества — слова, от Духа истекающего.

Митрополит Иосиф (Чернов)* о батюшке Севастиане

Вскоре после смерти Батюшки приехал в Караганду Владыка Иосиф. Отслужил по Батюшке заупокойную Литургию, съездил на кладбище — панихиду отслужил. Кое-кого обличил, кого смирил, кого утешил — всех накормил "виноградом", кого сладким, кого горьким. И перед отъездом сказал: "Батюшка о. Севастиан преподобненький, блаженный Старец, по ночам много плакал и молился. И об этом знал только Бог и он. А о чем он плакал? О том, что многие, и руководящие лица

* Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов, 1893–1975) пробыл в лагерях и ссылках в общей сложности 20 лет. Из них 6 лет он провел в Карлаге.

в том числе, не соглашались с ним, не слушали его совета. Он все терпел со смирением, за всех молясь Богу о спасении и вразумлении. И вот за его слезы и молитвы ко Господу благодать Святаго Духа будет на Караганде до Второго пришествия".

Владыка Иосиф любил приезжать в Караганду. Он говорил: "Караганда медом помазана", "Караганда на святых костях построена" и "Поедем в благословенную Караганду".

О Большемихайловском приходе говорил: "Батюшка насадил здесь виноград, который потом и слезами вырастил". "Маленькая церковь, от земли не видно, а столп горит до неба".

В один из своих приездов в Караганду Владыка поездил по приходам, отслужил Литургию в батюшкином храме, но на могиле у Батюшки не побывал. Его проводили в аэропорт, поскорбели все, конечно. И что получилось: самолет долетел до Алма-Аты, там были неблагоприятные метеоусловия, Алма-Ата не приняла, самолет развернулся и полетел обратно в Караганду. И Владыка шутил в самолете: "Вот какой Севастиан! Не побывали у него на могиле, и он нас обратно вернул!" С аэропорта Владыка на такси приехал в Михайловку, отслужил панихиду, съез-

дил к Батюшке на могилу и тогда уже улетел.

О Батюшке он так выражался: “Я несомненно уверен, что Батюшка в лике преподобных”.

ФЕОДОСИЯ ФЕДОТОВНА ПРОКОПЕНКО (ШВАГЕР)

Нас привезли в Осакаровку на пятый поселок 1-го августа 1931 года. С нами была наша мама и нас семеро детей. Старший брат Павлик, шестнадцать лет, мне — двенадцать, братик Женя, сестренки Надя, Варя, потом Ваня и самый маленький Гриша. Была большая семья. Папу вперед забрали, и мы не знали, где он.

Мы жили в Сталинградской области, папа работал в сельсовете. В 29-м году, когда стали раскулачивать зажиточных крестьян, папу записали в актив. Папа

отказался отбирать у крестьян имущество, сказал: “Я не пойду, я не могу этого делать”, — и тогда папу и нас всех забрали, как подкулачников. Мы маломощные были крестьяне, середняки, как тогда говорили. У нас землянка была, корова, пара лошадей и несколько овечек. Папа год сидел в одиночке. А нас сначала вывезли за сорок километров от Сталинграда, а в 31-м году привезли в Осакаровку на 5-й поселок, где была ровная степь. Пятьдесят тысяч человек было в этом поселке. Кругом милиция на лошадях охраняла, чтобы не убежали. А куда побежишь? Речка там Ишим. Оттуда брали пить, там и стирали. Бурьянчик собирали, варили и кушали. В степи мы вырыли яму, как погребок, кое-чем накрыли, и там мы жили. Так жили все в первый год. Один колодец был на весь 5-й поселок, глубиной метров двадцать пять — он до сего времени стоит. День — ночь стояли за водой. Мама пошлет с ведерочком, пойдешь, что бы только детям больным принести воды. Туалетов не было, ров был такой, метров на тридцать выкопанный, общий для всех. И вот, люди стали умирать — повальная дезинтерия. Каждый вечер ездила подвода, на нее покойников кидают, как чурбаки, и в ямы отвозят. Так было, что целыми семьями умирали. И наши дети начали болеть ди-

зентерией. Температура высокая, врачей нет, губки лопаются, кровь бежит, смачиваем их водичкой. И вот, 31-го августа умирает братик Женя, потом 11 сентября умирает Надя, сестренка, а 17 сентября утром умирает Варя. Только солнышко вышло, поднялось наполовину, мы с мамой эту дыру открыли, лежим, умирает Варя. А солнышко только вышло всем диском, и Гриша, маленький самый, умирает. Гробов не было, ямы сами рыли и туда, в ямы, покойников бросали. У нас, спасибо ему, родной был с нашего хутора, дядя Петя. Царство ему Небесное. Он маме скажет: "Ты, Даша, не волнуйся, мы твоим детям корзинки сплетем", — там хворост был. И мама всех деток в корзинки. И мама просила ребят с того хутора: "Вы подройте под бочок, чтобы туда задвинуть корзинку". А тут еще кладут, еще, еще, и наверх еще, и еще, а потом уже засыпают. Из пятидесяти тысяч половина осталась или нет? А у нас остались Павлик, я и Ваня, и мама с нами.

Потом на работу стали ходить. Там дерн копали, а мы, подростки, в бричку впрягались, человек двенадцать, и тянули этот дерн на строительство — дома строили, стены клали из дерна. Но мы в эти первые дома не попали. А потом мама заболела тифом, лежала без сознания две недели, а мы сидели.

Зима началась, нас стало засыпать немножко снегом. А снег выпал, папа приехал к нам, выхлопотал на воссоединение. Папа стал работать, нам немножко полегче стало. Папа выложил дерном уголочек в норе и сверху яму накрыл дерном. Он привез с собой полушубок, который смогли передать ему в одиночку. И мы с братиком под этой шубкой всю зиму лежали, потому что мы были раздетые, в чем забрали, в том и привезли. Простите, конечно, что скажу, считали, кто сколько блох поймает и убьет, блохи по нам лазили. Ели сухой паек, готовить там негде было. Чечевицу привезут, и мы жевали ее. Самой трудной была эта зима. Павлик и Ваня ее не пережили, и я одна осталась из всех детей, и папа с мамой. На второй год уже дома возвели; перегораживали их на пять квартир, и мы сами уже печку делали.

Что мы пережили — не дай Бог! Кто в Казахстане не бывал, тот и горя не видал, а кто побудет — до гроба не забудет!

А где могилы-то были, на 5-м поселке, там теперь ровное место. Я теперь не представляю, где хоронили, поселок-то большой. Там ям много было, где их теперь найти — не знаю. Кто хоть помнит, где эти ямы были? По-моему, никто. Уже старых мало осталось. Если бы мама была жива, она, может быть, вспомнила бы.

НИНА-ХОХЛУШКА

Меня Нина-Хохлушка зовут. Ну, скажи я фамилию, никто меня по фамилии не знает. Я сама из Сумской области, со станции Зерново. В 41-м, когда война началась, я была в Тернополе. Из Тернополя нас эвакуировали в Киев, до Киева мы добежали, и нам сказали: “Спасайтесь, кто как может”. Кое-как домой добралась к отцу с матерью. Только добралась — немцы пришли. Я у них работала — чистила сапоги. Двух моих сестер сразу угнали в Германию, а мне велели подписать какую-то бумагу и оставили чистить сапоги. А когда наши войска пришли, я сама проговорилась, что какую-то расписку дала, а какую, я до сих пор не знаю. И вот на основании этой расписки мне предъявили обвинение. Мне уже потом объяснили, что я — немецкий агент. И осудили меня на десять лет. Четыре года я была на лесоповале в Кировской области, а потом пригнали в Караганду. В Карлаге я просидела шесть лет. Что я там видела? Одно страданье да мученье. Три номера на мне — тут номер, тут номер, тут номер — вся опечатанная была. И потом, когда меня освободили, написали: “Вечная ссылка в Акмолинск”. Привезли меня из Караганды в Акмолинск, и я сра-

зу заболела желтухой. А когда выздоровела, вышла из больницы и думаю: "Куда идти?" Стою на улице — лагерная одежда на мне, все меня обходят. Я стою и горько плачу. Здесь люди подошли ко мне, спрашивают: "Что ты, женщина, так плачешь?" Я говорю: "Вот так и так". — "Э-э, миленькая, ты из лагеря, а мы тут спецпереселенцы. Мы тебя к себе заберем". Вот промысел Божий! Забрали меня, устроили работать в больницу, и там я работала четыре года. А тут как раз всех освободили от вечной ссылки. Приехала я из Акмолы домой, и все меня презирали тогда, я же из заключения. А там, в Брянской области, в селе Брасово, старчик жил, о. Матфей из Площанской пустыни. Я к нему пришла, говорю: "Батюшка, жизни мне здесь нет!" И так о. Матфей сказал: "А ты езжай туда, откуда приехала. Ты там все свое найдешь, и воздается тебе нечаянная радость!" Ай-ай! На меня дрожь напала! Что там? Какая там радость? Я там столько страданий пережила, слез пролила столько, я там срок отбывала! В Актасе! В Карабасе! Из Долинки я освобождалась и — "уезжай, откуда ты приехала".

Возвратилась я в Акмолу, стала все время ходить в церковь, и священник о. Николай Моисеев сказал мне: "Ты знаешь, Нина, съезди в Караганду, там батюшка

Севастиан. Ты одинокая, может, он тебя к себе заберет". И первый раз я приехала к Батюшке. Когда я зашла к нему, он стоял, как отец в большой семье, и спокойно всех благословлял. Я только дверь открыла, мать Анастасия кричит: "Наша! Наша!" Потом, когда Батюшка меня к себе подозвал и я зашла к нему в келью, упала ему в ноги, целую сапоги, а сама не знаю, что сказать, и горько плачу: "Дорогой батюшка! Дорогой батюшка! Я ведь эту Караганду, не то, что приехать сюда, я не хотела даже вспоминать, что она существует на земле! Я здесь безвинно сидела, отбывала срок в Актасе, в Карабасе, из Долинки я освобождалась. А сейчас приехала сюда к вам!" — и все рассказываю ему и горько плачу. И у Батюшки слезки на глаза навернулись. И матушки все прослезились от наших слез. И Батюшка меня "страстотерпцем" назвал, я же безвинно сидела — "за грехи всего рода" — Батюшка сказал. Он дал мне большую икону Св. Троицы, насыпал много конфет: "А это, Нина, ты раздай в Акмоле, кому знаешь". Я два дня там побыла, и мне надо было возвращаться. Меня провожали, посадили на поезд, а Батюшка сказал: "Ты еще ко мне приедешь". И я стала ездить. Года три ездила, а потом Батюшка меня благословил оставаться в

Караганде. Это было в 60-м году примерно. Я приехала сюда, и Батюшка послал меня работать в больницу. Он всех своих посылал в больницу. Я работала в детском отделении, и мы много несчастных деток погрузили по батюшкиному благословению. И тут враг на меня восстал. Так мне стало тошно, и я на ребенка сказала: "У-у! Чтоб ты захлебнулся, как ты мне надоел!" Опомнилась, побежала к Батюшке: "Батюшка! Я сегодня вот что сделала!" Он не ругал меня, а сказал сразу: "Да то разве ты? Да это, — говорит — дьявол!" Ты уйди из детского отделения, потому что восстал враг за то, что детей погрузили. Иди в 1-е отделение, там нашего человека нет". И я в первом отделении, в боткинском, все время работала.

От Марии, моей сестры, которую немцы в Германию угнали, пятнадцать лет не было никаких известий. "Батюшка, — говорю, — мы не знаем, как за Марию молиться, не вернулась она из Германии". А он сказал: "Да она живая!" — "Как же так, пятнадцать лет мы о ней не слыхали!" — "Да она живая, вы скоро о ней услышите!" И на самом деле, скоро получили от Марии письмо — находится во Франции.

Как-то я захожу в панихидную, а Батюшка сразу говорит: "Нина! Мне твои передали булочку!" Что такое? Отошла и

не могу понять, что за булочку мои передали? Пришла домой — письмо в ящике, родители пишут: "Мы так молились за батюшку! Испекли хороший торт и за батюшку раздавали в церкви". Тогда я поняла.

О том старце Матфее я уже не думала, забыла его. А потом возьми да и вспомни, и батюшке Севастиану я все о нем рассказала и рассказала о том, что он мне говорил. А Батюшка сказал: "Нет, так нельзя. Ты поезжай туда, ему просфорочку передай, и пусть он за меня помолится".

Я стояла в храме и думала о поездке на родину. Подхожу к Батюшке под благословение, он спрашивает: "Ты где была? Ты ведь на родину ездила?" Он благословил меня съездить домой к отцу с матерью. "Батюшка, сколько мне там побыть?" — "А сколько мать благословит, столько побудешь. Ты им сахарку купи". А мне в письме родители пишут: "Ты нам сахарку привези". Он провидел все это. А когда я приехала на родину, пришла к старцу Матфею, передала ему просфорочку, батюшкину фотокарточку ему показываю, а он говорит: "А! Да это же великий старец! — Целует эту фотокарточку. — Вот скоро помрет, на пять лет раньше, так как вы его не слушаетесь". И он за него

молился, старец Матфей с Площанской пустыни. А я плакала — Актас... Карабас... Долинка... и вот эта нечаянная радость, вот кого нашла я — Батюшку!

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА ПАРШИНА

Схимонахиня Евпраксия была ровесницей Батюшки. Она рассказывала мне, что часто ездила к старцам в Оптину Пустынь. А Батюшка был тогда молодым послушником. Как-то она приехала, а он, подойдя, так ласково говорит: "Деточка моя, деточка моя!" Она думает: "Послушник — и так ко мне обращается — "деточка моя"! Да я к старцам приехала, что он меня так называет?" А впоследствии она приехала в Караганду с ним повидаться, и Батюшка ее здесь оставил. Так она стала его "деточкой".

Еще мать Евпраксия рассказывала: она была сослана в ссылку, и в той же местности был на поселении иеромонах Иерофей. И с ними жила тяжело больная туберкулезом молодая девушка Серафима. И вот о. Иерофей получает письмо от батюшки Севастиана. Тот пишет: "Симу постригите с именем София. Не медлите". А письмо было получено под какой-то Ве-

ликий праздник. “Что делать, — думают, — торжество оставлять нельзя”, — и решили сразу после всенощной пойти к ней. Быстро после службы собрались, пришли, а Сима вся горит румянцем. О. Иерофей постриг совершил, а присутствовали мать Евпраксия и другая монахиня, ставшая восприемницей Софии при постриге. Монахиня София просит восприемницу прочитать ей первое монашеское правило. Восприемница осталась читать правило, а монахиня София заметалась по своей постели. Восприемница спрашивает: “Что с тобой?” — “Кругом окружили бесы и скрежещут зубами, душа моя мечется от этого ужасного скрежета зубов”. — “Ты боишься их?” — “Нет, не боюсь, а неприятно душе”. И к концу правила, когда уже стало светать, юная монахиня София предала свою душу в руки Божии.

ИЕРЕЙ ИОАНН ТИМАКОВ,

заштатный священник, г. Караганда

Нас привезли из Самарской губернии в степь, на место будущего поселка Новая Тихоновка в середине лета 1931 года. Я был молод, со мной была жена и маленький ребенок. Мы выкопали ямку в

метр глубиной, попончиками крышу закрыли и мешок с багажом в головах. Наш младенец прожил в этой яме месяц и умер. А зимой, когда нас перевели в недостроенные бараки, у нас другой младенец родился. Первую зиму свирепствовал тиф, было очень холодно, на пайке жить было трудно, народ ослаб. В 31-м, в 32-м году погибли все дети и старики, и к 33-му году осталась одна молодежь, редко где старика увидишь. А потом и молодые стали умирать. В Тихоновке у нас по двести человек в день умирало. Три бригады копали могилы (два метра ширины, пять метров длины). Зашивали человека в попонку грязную и в яму бросали. Зимой могилы копать не успевали. Покойников складывали в кучи, величиною с дом, по пятьсот-семьсот человек в каждой куче лежало друг на друге, как дрова. Второй наш ребенок тоже умер. А мы с женой выжили благодаря тому, что продали ее пальто на лисьем меху, что ей еще от матери досталось, купили овса, толкли его, ели и чуть живенькие остались.

Я, в числе других спецпереселенцев, работал на Кировой шахте. От шахты до нашего поселка было восемь километров пути. И каждый день надо был ходить по степи туда и обратно. Работаешь в шахте — грунтовые воды, как дождь, льют с

потолка. Выйдешь из шахты — весь мокрый, в галошах вода, портянки мокрые, только фуфайку сухую оденешь и бежишь в поселок по тридцатиградусному морозу. Пока прибежишь — одежда примерзнет к телу. Шахтеры шли с работы и замертво падали. И всю зиму на дороге лежали. Бывало, в пургу дороги не видно, а мертвецы вместо вешек лежат по степи. Их весной на телеги собирали. И сам я дошел до упаду. Домой едва живым стал доходить от слабости. Болел сильно — малокровие, рвоты. И долго просил я коменданта поселка разрешить нам перейти жить в землянку при шахте, с трудом выпросился. И когда мы туда перешли, стали жить уже как в раю. Мне не надо было ходить по шестнадцать километров. А выйду из шахты, через дорогу перейду — и прямо в землянку. Здесь я немного ожил.

До 1934 года у нас священников не было. Только один священник из старообрядцев ходил крестить детей, о. Сергий. А в 1934 году из Карлага вышел о. Иаков Пеньков. У старых жителей села Буд-Горы хранился антиминс, крест и священническое облачение. Все это отдали о. Иакову и он стал тайно, по разным домам совершать богослужения. Много раз его забирали комсомольцы и отводили в

комендатуру. Ему запрещали служить, угрожая новым арестом, но о. Иаков отвечал: "Я дал обет Богу и буду служить". А знакомым старичкам говорил: "Я хочу пострадать за веру". И в 37-м году за ним пришли, забрали, и до сего дня никакой весточки от него нет.

До 38-го года мы ездили причащаться в Акмолу. В 38-м году вышел из Карлага о. Владимир Холодков, и снова мы, человек по пятнадцать-двадцать, стали тайно собираться в землянках. Совершали по праздникам Литургию и причащались.

А когда война началась, и Сталин дал приказ, что разрешается молиться Богу, о. Владимир пошел в горсовет и добился разрешения служить открыто. И тогда к нам пошел народ. Молитвенный дом был в землянке, у Кировой шахты, где мы жили и работали. Буквально под землей служили, окна у нас были на потолке. И когда мы открылись, по пятьсот человек стали на службы собираться. Землянку расширили, пристроили сарайчики и так служили до 50-го года, пока не построили церковь Архангела Михаила.

О батюшке Севастиане я услышал в 43-м году и стал к нему ходить. Потом по его благословению я переехал на Мелькомбинат, построил себе дом и помогал строить и покупать дома вдовам с детьми,

которых Батюшка тоже устраивал на Мелькомбинате. Шло время, жизнь постепенно налаживалась. Уже и в Михайловке в 55-м году открыли церковь. И вот, в конце 55-го года из Куйбышева пишет мне сестра: "Ваня, приезжай повидаться, мы по тебе соскучились". Я — к Батюшке: "Благословите, на родину съезжу". А он: "Не надо, не езди". Но прошло недели три, и в первый день нового 1956 года я подхожу после службы ко кресту, а Батюшка вдруг говорит: "Иван Семенович, ты хотел в Куйбышев ехать, поезжай, только быстрей собирайся, быстрей!" И в этот же вечер я сел на поезд и поехал. Приехал в Куйбышев, а там — чудо: Зоя стоит.*

* В 1956 году в Куйбышеве (ныне Самара) произошло событие, обратившее к Богу множество людей. В период Рождественского поста, в вечер на Новый год, девушка Зоя совершила кощунственный поступок: вместо не пришедшего на вечеринку своего жениха по имени Николай решилась танцевать с иконой святителя Николая. Во время танца она внезапно окаменела, оставаясь при этом живой. Ночами Зоя жутко кричала, призывая людей к покаянию. Так, окаменевшей, она простояла сто двадцать восемь дней. В ночь на Пасху тело ее ожило и на третий день праздника Зоя отошла ко Господу, пройдя тяжелый путь искупления греха.

Город в смятении. Толпы людей у Зоиного дома, народ открыто пошел в церковь: крестятся, каются. И я ходил к Зое, но в дом уже не пускала милиция. Неделю я прожил в Куйбышеве и, возвратившись, поведал карагандинцам о Зое и о Божием промышлении о погибающем во грехах мире.

Еще о батюшкиной прозорливости. Заболела туберкулезом моя восьмилетняя дочь. Врачам показали, они говорят: "Мы не можем здесь ее вылечить, везите на курорт, в Боровое, иначе она умрет". Мы — к Батюшке: "Батюшка, благословите на курорт, иначе помрет дочка". А Батюшка: "Да... — говорит, — лучше здесь похоронить, чем туда ехать". Мы с женой скорбим — жалко девочку! А девочка была очень хорошая: умница, послушливая, кроткая, как ангел. И я отвез ее в Боровое. Там, правда, вылечили ее, но с курорта она приехала другая, как чужая стала нам. А потом она в пионеры вступила, в комсомол, в партию. И так до сих пор не пришла к вере.

Другая моя дочь, повзрослев, познакомилась с молодым человеком, немцем по национальности, который сделал ей предложение выйти за него замуж. На что дочь сказала: "У меня отец верующий и он не отдаст меня за тебя, потому что ты

не крещеный". И Володя, так звали юношу, согласился покреститься и обвенчаться с дочерью. Тогда я пошел к Батюшке за благословением, но Батюшка сказал: "Повенчаем, а крестить его не надо". Если бы мне сказал так другой священник, я стал бы возражать, так как нельзя венчать некрещеного. Но здесь я промолчал, потому, что знал, что Батюшка не ошибается. И когда мы поговорили с матерью Володи, она рассказала, что в 42-м году в их спецпереселенческий поселок пришел священник и покрестил всех детей, в том числе и Володю. А батюшка Севастиан все это знал, хотя Володю в глаза не видел.

ВЕРА АФАНАСЬЕВНА ТКАЧЕНКО,

келейница Батюшки

Познакомилась я с батюшкой Севастианом в 1939 году. Мне было восемь лет, а Батюшка только освободился из тюрьмы. Я жила у своей тетки на Нижней улице. Тетя моя была верующей, и часто вместе с Батюшкой мы ходили по домам и молились. А когда умерла моя мама, то уже совсем мы стали с Батюшкой близки,

потому что он жалел сирот. Он говорил: "Если бы я не был сиротой, я бы так не сочувствовал другому". А потом Батюшка сказал: "Я хочу взять тебя к себе". Мне было уже одинадцать лет. И он поселил меня к одной монахине, где я жила под присмотром Батюшки. А когда мне исполнилось шестнадцать, Батюшка взял меня к себе келейницей, и я все время жила при нем и ухаживала за ним.

Когда мы жили на Нижней улице, мы все кушали из одной миски. Садились за стол человек пять-шесть и Батюшка с нами. Бывало, есть очень хочется, а мисочку поставят одну на всех. "Нет, — думаю, — не наемся". И прямо чудо было! Еще оставалась в миске еда, и все были сыты. Как это Батюшка умел делать? Не знаю.

Церковь наша была еще не зарегистрирована, и лет десять мы ходили молиться по домам. Вот, допустим, на Федоровку надо идти молиться и Батюшка говорит: "Утром встаем в половине пятого и идем на Федоровку". И мы все встаем и идем пешочком на Федоровку. Через плечо книги, Батюшка с бодожочком, мать Варя, мать Груша — это батюшкин хор. Там помолимся, и в половине восьмого Батюшка благословлял меня идти на работу (не работать нельзя было, преследо-

вали тех, кто не работал). А с работы прихожу — опять надо идти молиться. С одного конца Караганды идем в другой, потому что нельзя было служить на одном и том же месте.

Батюшка был исключительный человек. С плачущими он плакал, с радующимися — радовался. Он всегда держал умную молитву, она была в его сердце. Но жизнь его души была сокрыта. В каком смысле сокрыта — объяснить трудно, можно было только на себе ощутить. Помню, как однажды, когда я рассказывала Батюшке о своей поездке в Москву, о московских храмах, о том, как я подходила под благословение к Патриарху, Батюшка слушал, молчал, но в нем что-то происходило, — у него поменялись глаза — из коричневых они стали серыми. Я сказала ему об этом, но он ничего не ответил, только глаза опустил. Конечно, Батюшка был очень мудрым, он не всегда говорил открыто. А ведь у меня еще детство было, мне не так-то легко было сообразить, что к чему он говорил. Бывало, он и по лбу даст, любя, конечно, чтобы какую-нибудь дурь выбить. Мысли-то всякие бывают. Вот, к примеру, думаю: "Что за жизнь у меня? Утром ухожу на работу — молятся, вечером прихожу с работы — молятся. Не могу больше! Лучше в миру

жить, не переживать". А Батюшка подойдет и тыльной стороной ладони — по лбу тихонечко.

У меня забота была такая: смотрю с клироса в алтарь — ага, Батюшка разоблачается, мне нужно скорее идти в келью, приготовить, чтобы Батюшка пришел, и все было уже на столе. Батюшка покушал — надо чтобы скорее лег отдохнуть. А здесь народ идет — то один, то другой, а Батюшка уставший, иногда скажет: "Не могу принять". "Батюшка, как же мне сказать им?" "А вот так и скажи — и не обидь, и найди, как сказать. Если необходимо, пусть подождут". Я иду: "Батюшка — говорю — отдыхает". Вот Батюшка отдохнул, книжечку читает. Опять: "Батюшка, женщина пришла". "Пусть ждет". А сам все читает. Опять идешь, объясняешься. А народ ропщет: "Э-э, да это ты сама не хочешь к Батюшке пустить!" Я — к нему. Он: — "Нет, пусть подождут, еще время не пришло". "Батюшка, они говорят, что это я к Вам не пускаю". А он: "Любишь кататься, люби и саночки возить. Я ведь и сам у старца жил в Оптиной Пустыни". Бывало, я совсем к нему не допускала, потому что Батюшка скажет: "Я не могу сегодня принять, я очень плохо себя чувствую". И люди говорили: "Вера очень строгая, поколотить

может". Ну, вот такой случай был. Батюшка меня в Москву послал, а с ним остались мать Иулия и Мария Образцова*. Они мне пишут: "Вера, приезжай, без тебя плохо". И Батюшка тоже говорил: "Эх вы, тюри! Вера не допустила бы такого беспорядка". Все шли, как в проходной двор. А когда Батюшка уже болел, два "милиционера" стояло — Шурик и Алеша. Так и они не могли справиться, звали меня. Приходилось идти "расправляться". Ребята, конечно, помягче были, а я уже привыкла защищать Батюшку. Батюшке жаловались: "Батюшка, ну что же Вера такая сердитая, не допускает к Вам?" А он говорил: "И такие нужны в монастыре".

Однажды Батюшка попросил Владыку Питирима, чтобы тот прислал ему две пишущие машинки. Когда их привезли, Батюшка говорит: "Вот тебе, Вера, одну и одну Марии Образцовой". А я думаю: "Зачем она мне нужна? Что я буду с ней делать?" А после смерти Батюшки эта машинка стала мне очень нужна. Я научилась печатать и двадцать пять лет преподавала на курсах машинописи и делопроизводства. И Мария думает: "На что она мне нужна?" Это вечером было. А утром Батюшка говорит Марии: "Нет, она тебе

* Мария Образцова — вторая келейница Батюшки.

не нужна, ты будешь псаломщицей". И отдал машинку Елене Агафоновой*.

МАРИЯ ОБРАЗЦОВА,

келейница Батюшки

В первый раз я приехала к Батюшке в 1948 году из Тихоновки. Был праздник Рождества Христова. Когда я приехала, служили в жилом доме маленьком, частоколом и колючей проволокой огороженным — такой вид имела наша церковь. Служили великое повечерие и Литургию. Служба на меня такое впечатление произвела, что передать его невозможно, я забыла, где нахожусь. Когда служба закончилась, в четыре часа утра, нас с подругой устроили отдохнуть у матушек на Нижней улице. Пришли — маленькая хатка, все так убрано, занавесочки марлевые, дорожки постланы. Мы отдохнули, покушали — теперь домой надо ехать. А матушки говорят: "А вы Батюшку видели?" — "Нет, не видели". И вдруг Батюшка с улицы — тук-тук палочкой об окошко. На меня страх напал, а Николай наш, тихоновский, го-

* Елена Александровна Агафонова в настоящее время работает делопроизводителем в Алма-атинско-Семипалатинском Епархиальном Управлении.

ворит: "Вот что, мы будем брать благословение, а вы — в первый раз, вы в ноги кланяйтесь Батюшке". Зашел Батюшка, разделся, с праздником всех поздравил. Мы в ноги падаем, а он: "Да не надо, праздник большой". Потом он всех оставил, а меня с подругой взял в свою комнату. Я очень испугалась, а Батюшка стал расспрашивать: "Где живешь, с кем живешь, кто есть у тебя?" Во мне все существо мое трепетало. И благословил приезжать к нему.

После беседы с Батюшкой два месяца я была, как не своя, от радости. Чему я радовалась? Батюшку я теперь знаю. И так я ходила к Батюшке два года. Потом он сказал: "Надо тебе сюда переезжать. Пусть мама приедет". Мама приехала. Он: "Сколько у тебя деток?" — "Четыре дочки и сын". — "Ну, я у тебя одну возьму" — "Берите". — "Да ты не горюй, ты будешь к ней сюда приезжать".

И он нам, трем девушкам, небольшой домик купил на Мелькомбинате. Это было в 50-м году. Домик купил, дал нам правильце, и мы стали жить. В Михайловку по праздникам приезжали, и Батюшка к нам на Мелькомбинат часто приезжал. Какая это радость была! Стоит только Батюшке приехать, как моментально полно народу набегает, как по воздуху весть

разносилась. И Батюшка служил у нас молебны и панихиды. Когда Батюшка уезжал с Мелькомбината, день становился ночью. “Батюшка, я с вами!” — “Нет уж, я тебя не возьму, конечно, места нет”. Но в утешение даст фотокарточку или какую картинку. “Батюшка, а вы подпишите!” — “Ух ты! В следующий раз, когда не возьму”.

А как мы поселились на Мелькомбинате (это осенью было), Батюшка сказал: “Вот тут постройте большую комнату пять на пять”. И мы начали строить. Трое девчонок нас было, да дядьку нам дал, такого же неудаху, и лес нам привезли. И вот уже на Рождество Христово Батюшка эту комнату освятил и служил обедню. Он тайно тогда служил в праздники, в воскресенье и в субботу. Тут на Стахановском девица жила в маленьком домике, у нее он тоже обедню служил. Потом у мордовки в доме — кривые окна-двери, — там он служил обедницу. Так было до 55 года, пока не получили документы на регистрацию нашей общины. Мелькомбинат — это его детище было, как у преподобного Серафима Дивеево. У кого хата валится, у кого сарай прохудился, у кого завалился колодец — он все это видел. Приедет Батюшка сюда, помолимся, быстро стол накроем. Где Батюшка — и все там.

Сидит Батюшка, сидит Шурик, сидит Петя, а тут! — всякого — разного возраста: и такие, и такие — все! Это была большая семья, и любящая мать с ними. Батюшку отцом нельзя было назвать. Это была любящая мать.

Ну вот, случай расскажу. Однажды приезжает к Батюшке из Тихоновки женщина: "Батюшка, Шура заболела". (Александра Софроновна, его духовная дочь.) "Она заболела, с сердцем плохо". Батюшка говорит: "Ну что же, поедем к ней завтра". А сегодня буран, зги не видать, все дороги занесенные. На утро буран перестал, а мороз крепкий. Но поехали. Меня Батюшка взял и еще Николая, он диаконом у нас служил. Едем, таксист до 2-го рудника довез и говорит: "Больше не поеду, дороги нет". Ну что же, пошли пешком. А мороз невозможный! Тут какая-то лошадка ехала, сани небольшие. Попросили Батюшку посадить, а мы с Николаем на полозьях сзади. Уже к часу дня приехали к больной. Батюшка только в двери, а муж ее прямо в ноги к нему упал, зарыдал: "Батюшка! Шура-то в больнице! Скорая забрала ее!" Батюшка так головой покачал: "Ну ничего, так Богу угодно". А муж плачет: "Шура меня замучила! Ну при каких условиях Батюшку сюда пригласили, а меня дома не будет!" А Ба-

тюшка мне говорит: “Знаешь, Мария, ты вечером сходи к ней в больницу и скажи, что батюшка не приезжал, а то она будет очень переживать”... Ну кто так может сделать? Только родная мать.

Я прихожу вечером в больницу, говорю: “Александра Софроновна, Батюшка прислал меня сказать, что он приехать не может, дороги нет”. Она говорит: “Слава, Тебе, Господи, я ночь не спала, думала, что Батюшка приедет, а я в больнице”. А матушка, которая за ней ухаживала, зашла и говорит: “Шура, а Батюшка все-таки был!” Конечно, она очень заскорбела, но оценила все это. “Господи! — говорит. — Ну кто я? Я же такая недостойная! А Батюшка все-таки был!”

А потом Батюшка взял меня к себе келейницей. Хорошо нам жилось. Мы с матерью Юлией спали на полу, на кошме, Вера спала на раскладушке. Когда было очень холодно, Батюшка открывал свою кельицу, выходил, подрясником нас, спящих, укрывал. А иногда меня Батюшка на Нижнюю отсылал, где матушки жили. Я скажу им: “Комната теплая, чистая, прекрасный ужин.” А мать Варя скажет: “А что это тебя палкой сюда не загонишь? Лучше на кошме спать, да около Батюшки”.

Батюшка это такая личность, что словами ее обрисовать нельзя. Вот он прихо-

дит после службы, если, например, прохладно, он скажет: "Вера, дай мне безрукавку на плечи", — но никогда не скажет: "Почему холодно?" Он был к себе строг, милостив к ближним. Никогда не скажет, что не так что-нибудь. Но однажды был такой случай, смешной даже. Был вечер под среду и праздник Архангела Михаила. Я подавала ему ужин: "Батюшка, Вам чай с молоком?" — "Нет, без молока". Прихожу на кухню, матери Анастасии говорю: "Матушка, Батюшка просит чай без молока". — "Нет, — говорит, — на, неси с молоком!"— "Нет, матушка, я не понесу". — "Неси, тебе говорю!" Я понесла. Батюшка на меня посмотрел, говорит: "Я просил без молока чай". — "Батюшка, вот мать Анастасия говорит — неси и все!"

Он встал, взял эту чашку с молоком, понес на кухню, подошел и в мать Анастасию выплеснул. Она на меня: "Ты, лында, почему чай с молоком понесла?" — "Матушка, ну Вы мне налили!" — "Ух! Вера бы подралась со мной, но не понесла бы, а ты поперла! Вот видишь, что теперь!"

Но все это, конечно, игра была. У них с Батюшкой свой разговор был, нам непонятный. Батюшка иногда скажет: "Настя, не время теперь", — имея в виду

юродство. Она юродствовала, но, конечно, не в той мере, как бы хотела. Матушка тоже великой жизни была.

Однажды она заболела, а у моей мамы именины. И матушка целый день стряпала у нас оладьи, а к концу дня попросила антидор. Настолько была воздержана. Батюшка тоже очень мало кушал. Мать Варя скажет: “Не постясь постился”. Принесут ему с огонька, как говорится, а он ложечки три проглотит: “Забирайте”. Или вот, например, первый день Великого поста. Обычно в первый день тут никому есть не дают. После Великого канона дают по кусочку просфоры. А тут Батюшка велит картошку сварить в двенадцать часов, а в три часа, она уже остынет, он половинку картошечки съест и скажет: “Вот, отцы мои постятся (имея ввиду сослужащих), а я — нет”, — этим он все смирял сам себя. “Я ведь больной, — скажет, — я вот пост нарушил”.

Он любвеобильный был необыкновенно. Вот, например, Александра Невского праздник был 30 августа по старому, а я говорю: “Батюшка, я домой поеду картошку копать”. — “Поезжай, поезжай, а то там мама ждет тебя”. Поехала. Копали в поле картошку, и дождь пошел. А надо все успеть и в церковь к пяти часам ехать на праздник Положения пояса Пресвятой

Богородицы. Я — как на иголках. А Батюшка отдыхал, потом встал, отодвинул занавесочку и говорит: “Дождик идет, а кто-то картошку копает. Вера, ты пойди, Марии позвони, чтобы она не приезжала ко всенощной”. — “А кому звонить-то? Они в поле”. — “Ты иди, позвони”. Вера пошла звонить к нам домой. А сестра моя в этот момент двери открывает — пришла домой в обеденный перерыв. Дверь открывает и — звонок. Она сняла трубку, и Вера говорит: “Скажи своей игуменье, пусть она ко всенощной не приезжает, дома сидит”. И сестра оставила на столе записку: “Ко всенощной можно не приезжать”. Ну, конечно, когда я мокрая, уставшая пришла домой и прочитала записку, я просто обревелась вся — какой Батюшка! Как он знал и всю душу видел насквозь!

Вот такой случай был. Батюшка говорит: “Наташа, пойди к Образцовым, скажи, чтобы они корову зарезали”. А это в марте месяце. Зиму прокормили корову и теперь — зарезать. Мама говорит: “Боже мой, как жалко!” Идет время, Батюшка опять зовет Наташу: “Ты была?”— “Была”.— “Иди сейчас же скажи, чтобы зарезали корову”. Наташа приходит и говорит: “Что вы, издеваетесь?” Мама сказала: “Ну что же, надо резать, а жалко”.

Опять тянется время, уже апрель месяц. И Батюшка так строго, просто раздраженно, сказал: “Доколе они будут мучить скотину?” Пришла Наталья и говорит: “Сейчас же режьте! Не уйду до тех пор, пока не зарежете”. Зарезали корову, а у нее ржавый гвоздь в желудке. Она страдала от этого и все равно пала бы, а Батюшка это знал.

Когда мы еще первый год жили на Мелькомбинате, как-то на первой неделе Поста в час дня поели кисель с фруктами, и сердцевинка яблока у меня в горле застряла— не вдохнуть, ни выдохнуть. Поехали к Батюшке, а он уже молиться пошел и только в девять вечера служба кончилась. Пошли с Батюшкой домой на Нижнюю. Сели ужинать, я не ем, даже не могу слюну глотать. Батюшка расспрашивает Наталью: “А что вы ели, а когда вы ели?” Отломил кусочек хлеба и дает мне: “На вот, съешь”. Я думаю: “Как же я буду есть?” Маленький кусочек съела — ничего, пошло. Тогда я побольше — и как ничего не бывало. Я молчу. А когда вечернюю молитву почитали, я поклонилась Батюшке в ножки: “Батюшка, спаси Вас Господи! Как ничего не бывало”. А он говорит: “Ну вот и слава Богу”.

Однажды Батюшка говорит мне: “Ты хочешь знать, как Святейший расписыва-

ется?" — и подает лист бумаги, исписанный рукой матери Агнии (я знала ее почерк). А вверху наискосок красным карандашом наложена резолюция. "Вот — говорит — читай, что наискосок, а больше ничего не читай". Отдал мне бумагу и вышел в коридорчик. А я сгораю от любопытства — что же там мать Агния написала, что Святейший подписал? А потом думаю: "Безсовестная, как тебе не стыдно? Батюшка же не велел читать". Положила бумагу на стол, отошла. А Батюшки нет и нет. А мне интересно — ну что же мать Агния написала? Опять подойду к столу и опять: "Нет, не буду" — и отойду. И так трижды любопытство меня разбирало. Потом Батюшка заходит, улыбается: "Ну уж, прочти!" А там прошение матушки Агнии на совершение над ней монашеского пострига. Батюшка вскоре постриг ее в мантию.

Конечно, тяжело нам было переживать батюшкину кончину. Все скорбели, все плакали. А через полгода мне приснился сон, который никогда не изгладится из моей памяти. Снится, что я захожу в церковь, а Батюшка в алтаре частицы вынимает, а алтарь какой-то не наш, узкий. Я стою у двери, руки сложила под благословение и шепотом зову: "Батюшка!" Он повернулся, подошел ко мне, благосло-

вил. Я молчу, не знаю, что сказать: говорить много — может у него времени нет, говорить мало — не знаю, как сформулировать, чтобы сказать основное, и молчу. А он так близко подошел и говорит: "А я за тебя молюсь!" И я проснулась. Ой, не знаю, как от радости бегала! Как живой, был Батюшка и опять утешил.

А через год по смерти Батюшки Благовещение совпало с Вербным воскресеньем. Служба очень сложная. Я псаломщицей была и не знала, как правильно сочетать оба праздника. Батюшка является мне во сне и все разложил по порядку: "Ты смотри, строго смотри. Вот скажет: "То — Ваий, то — праздника (то есть Благовещения). Стихиры — праздника на шесть и Ваий на четыре, Слава: Ваий, и ныне: праздника". Опять Батюшка, как живой, был. Когда все разъяснил, я проснулась, все запомнила и так провела службу.

Помню, как перед кончиной Батюшки мы ждали Владыку Питирима. Была ночь. Батюшка сидел в келейке у печки. Вера что-то готовила, меняла постель, Ольга Федоровна Батюшке косичку расплетала, я вытирала ему за ушками. Была гробовая тишина... И Батюшка сидел, смотрел в святой угол... Казалось бы — что хочешь можно было у Батюшки спросить, но все,

как оцепенели. Молчание нарушил сам Батюшка, он сказал: "Когда я умру, вы будете вспоминать, как вы за мной ходили..." И теперь это воспоминание осталось нам в утешение на всю жизнь. Ушел Батюшка. Конечно, и в Михайловке у нас неплохо, всеми силами стараемся поддерживать, но, конечно, далеко не то, потому что нет Батюшки. Ну, а священники у нас, между прочим, его, батюшкины, да, да. Поэтому стараются все.

ИЗЮМОВА ТАТЬЯНА АРТЕМОВНА

Родители мои — спецпереселенцы, были высланы в 31-м году из Волгоградской области. Мать с отцом и трое детей. Их привезли в голую степь, в 13-й поселок, что в шестнадцати километрах от Темиртау. Двадцать пять тысяч человек было в этом поселке и все копали землянки в степи. К зиме соорудили из хвороста что-то вроде сарая и в этом совершенно не топленном сарае жили десять семей. Окон не было, крыша едва накрывала сарай, и все лежали на нарах почти раздетые. Бывало, что папа приходил с работы, а мама и все дети лежали, засыпанные снегом. Папа разгребал снег и спрашивал: "Вы

живые там?" — "Да, живые". И нечего было кушать и пить. Старший брат где-то нашел маленькую чурочку, принес отцу и говорит: "Папаня, разруби чурочку, согрей нам чая". В это время подошел комендант, взял папу за шиворот и посадил под арест на три месяца за эту чурочку.

К весне в 13-м поселке народу почти не осталось, все вымерли. Наша семья чудным образом сохранилась — и детишки, и мама. Потом перевели их в Тихоновку, там были землянки пяти-квартирные из глины и караганника. И здесь уже в 39-м году я родилась. А в 40-м маму задавили в очереди за хлебом. Она была беременная и умерла. В 41-м забрали на фронт старшего брата и он погиб. А папа работал в войну на шахте по две-три смены, это был второй фронт, каждый день на шахте убивались люди. И каждый раз, уходя на работу, папа со мной прощался: "Ну вот, доченька, вернусь — не вернусь с шахты — Бог знает".

Так мы росли. Помню, нас называли кулаками. Я не понимала смысла этого слова и у папы спрашивала: "Папочка, почему нас называют кулаками?" А он говорил: "Деточка, от того называют, что когда мы жили в России, нам некогда было спать на подушке, мы отдыхали в поле на кулаке. От того, что мы трудились, об-

рабатывали землю и своими трудами кормили Россию".

В 1955 году, когда мне было уже шестнадцать лет, я познакомилась с батюшкой Севастианом. Я тогда впервые пришла в церковь. Шла служба, служил батюшка Севастиан. Я тихонько стояла и слушала. И в моей юношеской душе такое произошло перерождение, у меня захватило дух от неземного чувства радости, воодушевленности. Потом я стала ходить в храм и познакомилась с Батюшкой поближе, и Батюшка стал к себе привлекать. Он был такой благообразный, необыкновенной доброты и очень ласковый. С людьми он обращался очень просто, добродушно, всех встречал с душевной теплотой, особенно, если человек приходил к нему впервые. Я стала навыкать к хоровому пению. Батюшка очень любил Оптинский напев, иногда сам приходил на клирос и пел. Хор был женский, как монастырский. Пели матушки и молодые девушки. Как такового монастыря здесь не было, но дух монастырский был присущ. Община была небольшая, монахинь было десять или двенадцать, но были и тайные. Батюшка очень любил длинные службы. В нашем храме ничего не опускалось, не сокращалось. Дух Оптиной Пустыни Батюшка старался водворить в этом храме,

в котором он положил много трудов, как сам говорил: “Я здесь много пота пролил, чтобы основать этот храм”.

Когда я впервые пришла, Батюшка говорит: “А где твоя мама?” Я говорю: “Батюшка, моя мама умерла, я ее не помню”. — “А она отпета?”— “Нет.”— “Ну давай твою маму отпоем”. И Батюшка сразу стал служить погребение по моей маме.

У меня такой случай был. Племянник мой, восьми лет, играя с ребятишками на улице, подрался. И испугавшись, что его будут дома бранить, сбежал из дома вместе с приятелем. Сели на поезд и уехали в сторону Ташкента. Вся семья, конечно, переживала. Я с горючими слезами к Батюшке пришла, упала ему в ноги и говорю: “Батюшка, у меня такое великое горе! Племянник пропал и вот уже месяц нет никаких известий”. А Батюшка меня по голове погладил и говорит: “Ну ничего, Танюшка, Бог даст — найдется”. Проходит время и приносят телеграмму, что племянника задержали в Алма-Ате. И сестра поехала и забрала его. Я с такой радостью в знак благодарности большую гроздь винограда и большой арбуз принесла Батюшке. А Батюшка гладит меня по голове и говорит: “Ну, я же тебе говорил, что найдется твой племянник, вот он и нашелся”. Так вот, за его молитвы.

Великий был он, великий угодник Божий, великие чудеса творил, но тайно, скрыто от людских глаз. Свою прозорливость Батюшка скромно выражал. Когда окружали его девочки, его чада духовные, то, глядя на них всех, он порой говорил так: "Я вас знаю больше, чем вы сами себя". Такая была в нем великая прозорливость. Бывало, идешь на исповедь с таким большим грузом, с душевной болью, несешь столько горя, столько забот и печали, а когда поисповедуешься, поговоришь с Батюшкой, как окрыленная выходишь, все позади осталось, — такое вот чувство было. Батюшка мог лечить человеческие души своим словом, своим прикосновением. Погладит по голове, или такое вот слово скажет, которое сразу растворяет душу, приносит мир и покой. Но когда человек идет против Божественной воли, или когда Батюшка хотел человека предотвратить от какой-то беды, тогда он бывал строгим. Он строго может, конечно, побранить, а потом скажет: "Ох, да я вот всю ночь не спал, переживал за тебя, молился Богу". Он очень болезненно все переживал, каждое человеческое горе было ему близко, как его собственное. Он говорил: "Я сам рос сиротой, и сиротское горе я воспринимаю как свое, чужое горе близко моему сердцу".

Был такой случай по смерти Батюшки. Приехала одна женщина из Новосибирска. Надежда ее звали. У нее было раковое заболевание. Она упала на могилу Батюшки и горько рыдала. Потом молилась, как могла, призывала его в помощь и, уходя, взяла с могилы земли. Придя домой, она эту землю в чистый сосуд положила, залила водой и стала пить эту воду. И постепенно у нее болезнь исчезла, и она свое исцеление свидетельствовала.

Так случилось, что наш клирос остался без регента, и мне предложили регентовать. Это было уже после кончины Батюшки. Я очень смущалась, смогу ли я управлять хором и взмолилась Батюшке: "Батюшка, есть ли на то воля Божия? Смогу ли я справиться?" Я так молилась мысленно, а ночью мне снится Батюшка. Он на Мелькомбинате, где его любимое место, его скит. Такая там небольшая землянoчка, и я открываю дверь, вхожу, а Батюшка служит в полном облачении, с крестом, с кадилом в руках. Я открываю дверь и с той мыслью, согласиться ли мне управлять хором, падаю Батюшке в ноги и говорю: "Батюшка, благословите меня!" И он осенил меня большим крестом. Я приложилась к его руке и тут же проснулась и ощутила теплую его руку в моей ладони. Я поняла, что есть на это соизволение

Божие. Я дала согласие, стала управлять хором и, слава Богу, управляю до сих пор.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЗАЙКОВА

Я жила в Мордовии, у меня родители померли, и я приехала их отпевать к старцу Иакову. Был такой прозорливый старец Иаков в Барках. Пришла их отпевать, а он мне говорит: “Поедешь ты куды! А дорога такая хорошая! А кто тебя встретит-то! Столп от земли до неба!” А я-то себе думаю: “Чаво такое? От земли до неба столп меня встретит?” Вот, в 59-м году дочка уехала в Темиртау и пишет: “Мам, приязжай, мам, приязжай!” Мама все продала да и сюды. А на душе тяжесть такая — все же пела в деревне в хоре. Ну вот, я сюды приехала и прям в церковь. Иду — батюшку Севастиана вядут два мальчика. И люди к нему лезут, а он прям на меня и благословил вот тут, среди храма. И с тех пор я стала сюды ездить, тридцать лет езжу сюды и такая радость! Больше такой радости нигде не увидишь! А приехала — жить негде, и я тоды — Господи, прости — подхожу: “Батюшка, я замуж вышла!” Я вышла замуж

за старенького — жить негде мне. Он говорит: “Замуж вышла? Если не будешь венчаться — уходи”. Я пришла домой, говорю: “Деда, я ухожу”. — “Как уходишь?” — “Венчаться не будешь же?” — “Буду венчаться!” И прям сюды — венчаться. И с тех пор все время хожу и хожу сюды. А как приехала, мать Анастасия, она меня и не знала, а сразу назвала: “Анна! — говорит, — че за крестную не молишьси, за Анастасию? Она тебя трехденну принесла в храм! А ты за нее не молишьси! Она же умерла!” А я и не знала, что крестная умерла, откуда я знала, она же в Россеи. А я стою, глазами на нее смотрю — че она мне еще скажет? Подает просфору: “На вот, с дедом скушаете!” Дед тоды сразу заболел, может, кончину видела скорую. Да, чудные были старцы...

И старец Иаков в Барках, такой был чудесный! Святой он, на могиле исцеляются на него. А я раз пришла к нему, восемнадцать лет мне было, что я, Господи, — один грех! Ну я же не понимала! С бабушкой жила со своей. Спичков у бабушки не было. Я яичков с гнезда взяла, не спросила бабушку, ну, я думала — не грех ведь это, с гнезда взяла, побежала в магазин, купила спичков, принесла бабушке. Тады приязжаю туды, к батюшке Иакову, он говорит: “На яички спичков

купила!" Как знал за человеком грех, не утаишь ничаво! А я смотрю на няво, думаю: "Кому говорит?" А он мне в лоб-то: "Тебе говорю". Я тады: "Э-э! Батюшка! Прости, это я сделала!" Все на свете видел за человека, как сквозь решета!

Батюшка Севастиан уж сильно душевный был, всех любил, все для него все равно, как дети. Из Темиртау приедем, он нас всех так хочет ублажить, чтобы мы уж не прогневались. Как будто мы золотые приехали, а мы такие грешники!

Да, еще один раз видела: народу столько много было, и Батюшка оттуда кричит: "Стань на месте, не заходи!" А это человек зашел видно с плохим намерением и хочет туды к нему пройти. А он руку поднял только — и тот ни с места, как вкопаный стал, ни туды, ни сюды. Царствие Божие батюшке Севастиану!

И про мать Агнию, как не помнить! Мне надо получить было пенсию, а я никак не получу. Приязжаю к ней, к матушке, села у порожка там и сижу. А все к ней лезут, все к ней лезут, она тады говорит: "Иди-ка сюды". Около ног меня посадила, благословила: "Получишь свою пенсию", да и спросила: "А ты иконы-то делашь?" А я иконы в рамки убирала. — "Иконы-то делашь?" — "Да, — говорю,— матушка, делаю. Прости, фотографирова-

ла даже иконки (не было ликов-то нигде)— фотографировала сама даже". Она говорит: "Поздно пришла, а то поучила бы тоды писать. Ну, с Богом", — коли что делашь, то и работай.

Сейчас в Темиртау церковь выстроили, в Темиртау хожу, пою уже пять лет, каждый день. А батюшка Севастиан все время в душе, мы из Темиртау ездим сюды. Дорога стала милая, никогда не опаздываем. Еще не зачинают, двери еще не открыты — едем, батюшкиными молитвами, навещаем батюшкиный храм. Тут все родные, где бы ни был, а сюды так душа болит, вся душа тута, понимаешь, как? Вот почему так? Тянет душу, конечно. Там в хоре стою, пою, а сердце тута.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА АНДРИЕВСКАЯ

Нас выслали в 31-м году из Саратовской области. В скотских вагонах привезли в Осакаровку, и, как скот, выкинули на землю. Как сейчас помню, будто вчера это было: лил дождь, как из ведра, мы собирали дождевую воду и пили ее. Мне было тогда пять лет, брат старше меня на два года, трехлетняя сестра и еще два мла-

денца — пятеро детей, мать с отцом и дедушка с бабушкой. В Саратовской области мы занимались земледелием, в церковь всегда ходили. И вот, с эшелоном нас привезли в Осакаровку, в голую степь, где двое суток мы не спали, сидели на земле возле отца с матерью и за ноги их хватались. Через два дня приехали казахи на бриченках, посадили нас и повезли на 5-й поселок. Везут, а мы спрашиваем у отца: "Папа, папа, где же дом наш будет?" Он говорит: "Сейчас, сейчас будет, подождите". Привезли на 5-й поселок: "Где же дом? Дом где?" А там ничего нет, шест стоит с надписью "5 поселок" и солдаты охраняют, чтобы мы не разбежались. Подвезли нас к речке Ишиму, вывалили опять на землю, а мы, дети, ревем. Отец пошел, талы нарубил, яму вырыли квадратную, поставили как шалашик рядны и на полу, на земле в этой землянке мы жили до Покрова. А на Покров снег выпал сантиметров пятьдесят. Брат утром проснулся и говорит: "Мама, дед замерз, и я от него замерз". Кинулись, а дед уже готовый, умер.

Строили мы бараки. Подростки, взрослые на себе дерн возили километров за шесть. После Покрова поселили нас в эти бараки — ни стекол, ни дверей. Отец тогда еще живой был, он нальет в корыто воды, вода застынет и эту льдину он вместо стек-

ла вставлял в окно. В бараки вселяли человек по двести. Утром встанешь — там десять человек мертвые, там — пять, и мертвецов вытаскиваем. Этого я забыть не могу. С нами мордва жила — двадцать человек семья, и только двое у них убежали в Россию, а остальные все померли. Привезли восемнадцать тысяч на 5-й поселок, а к весне пять тысяч осталось. У нас в 32-м году умер отец, а мать через месяц родила, и нас осталось шестеро детей и слепая бабушка с нами. И как мы жили? Побирались. Воровать мама запрещала: "Нет, дочка, чужим никогда не наешься. Ты лучше пойди, руку протяни". И я ходила. Кто даст что-нибудь, а кто и не даст, вытолкнет.

Потом у нас умерли новорожденный брат, младшая сестра и бабушка. А мы стали подрастать и пошли в детскую бригаду работать. А в 37-м году маму принуждали идти в колхоз, но мама в колхоз не хотела. Ей сказали: "Ты знаешь, кто ты есть? Ты — кулачка". И маму осудили на три года и отправили на Дальний Восток. А мы дети, одни остались. Брату четырнадцать лет, мне — двенадцать, десять лет сестре и меньшему брату — восемь. Мы работали в детской бригаде, побирались, ходили детей нянчить, прясть ходили. Что дадут нам, мы несли и друг друга кормили. Так мы жили три года.

Потом мама освободилась и вскоре война началась. Брата забрали, погиб на фронте. Вот такое наше счастье было, так шла наша жизнь в слезах, нищете и горе.

В 55-м году мы познакомились с батюшкой Севастианом. И он благословил нас всей семьей переехать в Михайловку. Да... это мы уже как в раю стали жить. За год по его благословению дом поставили. И уже всегда при Батюшке были, все нужды, все скорби свои ему несли: "Ну, ничего, — скажет Батюшка, — ты надейся на Бога, Бог не оставит". И всегда помогал нам святыми своими молитвами, которых мы, грешные, недостойны, конечно.

МАТРОНА ТИХОНОВНА ФРОЛОВА

Когда в 45-м году я вернулась с фронта на родину, то очень желала устроить свою жизнь. И поэтому я усердно гуляла с молодежью, чтобы найти себе какого-нибудь человека. А работала я медсестрой и однажды, придя к больной ставить банки, увидела у нее на стене фотографию священника, вокруг которого много сестер в белых платочках. А я верующая была, молилась постоянно. "Кто это такой?" — спрашиваю. "Да это — отвечают — ба-

тюшка Севастиан, в Караганде живет". А у меня сердце такое скорбящее, уже от гуляния сердце переполнилось тоской, и думаю я: "Боже мой, какие у меня неудачи после фронта! Никак не могу устроиться, а годы-то идут". "Да ты — говорят — напиши ему письмо". Я написала, и Батюшка пригласил меня приехать в Караганду. Я приехала на малое время и давай Батюшке рассказывать какие у меня неудачи после фронта, а он говорит: "А тебе Господь не определил семейной жизни и ты не будешь замужней". А я думаю: "Что же такое? Всем определил, одной мне, что ли, не определил?" А Батюшка снова: "Ты поезжай обратно в Россию, там рассчитайся и приезжай сюда. Тебе есть Божие благословение в Караганде жить". Я поехала назад и очень долго не могла из России выехать в Караганду, потому что мир так держал меня, прямо, как цепями сковывал. Уже и Батюшка усердно молился, но только через четыре месяца я смогла приехать.

В крещении мое имя Матрона. А когда меня записывали на фронт, в документах написали: Мария. Так я и называлась всем — Мария. И Батюшке даю телеграмму: "Встречайте. Мария". А Батюшка говорит своим домочадцам: "Вот, едет к нам Матрона, сходите, встретьте ее". И Батюшка

в свой дом меня принял. Он никого так не принимал, уж очень берег он меня от сатаны. Но я не могла прижиться в Караганде и все хотела отсюда уехать. Я чемодан собрала и говорю: "Мне нужно уехать, я не могу здесь жить". А Батюшка положил чемодан в свою машину и опять меня привез к себе домой. И снова я стала у них жить. Около года я жила, и все матушки, которые при Батюшке были, всегда были недовольны мною, потому что я очень много лишнего говорила, и это им не нравилось, они привыкли в безмолвии жить, и лишних слов не употреблять. А я молола что попало, прости Господи! И когда Батюшка вечером являлся со службы, они ему жалобу на меня приносили, а Батюшка их уговаривал: "Матушки, вас всех сколько, и я вас всех терплю. А вы одну Матрону не хотите потерпеть". Так он все время увещевал их. И сколько я жила, всегда люди на меня жаловались, потому что я была действительно поведения неприличного. А Батюшка говорил: "Она на фронте была, она очень много потерпела, а Господь ее хранил. Не надо ей напасти строить, она приехала ко мне, но не к вам". Потом Батюшка домик мне купил. Бывало, приедет ко мне, смотрит на огород и говорит: "Ух! Матронин огородик! Как на душе, так и

на огороде!" А у меня такая большая трава была на огороде, чуть не в пояс. И много Батюшка стараний прилагал, чтобы меня образумить. Я стою на коленях перед ним, плачу и так мне горько на сердце, потому что очень сильно искушал меня сатана. А Батюшка смотрит не на меня, а рядом и говорит: "Сатана, сатана, что ты терзаешь душу!"

Я медсестрой была, Батюшке часто банки ставила, и он говорил: "Матрона, ты меня лечишь, а я тебя полечу". И мне все легче и легче становилось.

Столько трудов ему было с нами, такие мы все были для него ценные. И теперь, сколько я живу, никакой нужды не имею. Никого у меня нет, ни мужа, ни детей, всю жизнь прожила одинокая. И никогда никакой нужды не имела ни в пище, ни в питье, ни в дровах, ни в чем не имела, как будто кто на крыльях меня носит.

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЖУКОВА

В Караганду нашу семью привезли бесплатно из Самарской области в 31-м году. Нас четверо детей было и мать с отцом. Везли нас в поезде, в товарных вагонах. Сначала привезли в Акмолинск, там жили

мы в шалашах. Но этого я не помню, мне мама об этом рассказывала. И сколько мы жили там в шалашах, тоже не помню. Я даже не помню, как умерла сестра, младенец Надежда трех лет. А мне пятый год шел и еще два брата постарше. Из Акмолинска нас привезли в Компанейск, в степь. А когда мне было 11 лет и мы переехали в Большую Михайловку, то я почему-то подумала, что это село Михайловское — Пушкинское село.

Все мы выжили, пережили эту ссылку, только младенец Надежда у нас умерла. Мои родители познакомились с батюшкой Севастианом. Помню, когда я заканчивала школу и после уроков приходила домой, по комнате была разлита вода. Теперь-то я понимаю, что в нашем доме крестили, а тогда это скрывали от меня. А сама я в первый раз увидела Батюшку в 1952 году, после окончания института. Родители мои уже по благословению Батюшки переехали на Мелькомбинат, и Батюшка ездил туда, и часто у нас в доме служил обедницу или вечерню. Со всего Мелькомбината сразу сбегался народ, и поэтому мы построили большой дом, чтобы весь народ вмещался. И всех-всех нас Батюшка любил. Помню, однажды, мы помолились, поужинали, все уже разошлись, Батюшка остался у нас ночевать. А

Матрона-медичка никак не уходит. Ну, каждую минуту хотелось ей видеть Батюшку, слышать его. И она раньше всех приходила в наш дом и последняя уходила. И вот я уже воды в таз налила, взглядом ей показываю: "Уходи!", а она не уходит. Я Батюшку на постель сажаю, разуваю, подношу воду Батюшке ноги мыть. Ну и Батюшка видит — Матрона заглядывает, и говорит: "Лидия Владимировна, уж ладно, пусть Матрона вторую ножку помоет!"

В семьдесят лет мой отец стал диаконом, потом священником и служил в Михайловской церкви вместе с Батюшкой. И мама с папой говорили: "Как хорошо, что нас выслали! Если бы не выслали, мы бы не видели такого батюшку!" — так вот благодарили Бога.

СЕМЬЯ САМАРЦЕВЫХ

Василий Иванович Самарцев

Мы жили в Оренбургской области. Родители наши были глубоко верующие люди. В 1931 году отца раскулачили, посадили в тюрьму, а нас, шестерых детей и нашу маму, в мае 31-го года привезли на 9-й поселок близ Караганды в откры-

тую степь. Старшему брату было 11 лет, за ним шел Геночка, мне — четыре года, меньше меня были Иван — три года, Евгений 2-х лет, а младший Павлик был грудным ребенком. С собой у нас были кошма и сундук. Мы вырыли в земле яму, постелили кошму, сломали сундук и поставили его вместо крыши. Это был наш дом. Когда шел дождь или снег, мы накрывали яму кошмой. И вот, шестеро детей, мы как цыплята возле матери жались.

Потом стали строить саманные дома и всех гнали месить глину. Надзиратель ездил на лошади и плеткой в глину людей загонял. Мы резали дерн, резали всякие травы, кустарники — надо было бараки сделать к зиме, чтобы нам не погибнуть. Так вырос поселок Тихоновка на 2-м руднике. Нам, детям, паек давали очень скудный. Ручеек там был маленький, он пересыхал, воды не хватало. И вот, к зиме мы поставили стены, сделали окна, двери и две печки на один барак. В каждом бараке было по двадцать семей, и все лежали зимой на нарах. Одна семья лежит, другая, третья — сплошные нары и маленький проход между ними.

Зима в 32-м году была очень суровая, и я своими глазами видел, как целые семьи лежали мертвыми. От голода умирали люди и от холода, и от всякой болезни —

дизентерия пошла, поносы, лечиться нечем, и хлеба мало — голод. Оренбургские, сибиряки — те были покрепче. А кто с хороших земель — Тамбов, Воронеж, Пенза, те послабей, те семьями вымирали. Хоронили как? Копали ямы метра три шириной, мертвые семьи из бараков вытаскивали, кидали на телегу, везли и в ямы сваливали, как дрова. И у нас на одной недели в эту зиму умерли братики Павел, Иван и Евгений. А как умер Геночка, мы даже не слышали. Стали звать его кушать, а Геночка мертвый. Детям маленькие ящички сделали, а грудного Павлика завернули в тряпочку, в железную трубу положили, могилку подкопали и похоронили. Вот такое было. Через два года осталось в Тихоновке пять тысяч человек. Двадцать тысяч легло там, под Старой Тихоновкой. Нас выжило двое братьев и мама.

В 33-м году приехал наш отец, и вскоре умерла от голода мама. Верующие спецпереселенцы собирались группами на молитву. А когда освободились из Долинки монахини Марфа и Мария и поселились в Тихоновке, они рассказали, что из Долинки скоро освободиться Оптинский старец о. Севастиан. И мы стали ждать его.

Перед войной хлеб получали по карточкам. В Тихоновке были большие оче-

реди, и я ходил за хлебом в город. И Батюшка, когда освободился и поселился в Михайловке, тоже сам ходил за хлебом. Я очень хотел встретить его в городе и я его встретил, подошел к нему и заговорил. И сколько мне было радости, когда он повел меня в свой дом на Нижнюю улицу. С тех пор завязалось наше знакомство.

Нина Петровна Самарцева

У меня были трудные роды, после которых я застудилась, пошло воспаление. Из роддома меня выписали, как безнадежную, умирать домой. И Батюшка стал ко мне ездить. Приедет, скажет: "Вот я тебе фруктов привез, вот я тебе рыбки привез". Это было Великим постом, а он привезет мне сазана: "Сварите сазана!" А я ничего не ела, умирала уже. Врач из больницы придет, скажет: "А что ее лечить? Ей уже ничего не поможет". Приходили наши врачи — Ольга Федоровна, Таисия Григорьевна, ставили мне уколы по два раза на день. Батюшка меня очень жалел: "Мужчина,— говорил Батюшка, — он сильнее, а женщина — она беззащитная". У нас мальчики сначала рождались, а потом девочки. "Батюшка, — скажем, — а у нас девочка!" "Ну, девочка! — скажет Батюшка, — я люблю девочек!"

Посидит у моей постели немножко, поговорит. Головка у него слегка набочок, покачивалась. И так день в день в течение месяца Батюшка ко мне приезжал, и к весне его молитвами я поднялась.

МОНАХИНЯ НИНА (НИНА ПРОКОПЬЕВНА КОРШУНОВА, † 1997), ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА ПОПОВА

Мы работали на Карагандинской кондитерской фабрике. Фабрика была коммунистическая, все рабочие — профсоюзные, а мы в профсоюз не вступали. И на фабрике нас презирали за то, что мы верующие. Но работать мы любили и работали хорошо. Приехало однажды телевидение, чтобы снять передачу о передовых работниках. Хотели нас заснять, но начальник запретил, говорит: “Нельзя, они верующие”. Нас, конечно, потом долго ругали, смеялись: “Вы много потеряли, вы такие молодые и в Бога веруете!” Мы пришли к батюшке Севастиану, рассказали ему, а он нас так утешил, ни одна мать так не утешит, как Батюшка. “Да

ничего, — говорит, — немножко можно потерпеть. Вы еще в доверие войдете, они вам ключи доверят и кладовщиками поставят".

Конечно, на работе нас гоняли, выгнали зимой из цеха работать на улицу в стройцех. Мы разгружали вагоны с углем и загружали в грузовики, и делали все, что придется. А потом мы сдружились с директором и с главным инженером Иваном Семеновичем. Иван Семенович приходил к нам в гости, увидел, что мы постимся, и ему это понравилось. Все расспрашивал нас о постах, о праздниках христианских и говорил: "Как вы хорошо живете! И мне бы хотелось так жить". И поставили нас кладовщиками, доверили нам ключи, и директор доверял нам свою квартиру, когда уезжал.

Монахиня Нина (Коршунова)

Когда мы работали на улице в стройцехе, я подорвала здоровье. Батюшка не благословлял больше выходить на работу. Полгода я ходила по бюллетню. Потом Батюшка сказал: "Тебе нужно в церкви работать". И мне дали вторую группу инвалидности. Я стала работать в церкви и работаю по сей день.

Однажды у меня на руке выросла огромная шишка. А у нас, как какое горе или нужда, все бежим к Батюшке. И я пришла к нему и говорю: "Батюшка, у меня шишка на руке растет и растет. Мама говорит: "Надо операцию делать". А Батюшка в окно глядит, ручкой гладит по моей руке и говорит: "Да, большая шишка. Да нет, операцию не нужно делать". И как она исчезла, в эту минуту или позже, даже не знаю, но когда я приехала домой, шишки на руке уже не было.

Когда нам было еще лет по 15–16, мы купили билеты в кино, не взяв, конечно, на то благословения Батюшки. А Батюшка провидел это и увез нас с собой на Мелькомбинат. Там он к одним зайдет, посидит, по огороду походит, потом к другим. "Ну, мы, — говорит, — не торопимся". А мы, конечно, торопились, но помалкивали. Мать Варя с нами была, она говорит: "А девочки кудай-то торопятся". А Батюшка улыбается и дальше ходит, тянет время. Уже семь часов, уже восемь... и Батюшка говорит: "Ну, теперь уже можно идти домой". Так мы в кино и не попали. Это молодость была.

Как-то перед Рождеством Батюшка благословил меня с сестрой побелить комнату о. Петра. Пришли мы утром, и преж-

де, чем приступить к работе, хотели взять у Батюшки благословение, но келейница сказала: “Батюшка очень болен, нельзя”. Мы расстроились, пошли работать. Все побелили, собираемся ехать домой и опять хотим взять у Батюшки благословение, а келейница снова говорит: “Батюшка больной, нельзя к нему”. А время было уже позднее, на улице темно. Проходим мимо батюшкиного окна, а у него свет горит, и шторки раздвинуты. Видим, в келье сидит Батюшка, а у его ног о. Анатолий Просвирнин (он тогда еще учился в Академии и приехал к Батюшке на Рождественские каникулы). Я говорю сестре: “Ой, Батюшка сидит, а Вера нам не разрешила благословение взять”. Ну, думаю, возьму заочно. И вот проходим мы у окна и я говорю: “Батюшка, благословите!” А сестра говорит: “Ну что ты по окнам заглядываешь? Нехорошо, Батюшка скажет”. “Да он, — отвечаю, — на нас не подумает, он подумает, что это Глафира здесь бегает”. И поехали домой.

На другой день приходим мы в церковь, Батюшка панихиду служит, и Глафира рядом стоит. Я беру у Батюшки благословение, а он руку мою придерживает, а к Глафире обращается: “Ты что по окнам заглядываешь?” Надо же! Глафи-

ра — в слезы, ничего не поймет. Я — к матери Анастасии (У нас, когда к Батюшке подойти недоступно, идут к матери Анастасии, она все разрешит). "Матушка, говорю,— так и так случилось, Глафира ничего не поняла и плачет. Объяснить ей?" "Не надо, — сказала матушка, — не говори, цело будет".

Батюшка хотел, чтобы мы, четыре родные сестры, жили все вместе в Караганде и говорил: "Я куплю вам дом, и вы будете там жить". А Евгения, одна из сестер, которая жила с родителями в Жалтыре Целиноградской области, написала мне в письме, что собирается выходить замуж. И вот я Батюшке рассказываю, что Женя замуж собралась, а он спрашивает: "А кто у вас еще есть?" Я говорю: "Брат старший". — "Где он работает?" — "В милиции". — "Ну, он поможет". А я думаю. "Чем же брат поможет?" А брат поехал в Жалтыр и стал ругать родителей: "Что вы думаете? Ей восемнадцать лет, а вы ее замуж отдаете! Я не разрешаю! Я беру ее к себе, я ее выучу, она врачом будет!" Свадьбу отменили, и брат привез Женю в Караганду. Потом брат, конечно, очень сожалел: "Напрасно я привез ее сюда, там бы она хоть замуж вышла, а здесь стала в церковь ходить". А сестра так и осталась жить с нами при Батюшке.

Иногда Батюшка у нас ночевал. "Кому заплести Батюшке косичку?" Это передать невозможно, какая радость была для нас! Мать Варвара скажет: "Девочки! На Батюшке какая-то частичка Господа, а Сам Господь какой сладкий!" Расчешешь, а волоски соберешь. У меня и сейчас волоски батюшкины есть.

Когда Батюшка был уже совсем слабеньким, и его носили в церковь на руках, Вера, келейница, к нему никого не допускала. А мне очень хотелось побыть рядом с Батюшкой. И вот Петя, Шурик несут его из церкви, а Батюшка говорит мне: "Ну, пойдём, поведу тебя по мытарствам". Я думаю: "Как же так?"— и иду за ними, а Батюшка говорит: "Заходи, заходи". Я зашла, Батюшка крестится, и мы все крестимся и, смотрю, он улыбается, подходит к столу и дает мне апельсин, яблоко и говорит: "Ну, иди!" А я боюсь идти, Вера у нас очень строгая. Хотела выйти другой дверью, а она уже на крючок закрыта и пришлось мне идти в прихожую. Тут Вера налетела на меня и давай меня трепать. Бьет, колотит: "Да как же ты могла? Батюшка больной, а ты зашла сюда?!" Здесь уже и Петя заступился, и мама моя прибежала, с ней схватились: "Ты что же делаешь?" А потом отец подбегает:

"Вредная, что ты делаешь? Батюшка сам ее благословил!" Вот такие были "мытарства", пока до двери дошла. А Батюшка улыбался: "Ну, иди!"

Когда Батюшка болел, мы не ездили ночевать домой, спали в сторожке на нарах. Боялись, что Батюшка умрет, а нас не будет при его кончине. И на Радоницу в 4 часа 45 минут я вижу во сне: Батюшка стоит в панихидной, дает своей келейнице Вере свечи и говорит: "На, раздай всем свечи", — и сам свечу зажигает. Я проснулась и говорю: "Таня, Батюшка умер". И только сказала — стучат в двери: "Батюшке плохо!" Не сказали "умер", сказали "плохо ему". Мы прибежали в келью, Батюшка лежал еще открытый, епитрахиль на нем надета. Владыка впереди стоял, Вера, Ольга Федоровна, Глафира, все стоят поникнув — Батюшка умер. А Батюшка сам первый об этом сообщил.

ТАИСИЯ ГРИГОРЬЕВНА ФОМИНА

Иларион Васильевич Фомин мне родным дедушкой был. И Батюшка был мне дедушкой. Дед Иларион остался вдовцом сорока семи лет. Остались дети четырех,

семи лет и постарше. Дочь его, Мария, моя крестная, девятнадцать лет ей было тогда, всю ношу на себя приняла — всех детей подняла и дедушке помогла выжить. Наша семья приехала в Караганду 1 августа 1955 г. по благословению Батюшки. Мы поселились на Мелькомбинате. Дедушка Иларион был мирским человеком, но глубоко верующим. Он всегда молился, духовные книги читал. С молодых лет он никогда не брился до самой смерти. И Батюшку он очень чтил, они никогда не были недружелюбны. Я постоянно при дедушке была. Когда он умер, Батюшка его отпевал.

У Батюшки была духовная мудрость, любовь к сиротам, вдовам, всегда старался помочь им хоть куском хлеба. Но иногда Батюшка был очень строгим. Я хоть и родственница была, но перед Батюшкой я испытывала какой-то страх, свободно, развязанно я вести себя при нем не могла. Как-то, когда Батюшка был уже слабым, я провожала его с улицы в келью. Когда зашли в келью, рядом не оказалось келейницы, чтобы помочь ему раздеться. И я решила — сейчас я сама помогу Батюшке. Он поворачивается и говорит: "А ты что думаешь, я сам себя обслужить не могу?" Я как стояла, так и осталась. А он сам раздевается, одежду вешает. "Я

еще сам, — говорит, — людям помогаю". Так он поставил меня на свое место.

В Михайловку к Батюшке приезжало очень много людей, и сестры всех принимали и обслуживали. Я сначала считала это за должное, пока не поняла, как чужие люди иногда обременяют, как трудно все это вытерпеть, всю их немощь нести и за ними ухаживать. Страннолюбию всех сестер надо отдать должное. Они духовные были и жили по-духовному.

Когда Батюшка умер, Владыка Иосиф не приехал на погребение. Но здесь мудрость была: приехал Владыка Питирим, и Владыка Иосиф об этом знал. Владыка Питирим был духовным чадом Батюшки, и, к тому же он был благословлен Патриархом совершить погребение. Владыка Питирим был епископом, а Владыка Иосиф — архиепископом. И чтобы не создавать ситуации, Владыка Иосиф не приехал.

После смерти Батюшки немирствия между нами не было. Если и были какие конфликты, то это — мелочи. Господь нас хранит. А что Батюшку не слушались его чада — это было, есть и будет. Это уж мы человеки такие. Нам хорошо, когда по нам говорят, а когда против нас — это нам не нравится. Ну, мы потом прощения просили.

АНТОНИНА ИВАНОВА

Я работала в шахте 10 лет. А когда по постановлению всех женщин из шахт вывели, я осталась без работы. И вот Батюшка присылает за мной, я прихожу. "Вот видишь, — говорит он, — женщина сидит? У нее больной ребенок, мальчик. Ты пойдешь с ней и будешь за ним ухаживать".

На следующий день я поехала в больницу к мальчику. Ему шел седьмой год. Он был хорошенький, хорошо воспитанный, но не ходил, был парализован. Я ночевала при нем в больнице, кормила его, возила гулять. Потом мальчика выписали домой, как безнадежного. Батюшка Севастиан сразу предсказал, что Володя жить не будет, и родителей к этому постепенно подготавливал. Но родители не могли смириться, он был у них единственный. Родители на все были готовы, все предпринимали — много врачей приглашали, какого-то китайца приводили — он иглами колол в позвоночник, прижигал, ворожеи приходили домой, но мальчик не поправлялся.

До болезни мальчика его отец сильно пил, и как напьется, так буянит, ругается. И вот он с соседом поругался во дворе, на глазах у мальчика, кто-то из них схватил топор зарубить другого, а этот шес-

тилетний мальчик от испуга забрался на двухметровый забор и уже слезть не смог, его оттуда сняли. И сразу парализовало его, потом ослеп, речь отнялась. Мать к Батюшке поехала, плачет, Батюшка ее утешает. Семь месяцев мальчик болел. Батюшка часто приезжал, причащал его, он говорил, что этот мальчик, он — как мученик. И когда Володя умер, Батюшка послал к ним домой мать Анастасию с другими матушками. Матушки обмывали мальчика, молились, все к похоронам готовили. Мать Анастасия сидела-сидела, потом говорит: "Жени нет (это отец мальчика). Ну-ка, Петя, Коля, быстро по сараям, а то минута — и еще гроб будет". И в самом дальнем сарае нашли Женю — он уже петлю на шею одевал. И вот мать Анастасия спасла. Она тоже великая была, и Батюшка ее специально прислал. И пока не похоронили мальчика, мать Анастасия никуда не уезжала.

ПАНОВА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА

Наша семья жила в Целинограде, когда мы услышали в местной церкви, что в Караганде есть батюшка какой-то необыкновенный. И зимой 1955 года мы с родите-

лями поехали в Караганду посмотреть Батюшку. Я училась тогда в девятом классе. Мы приехали, исповедались, причастились, посмотрели на Батюшку и уехали. А Батюшка действительно произвел необыкновенное впечатление. Хотя внешне это был обыкновенный человек, но когда я подходила к нему под благословение, у меня замирало сердце от благоговейного трепета, которым оно наполнялось. Я была потрясена этим чувством.

В 1956 году я закончила школу и, поскольку имела наклонность к живописи, решила ехать в Москву и поступать в Строгановское училище. В это время от батюшки Севастиана приехала наша родственница и сказала, что Батюшка не благословляет меня поступать в училище. Но билет у меня был уже куплен, я поехала и не поступила. Тогда папа привез меня в Караганду. Батюшка благословил остаться и сказал: "Будешь жить у матери Агнии и помогать ей". У матушки я прожила четыре года. Матушка тоже была необыкновенным человеком. Мы глубоко чтили ее, и что она говорила, принимали без сомнения. К ней все время шел народ — с утра до ночи, и мы всех кормили, я даже не знаю из каких достатков. Хлебосольность матушки была исключительной. Одни уходят — другие приходят, надо было

снова собирать на стол. В перерывах между приемом людей матушка писала иконы. Иногда я скажу: “Матушка, ну когда же Вы будете работать? Я ворота закрою!” “Как можно? — ответит матушка, — люди идут, надо в первую очередь людей принять”. Любовь к людям она ставила превыше всего и могла все оставить из-за того, что пришел какой-то маленький человек. Люди приезжали к ней из других городов, именно к ней, к матушке, потому что чувствовали ее тепло, гостеприимство, ее доброту. И она ко всем относилась только с лаской, только с любовью. Просто от себя человек не может иметь столько тепла и доброты. Это свыше, духовная была доброта. Когда матушка умерла, люди плакали: “Умерла наша кормилица. К кому так просто будем теперь приходить, кто бы принял нас в любое время?” А меня матушка баловала. Она ничего от меня не требовала, только вкусно кормила. Придешь с работы, матушка спросит: “Ты голодная?” — “Нет, матушка, мы только что ели”. — “Нет, ты голодная, я тебе что-нибудь приготовлю”. И она, больная, опираясь на тумбочку, пойдет к печке и печет мне необыкновенно вкусные оладьи.

Я не могу рассказать о матушке чего-либо особенного. Мне думается, каждый

день был тогда особенным. Оно вроде бы все было житейское, но это был каждодневный подвиг. С утра до ночи у нас не закрывались двери. Иногда приходили наши мальчики — Петя, Алеша, и она их встречала с благоговением. Мы смотрим и думаем: "Наверное будут священниками, раз матушка так их встречает". Помню о. Александр приходил еще подростком, а она так почтительно к нему относилась, только что под благословение не подходила. Он ведь и думать не думал о священстве, а все пошло по тому руслу, которое было уже уготовано.

Мать Анастасия — та была резче, она и в глаза могла резко сказать. У нее был такой взгляд, что казалось, она видит все внутри тебя насквозь. Я немножко ее побаивалась, хотя она тоже была очень доброй. Она любила всех угощать квасом собственного производства. Придешь, бывало, в церковь, а мать Анастасия тут же на дороге: "Кваском угостить?" — "Ну, угостите, матушка".

Мать Анастасию мы тоже почитали. Но иногда она говорила такие вещи, что мы не очень-то могли ей поверить. Она говорила, что Батюшку прославят, что его заберут отсюда. Говорила, что переменится время, распадется Советский Союз, — но для меня это было фантастикой, на-

столько все было тогда твердо. Еще говорила, что когда Батюшку будут забирать отсюда, чтобы и ее не забыли. Это я лично слышала, но в то время я не верила, что такое может быть.

Я даже не верила батюшкиным пророчествам о нашей семье. Когда он сказал, что семья наша из Целинограда переедет в Караганду, я возражала: "Нет, никогда этого не будет, там у нас все родственники, там старшая сестра с мужем, папа никогда сестру не оставит". А Батюшка улыбался: "Приедете и дом купите, и сад посадите и все будет у вас". Это в 59 году было, а в 60-м наша семья была уже в Караганде, и мы встречали Новый год на чемоданах.

Моей маме Батюшка предсказывал, что она умрет в дороге. И когда мама уезжала навестить кого-нибудь из родственников, мы отпускали ее с опаской. Смерть действительно произошла в дороге, но не так, как мы думали. Мама с папой разбились вместе здесь, в Караганде в 1976 году, когда на автомобиле переезжали через мост.

У меня были прекрасные родители. Очень благочестивые, добрые. Но наши старцы были теплее. Батюшка мог одно только слово сказать, и ты уже летишь от него, как на крыльях. Мирской человек

не может столько любить и столько отдавать, как любили и согревали духовные.

СЕМЬЯ ХМЫРОВЫХ

Монах Севастиан (Александр Алексеевич Хмыров)

В 1931 году мы были раскулачены и сосланы из Тамбовской области в Караганду. Сослали мать, нас, троих братьев, и еще 11 семей из нашей деревни ехали с нами в одном вагоне. Сначала нас привезли в Петропавловск, как раз на Петров день. И, как сейчас помню, накормили в Петропавловске крапивным супом. А из Петропавловска недели две мы ехали до Компанейска.

Там была чистая степь, горелая степь. Нас высадили ночью, шел дождь. Мы вытащили из вагонов доски — нары, на которых лежали, на четыре части их кололи, делали козлики. Потом рубили караганник, накрывали им козлики и получался шалаш. В этих шалашах мы жили. Всех заставляли работать, делать саманы. Я был малолеток, но тоже работал, ворочал саманы, что

бы они просыхали на солнышке. Потом саманы везли на стройку и клали из них домики. Дерн резали и из него тоже делали дома. Стены только успели поставить — зима началась, а потолков в домах нет. В декабре открылся сыпной тиф, потому что грязь была, а питание — преснота, суп пресный и хлеба давали по 400 граммов. Народ гиб. И вот на праздник Сретения Господня померли мои два брата. Они в больнице были, в Старом городе, 1-я Караганда тогда называлась. Сообщили матери, она пошла в больницу их искать. Там ее спрашивают: "Что вы хотите?" "Да вот, — говорит — нам сообщили, что наши здесь покойнички, мы их ищем". "А когда сообщили-то?" — "Вчера" — "О! — говорят, — вы их не ищите, этих людей уже нет, их отправили. Пять подвод сегодня увезли, свалили в общую яму. Там теперь ваши. А эти свеженькие тут лежат". Но мама одного-то брата опознала. Забрали его, на саночки положили, привезли в Компанейск. Там уже было кладбище, и там вроде могилки яму выкопали, в вертяночку брата завернули, похоронили. А так — повозками возили людей в Компанейск. Это большая трагедия, страшно это, всего не обскажешь. Вот, дома без потолков,

снег валит. Люди вставали из-под снега, которые живые были. А которые не живые — под снегом лежали, их вытаскивали и клали на повозку. И везут, тянут эту тачку мужички такие же изнуренные — насильно заставляли собирать и возить мертвецов. И такое было — везут эту повозку, и тут же падает, кто везет, помирает. Его поднимают, кладут на повозку и пошли, дальше тянут. Жизнь эта была очень тяжелая, всем досталось в те годы.

Потом я вырос, в 36-м году мне уже шестнадцать лет было. Срока там никакого не было, и кто как мог, оттуда уходили. И я ушел в Россию. И уже после войны, когда я женился, мы с женой и маленькой дочерью Любовью в 51-м году сами приехали в Караганду на жительство.

Мы прослышали, что здесь есть батюшка Севастиан и сблизились с ним. Семья наша умножалась, дети подрастали, столько было скорбей — не обскажешь. Пойдешь до Батюшки, с ним поговоришь, побеседуешь, он даст совет, облегчит горе. А когда у нас мать заболела, а младшей дочери был всего годик, он приезжал к нам в дом. Я плакал и он вместе со мной плакал. Он говорил: “Я знаю, какая сиротская жизнь тяжелая”.

Монахиня Евникия (Александра Флоровна Хмырова)

Зимой 1964 года я серьезно заболела. После длительного и безрезультатного лечения печени у меня началось воспаление желчных путей, и желчь пошла в кровь. Врачи заключили, что если не сделать операцию, то проживу не более трех дней, но и после операции жизнь не гарантировали. Мой супруг поехал к Батюшке, и он сразу благословил на операцию, передав для меня два платка — носовой и головной.

Я знала, что безнадежно больна. Тяжело мне было идти на операцию, ведь я оставляла дома восемь маленьких детей, зная, что уже не вернусь к ним. А незадолго до этого я видела сон, что я ушла из дома на Восток с маленьким ребенком на руках (у меня умерла пятимесячная дочь). Я рассказала этот сон Батюшке и говорю: "Батюшка, я умру!" Батюшка отвечает: "Почему?" — И прослезился, и с печалью сказал: "Это к болезни".

Операция длилась несколько часов. В это время в церкви шла Литургия. Батюшка вышел на амвон и со слезами стал про-

сить: "Братья и сестры! Давайте помолимся! Сейчас делают операцию многодетной..." — и не смог договорить, заплакал и ушел в алтарь. Вслед за ним вышел к народу о. Александр Кривоносов с той же просьбой и тоже не смог договорить, заплакал. После этого снова вышел Батюшка, отслужил молебен с акафистом, и весь народ (а храм при Батюшке всегда был полон) стоял на коленях и вместе с Батюшкой молился. Операция прошла благополучно.

Когда меня выписали из больницы, моя старшая дочь пошла в храм. Мать Анастасия спрашивает: "Как мать себя чувствует?" Дочь ответила: "Уже привезли из больницы". — "Вот! — сказала матушка, глядя на икону, — у Бога вымолили!" Так велика была любовь и молитва старца.

Великим постом 1962 года меня сильно мучили головные боли. В это время к нам приехал Батюшка причащать больную свекровь. Я тут же спросила у Батюшки благословения съездить летом на могилу блаженной Ксении Петербургской, а Батюшка ответил: "А я вот благословляю ехать, не откладывая, к праведному Симеону Верхотурскому". А у меня на руках был шестимесячный ребенок. Как оставить его? Но молитвы старца .были настолько сильны, что в эту же ночь ребенок не стал брать грудь — сам отвернулся. И когда

мы с супругом пошли к Батюшке спросить, на какой день брать билет, он ответил: “На третий день Пасхи, 2-го мая”. Мы сразу пошли за билетами, но билетов в кассе на этот день уже не было. Мы вернулись к Батюшке: “Батюшка, билетов нет”. А он: “Вы идите, попросите только два билета”. Мы вернулись в кассу и попросили два билета. Кассир сказала: “Вот, сдали два билета на Верхотурье”, — и дала их нам.

Перед отъездом Батюшка благословил нас, поцеловал обоих в голову. И уже в дороге я почувствовала облегчение от болезни. А когда приложилась к мощам праведного Симеона, исцелилась совершенно.

Когда мы поехали в Верхотурье, Батюшка передал с нами письмо отцу Леониду, священнику в Верхотурье. А дело было так. Батюшка приехал к нам в дом с монахинями Анастасией и Ириной. Мы все сидели за одним столом, но о чем говорил старец с матушками, мы с супругом понять не могли, для нас это было Богом закрыто, а ведь говорили по-русски. А когда мать Ирина спросила: “Батюшка, все писать?” — он ответил: “Все, все пиши”. С этих слов и дальше нам уже было все понятно. Батюшка благословил, чтобы мать Ирина диктовала, а я писала отцу Леони-

ду письмо. Из этого письма я поняла, что отец Леонид находится в состоянии прелести. Приехав в Верхотурье, мы передали письмо о. Леониду. Батюшка Севастиан никогда его не видел, но в письме ему говорил: "Я Вас знаю с тех пор, как Вас рукополагал Владыка Иоанн", — и указал, когда и где это происходило. Отец Леонид, прочитав письмо, сказал: "Воистину это великий человек! Он сказал мне всю правду обо мне, ни разу меня не видев".

Этот отец Леонид был хорошим священником, девятнадцать лет сидел в тюрьме, но теперь пал, а наш Батюшка, провидя духом его падение, будучи вдали от него, простер ему руку помощи.

Через семнадцать лет после смерти Батюшки, в 1983 году, у меня возобновились головные боли такие же невыносимые, как в 1962 году. Однажды днем я попросила Батюшку: "Батюшка, помоги мне!"— и уснула. Во сне вижу Батюшку. Он что-то говорил мне, не помню что, и коснулся рукой моей головы. Я проснулась и ощутила, что боли прекратились.

Мой сын Миша (сейчас игумен Аристарх) в три года был очень болен и, лежа в постели, просил: "Матерь Божия, скажи Батюшке, чтобы он приехал, я так болею!"

В это время Батюшка куда-то ехал на машине с инокиней Ираидой и вдруг говорит: “Сейчас заедем к больному, он меня ждет”. Приезжает Батюшка к нам и говорит: “Где здесь больной?” Прошел в комнату, где лежал Миша, благословил его, дал большое красное яблоко и уехал. А ребенок сразу поднялся, как и не болел. Так Батюшка слышал просьбы своих духовных чад и исполнял их.

А когда моему сыну Алексею было девять месяцев, он тяжело заболел диспепсией. Лекарства ему не помогали. Врачи говорили, что ребенок умрет. И настаивали на том, чтобы положить его в больницу. Мы пошли к Батюшке, спрашиваем: “Класть Алексея в больницу или нет?” — “Причастите его три дня подряд”. Мы так и сделали. Когда причастили третий раз, ребенок сразу уснул, а после сна стал совершенно здоров. Сейчас Алексей служит диаконом в Московской области.

Монах Севастиан (Хмыров)

Пришел я вечером в храм, и вдруг во время службы меня обдало жаром, и сильно разболелся нос. Я решил достоять до помазания и уйти — так стало плохо. Подхожу к помазанию, Батюшка помазал меня и как бы нечаянно коснулся моего

носа — да так больно! Иду к выходу и чувствую, что мне стало легче. Я приостановился. Боль стала проходить, и я понял, что Батюшка провидел мою болезнь и исцелил меня.

Однажды Батюшка пригласил к себе в келью мою старшую шестнадцатилетнюю дочь Любу. Он беседовал с ней и во время беседы вдруг преобразился: стал юным, без бороды и такой светлый, как Ангел, даже в келье все засияло необыкновенным светом. Так Господь проявил духовное величие и чистоту старца еще при жизни его.

Был такой случай. Мой кум работал на грузовой машине и надо было ему ехать через мелководную речку. Берег был крутой, и машина вдруг стала падать под откос. В этот миг он закричал: "Батюшка, помоги!"— и тут же благополучно выехал на дорогу. Удивительно, как Батюшка слышал всех, взывавших к нему о помощи, и помогал, будучи далеко от них.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА МАРТЫНОВА

Наша семья жила в Астраханской области. Отец, мать и семеро детей. У нас

ветрянка-мельница была, три коровы, быки, лошади — отец был хороший хозяин. Семья была верующая, богобоязненная. В 30-м году отца принуждали вступить в колхоз, но он отказался. И вот, помню, заходят к нам в дом три женщины, двое мужчин и говорят: "Здравствуйздорово, Сергей Петрович! Вы подлежите раскулачке!" "Ну, если так — сказал отец — пожалуйста". И всю ночь делали опись, каждую тряпочку описывали и каждую кастрюлю. Двух старших братьев арестовали, они отбывали срок отдельно от нас. Отец, по инвалидности, аресту не подлежал. К нашему дому подогнали подводу и мать, отца, пятерых детей и с нами еще нашу племянницу младенца Клавочку посадили на подводу и вывезли за Астрахань в пустынное место в степи. Кроме нас туда привезли еще семьдесят семей. Мы поставили из досок сарай и прожили в нем полтора года. 1 августа 1931 года всех нас, кто жил в степи, погрузили в товарные вагоны и как скотину повезли. У нас не было ни воды, ни хлеба и все — мужчины, женщины, старики и дети вперемешку ехали в этих вагонах, и туалет был там же. Вагоны, как пьяные, качались из стороны в сторону, и уже в дороге люди стали умирать.

Через восемнадцать дней нас привезли под Караганду, в ту местность, где сейчас поселок Майкудук, и всех сгрузили на землю. Мы были изнуренные, едва живые, а младенец Клавочка открывала ротик и пальчиком показывала — пить хочет, есть хочет. В степи стояли казахские юрты. Папа пошел туда: "Дайте водички", — просит. "Давай сапоги, — говорят — тогда получишь". Папа знал казахский язык (в Астрахани жили казахи), он упросил, и ему дали ведро воды. У нас семья, и эту воду другие семьи просят, вот тут и дели, как хочешь. Поздним вечером нас снова погрузили в вагоны и привезли в Пришахтинск. Там поле и высокий караганник. Палатки поставили для надзирателей, а для нас — ничего, хоть вымирай. Какой-то начальник ходил и шагами отмерял участок на каждую семью: "четыре метра так и четыре метра так. Ваш адрес: улица Реконструкции, 12, можете писать домой". Караганник вырубить было нечем. Мы залезли в него на нашей доле 4 х 4 и стали копать ямочку. Выкопали, где-то набрали палок, поставили над ямой, как шалашик, караганником накрыли, на дно постелили траву — вот и весь приют. И все мы там, девять человек друг на друге лежали. Через неделю

умерла наша Клавочка, а потом стали взрослые умирать.

К зиме люди начали землянушки строить — резать пластины из корней караганника. И построили из этих пластин землянушки — ни окон, ни дверей. Вот, допустим, твое одеяло на дверях, а мое одеяло на окне. А укрыться человеку нечем. А у нашей семьи ничего не было, чем завесить окна и двери. Кушать тоже нечего было, только крупы чуть-чуть, что с собой успели взять. А кушать надо. И папа из земли сделал печку. Он котелок на нее поставит и что-то сварит из травы. А мы около печки сидим. Она дымит, в окна снег летит, а мы сидим.

18 марта 1932 года заболел тифом наш папа. В больницу везти нельзя — милиция не выпускает. А я девчонка была, меня-то милиция не била (тогда били всех, а меня не трогали) и мама говорит: "Отвези папу в больницу". Я пошла, нашла подводочку и отвезла. А больница была — ни окон, ни дверей, и в самом здании снег лежал и лед на полу. У папы была высокая температура и его на лед положили. Утром я пришла, а папа уже готов, застыл на льду.

Весной всех на работу стали выгонять, саманы делать. Детей выгоняли охранять кирпичи, чтобы скот казахский их не топ-

тал. Дети, хоть и маленькие, а идут, чтобы паек получить шестьсот граммов хлеба. А взрослым — восемьсот. А глянешь в степь, в сторону кладбища — тьма-тьмущая несут покойников. Да не несут, а находят досточку, веревку к ней привяжут, кладут покойника на досточку и волокут за веревку по земле. А как иначе? Сил-то не было. Это — Пришахтинск, Тихоновка, Компанейск — там общие могилы были метров двадцать длиной и шириной метра три с половиной, чтобы ноги с ногами укладывались. Гробов не было. Какой-нибудь тряпкой прикроют или полотенцем. Рядами кладут, кладут... Полную могилу наложат и так закапывают.

В нашей семье остались в живых моя сестра, мама и те два брата, которых в Астрахани в тюрьму посадили.

С батюшкой Севастианом я познакомилась в 46-м году. К тому времени я уже вышла замуж, и в феврале 46-го у меня умер свекр. Одна старушка привезла Батюшку отпевать его. Я тогда даже не соизволила спросить, как зовут Батюшку, а он сам подошел ко мне и спросил, как меня зовут. Он попросил меня испечь ему постных пирожков, так как был постный день, а на поминки приготовили все скоромное. Когда отпели свекра, поставили гроб на сани, и лошадка повезла его на

кладбище. До кладбища было далеко, а мороз был очень сильный, и ветер дул. Мы все закутались с ног до головы, а Батюшка вышел почти раздетый, в бедной рясе, прикрыл свою голову стареньким шарфиком и голой рукой нес крест железный впереди себя. Так мы шли пешком по трескучему морозу двенадцать километров.

После похорон я так и не спросила Батюшку, как его зовут, а он в обратный путь посадил меня на сани. Я его спрашиваю: "Батюшка, как же Вы в такой мороз голой рукой крест железный держите?" А он отвечает: "Да это что! Вот у меня было такое испытание: когда меня принуждали отречься от Православной веры, то поставили в одной рясе на всю ночь на мороз и стражу приставили. Стража менялась через два часа, а я бессменно стоял на одном месте. Но Матерь Божия опустила надо мной такой "шалашик", что мне было в нем тепло. А утром меня повели на допрос и говорят: "Коль ты не отрекся от Христа, так иди в тюрьму". И посадили на семь лет".

Это мое первое знакомство с Батюшкой, которое по сути не было знакомством, так как я не придала этой встрече значения. Покормила Батюшку пирожками, и на этом кончено.

А через год умерла монахиня Евдокия. Я пришла на поминки готовить, и Батюшка приехал. Зашел ко мне и говорит: “И здесь Олюшка пирожки печет! Но у этой Олюшки шарики еще никак не работают”. Он подал мне 400 рублей и сказал: “Все поминки проведешь за эту монахиню”. Это вторая встреча с Батюшкой, но она опять без прояснений. Как мы были далеки, так и остались далеки.

Прошло еще несколько лет, настает 50-й год. У меня начались страшные головные боли, много дней я мучилась, а однажды ночью коснулась головы, потянула за волосы и они у меня с одной стороны вылезли — стала наполовину совершенно лысой. Никакие лекарства не помогали — ни одной волосинки не выросло и врачи отказались лечить, так как волосы выпали с луковицей. Стали мне знакомые советовать: “Съезди в Михайловку к батюшке Севастиану, — он вылечит”. А я опять без внимания к этому отнеслась — что значит — к батюшке лечиться, как так? Но мне еще стали люди советовать и другие поговаривают — мол, поезжай к Батюшке. И я, наконец, собралась и приехала. Как я открыла дверь храма и глянула на Батюшку (он на амвоне стоял), так я его чуток признала. Только в 46-м году он еще немного чернявый был, а те-

перь уже стал весь белый. После службы я подошла к нему и он говорит: "Ты останься здесь ночевать, иди к матери Корнилии". Меня к ней проводили, туда пришел Батюшка, и мы с ним всю ночь беседовали. Он расспросил меня — откуда я, где родилась, как нас раскулачивали, как мы перестрадали, с кем я теперь живу, сколько у меня деток, что я имею маму, что мама верующая. "А ты?" — "А я — туда-сюда".

"Батюшка, — говорю, — я видела во сне, что мне надо отслужить двадцать молебнов. Вы возьмите с меня деньги, отслужите мне все сразу и я Вас больше не буду беспокоить". "Нет, — отвечает, — мы тебе отслужим двадцать молебнов, но ты приедешь в храм двадцать воскресений подряд. Сам буду читать тебе акафисты". И вот он брал меня в ризную, там мы становились на колени, и он читал мне каждое воскресенье акафисты. Так я привыкла к Батюшке, привыкла к храму и к хору, к обычаям здесь заведенным. Я стала верить, стала исповедываться, причащаться. Муженька своего подтянула, он начал со мной в церковь ездить. А тут детки у нас подросли. Мы идем и их берем с собою, и Батюшка их всех по имени знал. Вскоре мне полегчало, и по молитвам Старца стали расти волосы. Через мою бо-

лезнь в нас возродилась вера, и мы сблизились с Батюшкой.

Прошло немного времени, и у меня заболел шестилетний племянник — упал с велосипеда и стал хромать. Родители не обратили на это внимания. Я решила сама показать его врачу. Хирург осмотрел и сказал: "У него гниет бедро". Сделали операцию и неудачно. Во второй раз вскрыли, зачистили кость, но опять неудачно. Тогда я пошла в церковь, и вдруг Батюшка сам меня спрашивает: "Ольга, у тебя кто-то болеет?" "Да, — отвечаю — племянник" — "А ты переведи его в Михайловскую больницу, у тебя ведь там хирург знакомый". Я договорилась и перевела племянника в эту больницу. Врачи как глянули: мальчик едва живой — и быстро его опять под нож, сделали срочную операцию, уже третью. Воскресенье подходит, я прихожу в храм, Батюшка спрашивает: "Привезла мальчика? Что же ты до дела не доводишь? Почему ко мне его не несешь? Люди ко мне из Москвы, Петербурга едут, а ты рядом и не несешь его ко мне. Вот прямо сейчас иди в больницу и на руках неси его ко мне".

Я пошла в больницу, там была с мальчиком его мать. Мы взяли Мишу и на руках по очереди донесли его до церкви. Дело было перед вечерней. Занесли в

храм, поднесли к Батюшке, Батюшка зовет: “Ми-ишенька, Ми-ишенька!” А он только глазами повел и лежит, как плеть, весь высох, безжизненный. Батюшка говорит: “Поднеси его к иконе Святой Троицы в исповедальной”. Я поднесла. Батюшка велел, чтобы поставили стул и говорит: “Поставь Мишеньку на стул!” Я — в ужасе! У ребенка руки и ноги как плети, как он встанет, он ведь уже полумертвый! Батюшка тогда зовет мать и говорит: “Вы его с двух сторон держите и ставьте. Смелее, смелее!” Поставили его, ножки коснулись стула, а мы с двух сторон держим, вытягиваем его в рост. Затем Батюшка позвал еще монахинь и сказал им: “Молитесь Богу!” — и сам стал молиться. Мы держим Мишу и я смотрю: он твердеет, твердеет, прямеет, прямеет, выпрямился и встал на свои ножки! Батюшка говорит: “Снимайте со стула, ведите его, он своими ножками пойдет”. И Миша пошел своими ножками. Все — в ужасе! А Батюшка помазал его св. маслом и говорит матери: “Ты останься здесь с ним ночевать, мы его завтра причастим, он и хромать не будет”. Но мать не осталась, уехала с Мишей на радостях домой. И еще Батюшка просил ее привезти мешок муки в благодарность Богу, а она привезла только маленький мешочек. И вырос наш Ми-

шенька, стал такой хорошенький, но на одну ножку хромал — ведь мать не послушалась, не оставила его причастить.

В 1954 году на Пасху у меня случился приступ аппендицита, и я не подумала взять благословение на операцию — пошла по своей воле. На службе Батюшка видит — меня нет и говорит одной знакомой: "Вот тебе просфора, поезжай скорей в больницу, захвати Ольгу перед операцией — пусть съест просфору, а то операция будет у нее тяжелая и болезненная". Она приехала, а меня уже вызывают. Я съела просфору и пошла на операцию, которая длилась четыре с половиной часа.

Спустя некоторое время я забеременела. Врачи сказали, что рожать нельзя, надо делать аборт. Я — к Батюшке: "Что делать?" И прошу его: "Благословите меня на аборт, пожалуйста!" А он: "Ты сама в ад лезешь и меня туда тянешь! Никаких "пожалуйста". И подает мне красивый букет цветов из алтаря: "Сухие выброси, оставь только живые и каждый день по цветку заваривай в чай и пей, чтобы роды эти были не тяжелее предыдущих". Дал икону "Благовещание" и сказал: "Родится у тебя сын, красивый, умный, всеми любимый. Не губи его. Он при старости будет тебе подмогой. А назови его Серафимом,

потому что никто не прославляет преп. Серафима, никого сейчас так не называют". И действительно, на Благовещание благополучно родила сына, и сейчас он — врач.

В 1957 году я забеременела, поехала к Батюшке исповедаться и причаститься. Батюшка говорит: "Я тебе гостинчик дам". А ему в то время много яблок привезли. Он долго выбирал, наконец подает мне яблоко — одна сторона красная, а другая зеленая и говорит: "Съешь все сама, никому не давай. А родится у тебя девочка и придешь ко мне не скоро, у тебя осложнение будет после родов". Родилась у меня девочка Маша, пятнадцать лет она была здорова, а пятнадцать лет болела и в тридцать лет умерла. И яблоко было наполовину красное, наполовину зеленое.

Однажды я пришла на службу, а Батюшка говорит: "Вот как я с алтаря тебя благословлю, тогда и пойдешь домой". Вдруг во время службы Батюшка подходит и говорит: "Ну, езжай домой, только, как войдешь в дом, сразу скажи: "Я хочу купить корову". А я ему в ответ: "Батюшка, да ведь день уже кончился, теперь я уже точно не куплю корову!" — "Купишь! Только как войдешь, так и скажи: "Я хочу купить корову". И покупай. Там будут красная, рябая и лысая. Ты бери красную —

это твоя корова. А через два дня ты привезешь мне свежие сливки".

Я поехала и думаю: "Что за притча?" Прихожу домой, а у нас в гостях сидит мой брат с женой. Я говорю: "Здравствуйте! А я хочу купить корову!" Брат отвечает: "А в чем дело? Деньги в кармане, корова во дворе. Пойдем, у моих знакомых продаются три коровы". Приходим — стоят три коровы, как и описал их Батюшка. Я выбрала красную и через два дня передала для Батюшки свежее молоко. Сама я не смогла поехать и попросила соседку. Она отказывается: "Как с чужой милостыней к Батюшке идти?" Но все же повезла. Только заходит, а Батюшка говорит: "Давай Ольгины сливки!"

Шло время, дети у меня подросли. Настала пора моей дочери Лидии поступать в институт. Пришли к Батюшке: "Батюшка, благословите Лидию в институт". А он: "Лидочка, ты куда собралась?" — "В КАЗГУ на юридический". — "Ой, — говорит Батюшка — захотела алма-атинских яблок покушать, а я тебя благословляю — кушай карагандинскую картошку, она полезная. Ты хочешь людей судить? Ты и меня судить будешь? Нет, нет. Этот год посиди дома, поучись с мамой шить, это тебе пригодиться. А на следующий год поступай в медицинский, там откроют но-

вый факультет, ты на этот факультет и пойдешь". Но дочь решила поступать в медицинский в этом же году и не поступила. И этот год она училась шить, а на следующий год поступила без проблем.

Потом подошло время Саше поступать в институт. Сашу спрашиваю: "Ты в какой институт пойдешь?" Он говорит: "Раз Лидии было такое благословение, я не буду намечать. Куда Батюшка скажет, туда и пойду". И другой мой сын Анатолий закончил восемь классов и решил брать благословение в техникум. Пришли к Батюшке: "Батюшка, Саше в институт надо поступать". Батюшка спрашивает: "Ну-ка, Саша, ты в какой институт хочешь?" "Батюшка, в какой скажете, в тот и пойду". "Иди в политехнический на строительный факультет и будешь нашим нужным инженером. Бог тебя благословит." (Сейчас этот сын — старший прораб города. При его участии строится новый храм Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде.) И у Толика спрашивает: "Ты куда хочешь?" "А я в техникум". "В техникум? Мать вас учит-учит, а ты восемь классов кончил и в техникум? Нет тебе никакого благословения. Кончишь 10 классов, потом придешь".

И что же мой Анатолий сделал? "Мама, — говорит, — ну что значит ба-

тюшкино благословение?" А у нас родной дядя в том техникуме в приемной комиссии работал. "Пойдем, — говорит — к дяде, он поможет, я поступлю и буду учиться". Я соглашаюсь: "Пойдем, если хочешь". Дали Анатолию экзаменационный лист, он пошел сдавать экзамен — двойка. "Мама — просит — сходи к дяде, пусть он даст другой экзаменационный лист". Я пошла. "Пусть — думаю — потешится парень". Стал он снова сдавать — опять двойка. На третий раз уже и дядя за него хлопотал, но он снова получил двойку. Так вот, без благословения и родственники не помогли. И поступил мой Анатолий в профтехучилище.

В 1962 году ему надо было с училищем выйти на первомайскую демонстрацию. А 1-е Мая в этом году было на Пасхальной седмице. И вот, ушел он утром на демонстрацию, уже вечер, а Анатолия дома нет. "Ну ладно, — думаю, — наверное к брату моему ушел". Утром следующего дня иду в церковь, Батюшка подзывает меня и говорит: "Иди домой, тебе надо быть дома. На вот тебе яички", — и дает мне побитые и помятые яйца. "Что такое?" — думаю, и как-то мне не радостно. Прихожу домой. "Анатолий был?" — спрашиваю. "Нет, не был". Вечером снова поехала в церковь, а Батюшка опять под-

ходит ко мне и говорит: "Иди домой, сейчас же иди домой". И снова дает мне мятые и побитые яйца. И мать Анастасия дает мне яйца, тоже побитые и говорит: "Да ты быстрее иди домой" — и гонит меня. Я пошла. Только за угол завернула — Лидия, дочь, навстречу бежит: "Мама — говорит — у нас беда! Толика порезали, в больнице лежит без сознания". Оказалось, на демонстрации хулиганы вспороли ему живот. Его прооперировали. Девять суток Анатолий лежал без сознания, и вот батюшка Севастиан и мать Анастасия вымолили его. А он смертный был, безнадежный. А старцам-то никто ничего не говорил, они сами знали, что с человеком случилось. Анатолий восемь месяцев в больнице пролежал, поправился и сейчас он жив.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА, ОЛЬГА ФЕДОРОВНА ОРЛОВЫ

Мария Федоровна

Родители мои были глубоко верующие люди. Когда в 31-м году нашу семью раскулачили, папа сказал: "Что Бог послал.

Мы должны испить эту чашу". Папу арестовали и содержали отдельно, и много лет прошло, пока нас объединили. А маму и нас, четверых детей, привезли в Компанейск на голую кочку, где не было ни воды, ни хлеба. Мы вырыли нору в земле и в ней жили. Петр, я, Ольга, Александра. Наша мама была беременной, и у нее извергнулся плод. Мама очень страдала, наша яма была в крови, кровь запеклась на одежде, стирать было негде — степь кругом. "Дочь — просила мама — ты найди камушек, брось на него эту одежду, помочи водичкой, да ножками потопчи". Я маленькая была, стирать еще не умела.

Потом стали землянки строить, копали глину, заливали водой, месили ногами и делали кирпичи. Сделали бараки — ни окон, ни дверей. В бараках нары и люди на них чем попало прикрытые. Утром встают, мертвецов вытаскивают. Там не плакали по покойникам, не до этого было, а наша мама только молилась, читала акафисты, а мы сидели возле нее: "Мама, кушать! Мама, есть!" — "Погодите, вот я дочитаю акафист" — "Мама!" — "Ну вот, еще страничка осталась, — она тянула время, — я сейчас дочитаю, и Боженька нам поможет". Дочитает, возьмет кусочек хлеба и отрезает от него по кусочку. А мы

пальцем показываем: "Это кому?" — "Это — Пете". — "А это кому?" — "Это — Марии. Это — Оле. Это — Шуре" — вот так вот. Все крошечки собирали, а мама все старалась от своего пайка нам дать. И как мы выжили, как?! Это невероятно, невозможно было там выжить! Я была очень простужена, лежала с ревматизмом. Ноги были покрыты язвами, гноились. Мама сидит и плачет. Мухи летают тучами, мама марлей мне ноги прикрывает.

И вот, как Бог-то помог нам! Все мы выросли, все получили высшее образование. Академию закончил Петр, Ольга и Александра — врачи, я — педагог. Это Бог нас молитвами матери сохранил, это чудо, что мы остались живы.

Ольга Федоровна

(лечащий врач Батюшки)

В 1949 году я и моя сестра Александра заканчивали Алма-Атинский мединститут. Наступило время распределения на постоянное место работы. Посоветовавшись с родителями, мы решили взять направление в Кокчетав — там жил с семьей наш брат Петр, и мы все решили переехать жить к нему. Но неожиданно пришла телеграмма от папы. В ней он сообщал, чтобы мы взяли направление только в Караганду и

что о причине напишет в письме. Вскоре мы получили это письмо. Папа писал, что по совету знакомого верующего человека он поехал в Михайловскую церковь к батюшке Севастиану взять благословение на отъезд. Батюшка подробно расспросил папу о цели нашего переезда, внимательно выслушал и сказал: "Нет, Федор Иванович, я не благословляю Ваш отъезд: сын-сыном, сноха-снохой, а дочери есть дочери. Сегодня сын живет там, а завтра он может переехать на другое место жительства". (И действительно, брат с семьей вскоре из Кокчетава уехал.) "Пусть дочери берут направление на работу только в Караганду". Папа сказал Батюшке, что уже все продал и как ему быть теперь? На это Батюшка ответил: "Не бойтесь, Федор Иванович, Бог поможет и все будет".

Мы с сестрой поступили так, как сказал Батюшка. Приехав в Караганду, мы сразу поспешили в Михайловскую церковь. Батюшка встретил нас светлой улыбкой. Когда мы вошли, он стоял у окна. В светлом облачении, освещенный солнечными лучами, Батюшка и сам, казалось, излучал свет. Получив благословение, мы без всяких затруднений устроились на работу в областную больницу.

Поселившись в Караганде, я стала по вечерам после работы посещать Михай-

ловскую церковь. Батюшка Севастиан служил ежедневно утром и вечером. Мне очень нравилось, как он служил, как пел церковный хор. Я стала внимательно присматриваться к Батюшке: меня всегда поражало его богобоязненное, благоговейное и умилительное отношение к службе, его великое терпение в отношении к прихожанам, которым он старался во всем помочь.

Батюшка был очень скромен, кроток и милосерд. Не было такого человека, кто не полюбил бы его всей душой, увидев хоть однажды. Как врач, я заметила, что он был очень утомленным и больным. Во время службы он часто кашлял, дыхание было затрудненным. В беседе с Батюшкой я подробно расспросила его о состоянии здоровья и предложила ему свои услуги врача. С тех пор я стала наблюдать за ним постоянно. Когда я начинала ходить в церковь, то понятия не имела о духовной жизни, о старчестве, и вообще о сущности христианства. Столкнувшись впервые со случаем духовной прозорливости батюшки Севастиана, я приняла это за случайное совпадение моих мыслей с мыслями Батюшки. А произошло следующее. Однажды во время вечерни я стояла и думала: “Как здесь хорошо! Не хочется ехать домой. Вот бы остаться и заночевать

у Анфисы Ивановны, которая здесь при церкви живет". Служба закончилась, я стала собираться домой. Вдруг ко мне подходит Батюшка и говорит: "Ольга Федоровна, а Вы останьтесь здесь и заночуйте в церкви у Анфисы Ивановны". Я обрадовалась и воскликнула: "Батюшка! А я только что об этом мечтала! Вот удивительно, как это у нас мысли совпали?" Батюшка улыбнулся, но ничего не ответил и пошел к себе в келью.

Вскоре после этого Батюшка благословил меня исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин. Утром я пришла в церковь и увидела, что людей, желающих исповедаться, очень много. Я огорчилась и подумала, что исповедаться, видимо, мне не удастся, так как скоро нужно идти на работу. Вдруг дверь исповедальни открылась, и на пороге появился Батюшка. Он протянул мне руку и сказал: "Идемте, Ольга Федоровна, на исповедь". Как исповедоваться и что говорить, я не знала. В голове полный сумбур, одолевали различные помыслы. И вдруг Батюшка сказал: "Вот, Ольга Федоровна, у меня в голове различные помыслы". И он начал перечислять все мои помыслы, которые одолевали меня и которые особенно меня тревожили. Я говорю: "Батюшка, а у меня тоже такие помыслы. Разве это

грешно?" Он ответил: "Да, надо избегать их и отгонять от себя, так как это грешно".

В другой раз, когда я стояла в церкви и молилась, ко мне подошел иподиакон и сказал: "Ольга Федоровна, Вас Батюшка зовет". Я быстро прошла в панихидную, так как подумала, что Батюшке плохо, как это часто бывало. Но он сидел на стульчике перед иконой Пресвятой Троицы и что-то держал на коленях. Народу вокруг него было много, но я постаралась протиснуться и увидела, что на коленях он держал тарелочку, а в ней лежали благословенные хлебцы, политые вином. Такие хлебцы я видела впервые. "Вот оно что, — подумала я — сами-то кушают хлебцы, политые вином, а нам дают простые!" Эта мысль промелькнула у меня в голове мгновенно, как молния. Но Батюшка повернулся в мою сторону, отстранил от себя стоящих рядом людей и говорит: "Ольга Федоровна, возьмите благословенный хлебец и покушайте", — и подал мне кусочек хлебца, политого вином. Больше Батюшка не дал хлебца никому. Меня снова поразило, что все мои мысли открыты перед ним. Мне было стыдно и страшно.

Не менее удивительны и другие примеры, свидетельствующие о святой прозорливости Батюшки.

Был праздник Пресвятой Троицы. Служба проходила очень торжественно, Батюшка был радостным, бодрым и умиротворенным. Хор пел особенно хорошо. Когда после запричастного стиха запели светилен, я не разобрала в нем сочетания слов в том месте, где пели: "Свет и Света, Света Податель". Я не знала, как правильно: "Свет из Света, Света Податель" или "Свет и Света, Света Податель". Меня это беспокоило и хотелось узнать точно, но не было подходящего момента, чтобы спросить. И вот, вскоре после праздника, я пришла вечером на службу. Батюшка не служил, а в своей келье слушал богослужение. Я зашла к нему и попросила благословения. Когда я протянула к Батюшке руки, он положил на них свою ладонь улыбнулся, но не благословил, а сказал: "Ольга Федоровна, "Свет и Света, Света Податель!" Я удивилась и говорю: "Батюшка, а мне как раз в этом месте не было понятно!" Он опять улыбнулся и благословил меня. И снова его прозорливость меня поразила.

В возрасте 32-х лет я тяжело заболела по-женски. Я думала, что у меня рак, и очень переживала. Еще я переживала из-за того, что ввиду болезни не могу причащаться Святых Таин, прикладываться к иконам, подходить к елеопома-

занию, есть просфору и благословенный хлебец, ставить свечи.

Однажды во время службы я особенно скорбела и мысленно обратилась ко Господу: "Господи, я, как прокаженная, сколько времени не могу прикасаться к святыне. Наверное, у меня рак. Вот какое горе!" — и заплакала. В этот момент из панихидной вышел иподиакон, быстро подошел ко мне и сказал: "Ольга Федоровна, Вас Батюшка зовет". Я забыла про свои болезни и поспешила к Батюшке, думая, что ему плохо. Когда я вошла, он сидел на стуле веселый и, улыбаясь, сказал мне: "Ольга Федоровна, это все пройдет, бывает иногда так и у молодых. К иконам прикладываться нельзя, вкушать просфоры и пить святую воду тоже нельзя, а благословенный хлебец — можно. Передавать свечи можно, но ставить к иконам нельзя", — и благословил меня, дав мне половину благословенного хлебца.

Я вышла от него окрыленная, обрадованная, с надеждой на выздоровление. И в ближайшие дни я, действительно, выздоровела совершенно.

Когда моя мама была тяжело больна, Батюшка приезжал к нам причащать ее. В один из его приездов, когда мы после причастия подходили к кресту, Батюшка

сказал моей сестре Екатерине: "Катенька, не выходи замуж". — "Почему?"— спросила сестра. "Не выходи, Катенька, замуж, потому что будешь горько-горько плакать", — сказал Батюшка, хотя он и жениха не видел и Екатерина ничего не говорила ему о своем намерении. Уезжая от нас, Батюшка сказал мне, что жить они не будут, разойдутся. Но Катя не послушалась, и вскоре после свадьбы сбылось батюшкино предсказание.

Я знала, что Батюшка не любит, когда в день Ангела ему оказывают особое внимание и дарят подарки. А мне давно хотелось подарить ему отрез на облачение, но я боялась об этом даже заикнуться. И вот однажды, возвращаясь с работы, я зашла в церковь. Проходя мимо батюшкиной кельи, я заглянула в окно и увидела, что Батюшка стоит у окна и пальчиком зовет меня к себе. Я пошла в келью, а Батюшка открывает двери и говорит: "Как я рад, Ольга Федоровна, видеть Вас. Проходите. Мне очень нужно облачение вот примерно из такого материала", — и показывает мне поручи голубовато-белого цвета. — "Поручи у меня есть, а облачения нет. Такое облачение пригодилось бы на Богородичные и Господские праздники". Я поняла, что Батюшка, наконец, откликнулся на мои дав-

ние тайные пожелания и сказала: "Батюшка, тогда благословите купить такой отрез".

Находясь на протяжении многих лет рядом с Батюшкой, мы неоднократно убеждались в силе его старческого благословения. Примером, подтверждающим силу благословения Батюшки, может служить такой случай.

В начале 1960 годов вышло распоряжение о ликвидации домашнего скота. Мы держали корову и теперь были вынуждены ее продать. В субботу отец поехал в церковь. После службы он подошел к Батюшке, объяснил ему, что корову нам держать больше невозможно и что завтра, в воскресенье, ее необходимо продать. Батюшка ответил: "Хорошо, Федор Иванович, благословляю. Завтра придете на Литургию, а после "Отче наш" пойдете продавать корову". Папа сказал: "Батюшка, как же это возможно, ведь будет очень поздно, ехать надо далеко, в Старый город, на базаре уж никого не будет". Батюшка ответил: "Ничего, Федор Иванович, Бог поможет, продадите". Так оно и вышло. Папа из Михайловской церкви поехал на конный двор в Новый город, затем домой за коровой и только потом в Старый город на базар, до которого было километров десять. Папа ехал на телеге,

привязав к ней корову. На пути ему встречались люди, уже возвращавшиеся с базара, которые над папой посмеивались, мол, едет он напрасно, на базаре уж никого нет. Но папа все же решил до базара доехать, а там — дело покажет. Подъехав к базару, он увидел, что народу, действительно, почти нет, а кто был, и те собирались расходиться по домам. В это время к папе подошел человек и сказал: "Что, отец, ведешь продавать корову?" Папа ответил: "Да, хотелось бы продать". Покупатель предложил свою цену: "Не будем рядиться, если согласен, то по рукам". Немного поторговавшись, они сошлись в цене, и таким образом, на удивление всем, папа благополучно и по желаемой цене продал корову.

Как Батюшка в день моего Ангела поучил меня смирению.

Как-то в середине июля я зашла к Батюшке в келью. В это время он вместе со своей келейницей Марией Образцовой рассматривал коврик. "А, Ольга Федоровна, — говорит, — заходите, заходите, милости просим!" — "Что это Вы, батюшка, делаете?" — спрашиваю. "Да вот, рассматриваем коврик, но на нем кресты и, значит, постилать под ноги его нельзя." — "Мария, — обращается он к келейнице, — а, может, мы подарим его

Ольге Федоровне на день Ангела?" Она говорит: "Да, батюшка, хорошо". — "У вас же, — продолжает Батюшка, — через несколько дней именины? А на именины меня пригласите?" У меня сердце замерло. Я насколько любила Батюшку, настолько же его и боялась, и никогда не приглашала его к себе, если только он сам приезжал. И, конечно, я сказала: "А как же, батюшка, приезжайте".

Дня за три до именин Батюшка вызвал меня к себе, дал мне наставления, подарил акафист и большую просфору. И вот, получив все эти подарки да еще обещание Батюшки приехать на день Ангела, я немного вознеслась.

Наступил день памяти равноапостольной Ольги. Дома у нас все вверх дном перевернули. Все мыли, чистили, наготовили множество различных блюд — и молочных, и фруктовых. А я в церкви причащалась. После Литургии все подходят под благословение. Подхожу и я. А Батюшка как будто меня не видит, отворачивается, благословляет других. Я стою, жду благословения. Потом он как бы меня увидел: "Ах, искушение, — говорит, — это вы, Ольга Федоровна?" И так в полоборота меня благословил. (А обычно благословлял большим крестом.) На сердце у меня заскрежетало: "Что случилось?" — думаю.

Настроение у меня сразу стало пасмурным, не именинным. "Батюшка, — говорю, — нас ждут, поедемте к нам". А он: "Вера, готовь, я сейчас пойду кушать и отдыхать в свою келью". Я осталась ждать, пока Батюшка покушал, отдохнул, проснулся, в церковную келью пришел. Я сижу, как на электрическом стуле, жду его. В келье он долго с кем-то беседовал, потом вызывает Петра: "Петро, давай машину налаживай, сейчас поедем". "Батюшка, — спрашиваю, — к нам?" А он: "У, какая нашлась — к вам. Нет, нет, нет, мы поедем на Мелькомбинат к Ольге Степановне". — "А! Батюшка, а нас ждут!" А он, как не слышит. Поехали на Мелькомбинат. Там и панихиду послужили, и молебен, там и потрапезничали, потом еще к Жуковым заехали, и Батюшка говорит: "Петро, поехали!" Ну, думаю, к нам. Хоть поздно, а все же приедем. Доехали до нашего дома, у ворот остановились, Батюшка говорит: "Ольга Федоровна, выходите". — "Батюшка, — говорю, — да как же?! Как же меня дома встретят?! Что я буду отвечать?! Почему Вы не заходите?!" Он ничего не сказал и уехал. А ведь частенько мне говорил: "Ольга Федоровна, смирение — прежде всего, на будущее вам". Так он мог смирять.

А при следующей встрече: "Ольга Федоровна, вы уж меня извините, что я не

поехал, что-то я... даже не помню почему... или торопился... или плохо себя чувствовал... не помню уже". — "Ох,— говорю, — батюшка, и досталось же мне дома!" Вот так вот.

Когда я работала участковым врачом в Михайловской поликлинике, в мои обязанности входило обслуживание вызовов и посещение больных на своем участке. Мне приходилось наблюдать разные события — и приличные, и неприличные. Однажды, насмотревшись всякой всячины, я пришла в церковь, имея намерение подготовиться к причастию на завтрашний день. Помолившись, я собралась уходить домой, как вдруг открылась батюшкина келья, выходит Батюшка и говорит: "Ольга Федоровна, идемте исповедоваться". Я обмерла. Почему Батюшка решил исповедать меня сегодня? Я зашла в келью, Батюшка благословил меня и сразу стал говорить: "Ольга Федоровна, вы ходите по участку, лечите больных. Это, конечно, хорошее дело. Но вы наблюдаете различные жизненные сцены — и приличные, и неприличные, полезные для души, и неполезные. Не впитывайте в себя то, что неблагопристойно". А! У меня уши загорелись, я ведь только что всего насмотрелась. "Батюшка, — говорю, — простите!" Он исповедал меня, и я выш-

ла. Больше в этот вечер он не исповедовал никого, а остался ради меня, чтобы я не забыла и он не забыл до завтра то, что неполезно для души.

Батюшка часто давал мне деньги, чтобы я раздавала их больным и бедным. Я говорю: "Батюшка, как же я буду это делать?" — "А вы не смущайтесь, Ольга Федоровна. Если вы, допустим, дежурите в больнице, подойдите к больному, посмотрите его историю болезни, поговорите с ним, и если узнаете, что он приезжий или бедный, положите незаметно ему под подушку деньги. А если вы на приеме в поликлинике видите, что больной беден, вы можете выписать ему рецепт, все объяснить и завернуть в рецепт деньги по вашему усмотрению, в зависимости от стоимости лекарства". Так Батюшка заботился обо всех, и я делала так, как он благословлял.

Приведу пример чудесного исцеления по батюшкиным молитвам. В 1960 году из г. Ижевска приехала к Батюшке Пелагия Мельник. Уже в течение полугода она не могла есть ни хлеба, ни каши, ни картофеля, ни других продуктов. Питалась исключительно молоком и сырыми яйцами. Она ослабла и передвигалась с большим трудом. Когда Пелагия попыталась пройти в келью к Батюшке, ее не пропусти-

ли, так как желающих попасть к нему было очень много. Она просила, чтобы ей позволили пройти без очереди, но все безрезультатно. Внезапно открылась дверь, вышел Батюшка и сказал: "Пропустите эту женщину ко мне, она очень больна". Войдя в келью, Пелагия опустилась перед Батюшкой на колени и, не произнося ни слова, горько расплакалась. Батюшка сказал ей: "Не плачь, Пелагия, все пройдет, исцелишься". Дал ей свежую просфору, стакан воды, большое яблоко и сказал: "Съешь это". Она ответила, что уже полгода не ест хлеба, болит горло, и пища не проходит. Батюшка сказал: "Я благословляю. Иди в крестильную, сядь на широкую скамейку и съешь". Она пошла в крестильную, села на скамейку и легко и свободно съела батюшкины дары. После этого она сразу уснула и проспала сутки. Батюшка подходил к ней несколько раз, но будить не велел. Проснулась Пелагия совершенно здоровой. Батюшка сказал: "Работа у тебя тяжелая, но скоро все изменится". И, действительно, через полмесяца после возвращения в Ижевск Пелагию, даже без ее просьбы, перевели на другую, более легкую работу.

Косинова П. И. рассказывала следующее. Она пришла к Батюшке с жалобами на боль в прямой кишке и в поясничной

области. После обследования в онкодиспансере у нее признали рак прямой кишки и предложили оперироваться. Перед операцией она решила прийти к Батюшке за благословением, поставить в церкви свечи и отслужить молебен. Но Батюшка сказал: "Не торопись, успеешь умереть под ножом. Поживи еще, ведь у тебя дети". Она подходила к Батюшке трижды, но ответ был один — операцию не делать. Посоветовал купить алоэ, сделать состав и пить. Также предложил заказать молебен с водосвятием Спасителю, Матери Божией, Ангелу Хранителю и всем святым. Через три месяца она пошла в онкодиспансер для контрольного обследования. При осмотре выяснилось, что опухоль почти рассосалась. Вскоре она поправилась совсем.

Она же рассказала о своем сыне Михаиле. В первый день Великого поста Михаил пошел проводить своего товарища. Мать была против этого и переживала, видя непослушание сына. Обидевшись на него, она подумала: "Накажи его, Господи!" Долго ожидала она возвращения сына, но напрасно. Наконец, в 12 часов ночи ей позвонили и сказали, что сын ее находится в больнице с открытым переломом костей голени. Михаил пролежал в больнице около трех месяцев, но пере-

лом не срастался. Его трижды оперировали, но образовался ложный сустав. Предлагали четвертую операцию, но Михаил выписался из больницы и отправился в гипсе домой. Больше года он не работал. Мать предлагала Михаилу причаститься, но он не соглашался. Тогда мать поехала к батюшке Севастиану, и все ему рассказала. Выслушав, Батюшка велел привезти сына в церковь. Его с трудом уговорили и привезли. Батюшка причастил Михаила и велел заказать молебен. После молебна Батюшка подошел к сидевшему на стуле Михаилу и велел ему встать на костылях. Перекрестил его спереди и сзади и сказал: “Иди с Богом. Бог тебя благословит. Теперь можно делать операцию, а можно и не делать”. — И отошел от него. Через две недели соседка-врач повезла Мишу в больницу на осмотр для решения вопроса об операции. На контрольном рентген-снимке были ясно видны признаки выздоровления — образовалась костная мозоль, кость начала срастаться. Операция оказалась ненужной.

У этой же женщины внучка Таня попала под машину и получила перелом ноги и костей таза. Это случилось накануне Успения Пресвятой Богородицы.

Переломы долго не срастались. Об этом рассказали матери Анастасии, а она Ба-

тюшке. Батюшка передал девочке просфору и предложил ее причастить, что и было сделано. Батюшка спросил у Тани, был ли на ней крест... "Это она по грехам страдает, — сказал он, — ну, ничего, постепенно поправится". Так оно и получилось.

Мария Федоровна

Муж у меня был неверующий, коммунист, часто выпивал. Жить было тяжело и морально, и материально. Трезвым муж был очень добрый, а пьяным — за веру гонял, устраивал страшные скандалы. На иконы кричал: "А-а! Эти боженята! Я их повыкидываю!" А мама, бывало, говорит: "Не ты их ставил, не тебе и выбрасывать". Мне отец дал икону "Нечаянная Радость", я поставила ее в шкафу, в укромном месте, чтобы не было видно. Там и молилась тайком.

Однажды Батюшка спросил меня, как я живу. Я все ему рассказала и говорю: "Наверное, разойдусь с ним". А Батюшка ничего не говорит мне, то яблоко даст, то печенье. Так и шло время.

И вот однажды прихожу домой, дома тишина. Открываю дверь в зал, а муж стоит у открытого шкафа перед иконой на коленях, полупьяный и молится: "Блага-

го Царя Благая Мати..."— а дальше не знает, только это одно и твердит. Я спрашиваю: "Что ты на коленях стоишь?" А он отвечает: "Ты не видишь, что я молюсь? Я ведь знаю, что у тебя там икона". Вот так, по молитвам старца, объял его страх, и стал он молиться. Но молился, когда выпьет, а трезвый — стеснялся. Потом он перестал скандалить, не стал иконы выбрасывать. Через некоторое время вдруг говорит: "Маша, давай повенчаемся с тобой". Я поразилась, не поверила, говорю: "Да ты за веру гоняешь". А он отвечает: "Давай повенчаемся и жить будем лучше. Сшей себе платье".

И детей всех на это настроил. Я пошла к Батюшке, рассказала ему, а он говорит: "Вот и хорошо, приходите".

Повенчал нас о. Александр Кривоносов, и стал мой муж меняться. Заметил, что я в среду и в пятницу скоромное не ем, придет с работы раньше меня и приготовит на ужин что-нибудь постное. Дети его спрашивают: "Что это ты, папа, постное готовишь?" А он отвечает: "Ну как же, мать наша не ест, и мы будем поститься".

Прошло время, муж заболел гриппом и говорит: "В нашем роду все скоропостижно умирают". Мы положили его в больницу — признали затемнение легких, перешедшее в рак. Перед операций испове-

дывался со страхом, пособоровался, причастился, его прооперировали, и он скончался. После смерти снится мне: приходит муж домой, а я ему говорю: “Петя, выпей”, — и подаю рюмку водки. Он берет, подходит к умывальнику, выливает ее и говорит: “А у нас не пьют”. Вот так молитвами старца Господь привел мужа к спасению”.

Ольга Федоровна

Батюшка всегда благословлял нас брать отпуск таким образом, чтобы две первые недели его совпадали с двумя последними неделями Великого поста и две последние недели отпуска с двумя неделями по Пасхе. И в 1966 году я взяла отпуска с 1-го апреля. В ночь на 1-е апреля мне звонит из церкви Юлечка: “Ольга Федоровна, Батюшке плохо. Петро выезжает за вами, готовьтесь”. Я собрала медикаменты и поехала. И домой я приехала только после смерти Батюшки.

Батюшка молился за всех при жизни и продолжает молиться и помогать после смерти. В подтверждение этого опишу два сна.

На двадцатый день по смерти Батюшки я находилась в командировке в Москве. И вот, в 1 час 30 минут по Московско-

му времени (а у нас в Караганде было уже 4 часа 30 минут, то есть час кончины Батюшки) он мне приснился — веселый, улыбающийся, и говорит: "Ольга Федоровна, спаси вас Господи за все, за все", — и помахал мне рукой. Я хотела что-то сказать, но не успела и проснулась. На душе была такая радость, словно видела Батюшку живого.

В январе 1994 года я вновь видела Батюшку во сне. Как будто я была в церкви, окончилась служба, и все выходили. Многие, в том числе и я, направились в сторожку, чтобы получить батюшкино благословение. Здесь я встретила батюшкину келейницу Веру и говорю: "Вера, зайди к Батюшке, сделай, что нужно, а потом спроси разрешение и мне зайти". Вера сказала: "Хорошо, Ольга Федоровна", — и зашла в келью. Через некоторое время она вышла и говорит: "Заходите, Ольга Федоровна, Батюшка разрешил". Я поблагодарила ее и зашла к Батюшке. Он сидел в келье в переднем углу перед иконой Спасителя, облокотясь на столик. Одет был в новую красивую рясу, подол которой опускался на пол, и в камилавку с наметкой, тоже новую. Создалось впечатление, что Батюшка откуда-то пришел, но не переоделся (он обычно сразу же снимал рясу и камилавку). Вид у него был

торжественный. Я подошла к Батюшке, опустилась на колени и сказала: "Благословите, батюшка". Он благословил, я поцеловала его руку и ощутила, что рука была теплая и мягкая, как живая. Я приникла к руке и говорю: "Батюшка, дорогой, как долго я Вас не видела, как соскучилась по Вас", — и почувствовала спазм в горле и что сейчас расплачусь. А Батюшка ласково говорит мне: "А, между прочим, я бываю здесь ежедневно". Я подумала: "Как же это, ведь он же "там", — и начала говорить: "Как же, батюшка, ведь Вы же..." — но Батюшка прервал меня и сказал: "Да, да. Я бываю и здесь, и там, но бываю каждый день". Он говорил эти фразы отчетливо, убедительно. И я проснулась.

Таким образом, Батюшка дал понять и мне, и другим людям, что он не оставляет нас, зорко следит за своей паствой, бывает с нами на земле и всегда к нему можно обратиться с молитвой за помощью и вразумлением.

РАИСА ИВАНОВНА КУЗЬМИЧЕВА

Наша семья была выслана из Курской области в 1931 году. Мать с отцом, двое

маленьких детей и свекровь. Привезли их в Компанейск, в голую степь. Сколько глаз может окинуть до самого горизонта не было ни кустика, ни деревца. Сначала переселенцы сооружали шалашики, потом землянки построили. Антисанитария была ужасная, одежды нет, питания нет и один колодец на весь поселок, откуда воду черпали консервной банкой. Люди умирали семьями. Мои родители схоронили двоих детей и свекровь. В тряпочку их завернули, в общую могилу положили. Остались родители одни. Что они пережили — описать невозможно. Самые тяжелые были 31-й; 32-й, 33-й годы. Потом стало легче. Огородики разбили возле землянок, стали люди хлеб получать по карточкам. В 35-м году я родилась, в 38-м родился брат Николай. В 39-м году мама услышала о батюшке Севастиане, повезла брата в Большую Михайловку, и Батюшка его крестил. Батюшка сам был еще очень слабым, он в это время из Долинки освободился. И только поели немножко хлеба, война началась. Отец наш погиб под Сталинградом. А мать (она глубоко верующая была), когда получила извещение, плакала, конечно, очень и сразу дала обет Богу — мясо не есть. И до конца жизни мясо не ела.

В военные годы Батюшка стал приезжать к нам в Компанейск. Всех вдов и си-

рот он собирал вокруг себя и старался помочь им, хотя и сам жил очень бедно. В день его приезда мама просила меня взбираться на крышу и смотреть, когда Батюшка пойдет от железнодорожной станции к нашему дому. Я помню, как он шел — белая борода, белые волосы, светлый плащ, серая шляпа, с палочкой идет. Мать Варя, мать Груша с ним и все бегут к Батюшке за благословением. А я стремглав бежала к маме, и мама посылала меня в 15-й поселок сказать и там, что Батюшка приехал. Каждый его приезд был для нас праздником.

Наша семья жила почти впроголодь. День и ночь при керосиновой лампе мама крутила швейную машинку, чтобы прокормить меня и брата. Батюшка это знал. И с 42-го года он стал приглашать меня во время каникул гостить в его доме на Нижней улице. Он делал это, наверное, для того, чтобы подкормить полуголодного ребенка и укрепить веру в Бога, которую прививала мне мать. Это были самые счастливые дни моего детства. Уже по дороге в поезде радостно замирало мое сердце в ожидании предстоящей встречи. И когда я вступала на порог маленького чистого дома, где земляные полы были застланы толем и разноцветными вязаными ковриками, — он казался

мне самым прекрасным местом на земле, а его обитатели — Ангелами во плоти. Я благоговела перед ними. Мать Груша, мать Варя, мать Фекла — в длинных чистых платьях, подпоясанные белыми фартуками, в белых платочках, вежливые, приветливые. Говорили всегда тихо, никогда не повышая голоса. На кухне стояла батюшкина кровать под белым идеально чистым покрывалом, а в комнате, впритык друг ко другу размещались еще три кровати, на которых спали матушки. Какую же нужно было иметь щедрую душу, чтобы живя в такой тесноте, приглашать в гости чужого ребенка, который доставлял лишь неудобства и хлопоты! И, видимо, не одну меня приглашал Батюшка. В доме всегда были люди, в том числе и дети. Одни уезжают, приезжают другие.

Меня хорошо кормили, водили в баню. Часто с Батюшкой мы ходили в Зеленстрой. Батюшку там тепло встречали, а он, показывая на меня, ласково улыбался и говорил: "Смотрите, какая маленькая девочка, а уже в третьем классе!"

Узнав Батюшку еще ребенком, я невольно отметила его непохожесть на других священников. В то время в наших краях жили и другие освободившиеся из Долинки иеромонахи: о. Кифа, о. Макарий, о. Парфений, о. Кессарий, о. Пармен. Все

они были хорошими священниками, но ни один из них не вызывал к себе такого благоговейного чувства, как о. Севастиан. От него исходили токи благодати, и все ощущали это. Даже внешность была у Батюшки необыкновенная: благообразное, одухотворенное лицо, проницательные темные глаза, шелковистые, как у ребенка, волосы. Батюшка был очень деликатным, тактичным, никогда никого не унизил, не оскорбил, не оборвал, он никогда не подчеркивал физических недостатков человека. И в присутствии Батюшки никому не приходило в голову сказать про кого-то, что он глухой, слепой, хромой и прочее. Вокруг Батюшки было высоконравственное поле, попадая в которое, делать подлости, говорить грубо было невозможно. У него не было особых любимчиков, ко всем он относился ровно и этим еще больше сплачивал вокруг себя людей. Везде, всегда и во всем Батюшка был тихим, скромным, и даже добрые дела он старался делать незаметно. Иногда подойдешь к нему под благословение, а он очень аккуратно сунет в руку вчетверо сложенную денежку. Часто, после его визита в наш дом, вечером, разбирая постель мы находили под покрывалом деньги. Их оставляла там по указанию Батюшки мать Груша. Видимо, Батюшка делал

так из-за своей чуткости к другим, чтобы не смутить человека, не вынудить его принародно благодарить Батюшку. За 23 года моего знакомства с Батюшкой я ни разу не слышала, чтобы он когда-нибудь похвалил сам себя, поставил в пример другим. Он был совершенно лишен самолюбования и самодовольства. Напротив, часто говорил: "Я человек малограмотный, четыре класса закончил и дара слова у меня нет, и голоса у меня нет". Проповеди он чаще читал по книге, ничего от себя не прибавляя. А сидя за столом со своими духовными детьми, иногда что-нибудь рассказывал, но спокойно, скромно, не выставляя себя напоказ.

В 51-м году Батюшка купил нам маленький домик на Мелькомбинате. К этому времени многие верующие по благословению Батюшки уже переехали на Мелькомбинат из разных уголков Караганды: Майкудука, Тихоновки, Пришахтинска, Компанейска. В основном это были семьи, или, точнее, остатки семей, уцелевшие после перенесенной ими в начале 30-х годов трагедии спецпереселения. Насельники Мелькомбината — это люди с исстрадавшимися сердцами, переломанными судьбами, овдовевшие жены, осиротевшие дети. У каждого была своя боль, свои душевные раны. Были люди с тяже-

лыми характерами, капризные, мнительные, агрессивные, замкнутые. Но Батюшка находил подход к каждой страдающей душе. Также среди людей, окружавших старца, было много монашествующих, высланных в Караганду в годы гонений или позднее приехавших к нему из Центральной России. Они составляли костяк Карагандинской церкви. Среди них были люди уникальные, талантливые, подвижники высокой духовной жизни. В целом это была крепкая христианская община, степной казахстанский “скит”, который во время безбожного коммунистического режима сумел организовать и взрастить на святой земле карагандинских лагерей Оптинский старец.

Помню, как в 1954 году я впервые услышала Рождественское всенощное бдение. Как войдя в дом, где совершалась служба, я увидела стоящих в переднем углу батюшкиной комнаты мать Варю, мать Грушу, мать Пашу, Ксению Ивановну. В черных праздничных платьях, красивые, величественные, подтянутые, ангельскими голосами, стройно и благоговейно они пели: “С нами Бог, разумейте, языцы, и покаряйтеся, яко с нами Бог!” Это было такое прекрасное пение, что я обомлела, по телу пошли мурашки, а душа возликовала от переполнившей ее радости

и света. Я стояла притихшая, забыв все на свете и потихоньку плакала от счастья.

Так же помню, как уже в начале 60-х годов в Великий Четверг вечером после чтения 12-ти Евангелий все мелькомбинатские пошли из церкви пешком через плотину с зажженными свечами. Ночь была тихая и мы долго так шли, а свечи горели ровно, ярко. Это было трогательное и величественное зрелище. Но главное величие этого шествия заключалось в духовном единении людей. Это единение проявлялось во всех делах и событиях — больших и малых, радостных и печальных. Вот и похороны членов общины всегда были многолюдны. Никого не просили, не уговаривали, все шли сами, так как знали, что это святой долг каждого. Помню, когда в 60-м году умерла Ксения Ивановна Долгова, ее всю дорогу от дома до церкви, около семи километров, несли на руках и пели.

Что мне сказать о себе? Сейчас мне уже 61-й год. По благословению Батюшки всю жизнь я проработала медсестрой и пела в церковном хоре. И в душе моей постоянно теплится чувство благодарности к батюшке Севастиану, так по-отечески заботливо направлявшего мою жизнь на пути христианской любви к Богу и ближнему.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ТОРТЕНСТЕН

Я освободилась из заключения в 1952 году. В Москву домой ехать было нельзя. Сначала я хотела выбрать себе местом жительства г. Кокчетав. Там был хороший, здоровый климат, леса, но там у меня никого не было из друзей. А в Караганде полгода тому назад обосновалась моя самая близкая приятельница, врач Р. Г. Л., с которой мы восемь лет проработали в лагерной больнице и пять лет жили в одной комнате. Многое вместе было пережито. И я приехала к ней в Караганду 31 августа 1952 г. Нашлись и еще осевшие здесь друзья. И осталась я в прокопченной, пыльной, угольной Караганде с горящими лиловыми огоньками газа на терриконах. И уже не тянуло меня к сосновому чистому воздуху Кокчетава, никуда я не хотела уезжать от дружеского тепла и душевной близости испытанных, верных друзей, и работа нашлась по душе.

В двадцатых числах октября тяжело заболела малярией Р. Г. , температура 40-41° спадала на короткое время, и вновь начинался такой же тяжкий приступ. Когда приступы удалось победить, начался вдруг тяжелый бред на почве острого психоза.

Жила она в другом, дальнем от меня районе. Дочь не могла с ней справиться, вызвали "скорую", и та ночью увезла ее в психиатрическую больницу за 20 километров в г. Компанейск. Когда мы приехали туда с ее дочерью, то были совершенно ошеломлены и раздавлены. Это была не она, вид ее был страшен. Она была, как животное: хватала из наших рук продукты, которые мы ей привезли, с быстротой пихала их в рот и опять хватала. Потом стала на четвереньках ходить вокруг нас. Санитары увезли ее в палату.

Дочь рыдала неутешно. Я повезла ее к себе домой. Приехали убитые, усталые, тоже на себя не похожие. Моя квартирная хозяйка, узнав, что случилось, стала говорить мне: "Не отчаивайтесь, я вам вот что посоветую: завтра же поезжайте в Михайловку, там живет батюшка, монах, он особенный совсем. Вы его попросите, он помолится и поможет вашей больной. Поезжайте, не сомневайтесь и не бойтесь".

На другой же день я поехала в Михайловку. Открыла мне дверь мать Груша, Батюшки не было дома. Я рассказала ей, зачем приехала. Она была приветлива со мной, сказала: "Да, Вам обязательно надо поговорить с Батюшкой, рассказать ему и попросить его помочь". Она

дала мне адрес, куда он пошел на требу, сказала: "У дома этого есть скамейка. Сядьте на нее и сидите. Когда услышите, что в доме запели, это значит — поминальный обед кончился, и Батюшка сразу выйдет. Он может не остановиться с Вами, он не любит останавливаться на улице, а Вы идите рядом с ним и говорите свое дело. Он хоть и будет идти, а слушать Вас будет".

Так все в точности и было. Я сидела, волнуясь, на скамейке, потом в доме запели и, как только кончили петь, сразу из калитки вышел небольшого роста старичок с седой бородой, в длинном черном пальто и в черной шапочке. Не поднимая глаз и не взглянув на меня, он легкой торопливой походкой пошел вдоль улицы. Я шла рядом и рассказывала ему о нашей беде. Он шел молча, не замедляя шага, но слушал меня внимательно. Когда я стала просить его помощи, он остановился, посмотрел на меня своими добрыми необыкновенными глазами с проникающим в душу взглядом и тихо, просто сказал: "Она не православная ведь, и неверующая". Я поразилась. "Да, — сказала я, — она лютеранка. Она не против веры, но далека". Батюшка уже шел тем же быстрым шагом. "Это ничего, что лютеранка, — сказал Батюшка. — Хорошо, я помо-

люсь. Навестите ее через два-три дня, и сами молитесь усердно. Ну, мне сюда, в этот дом, до свидания".

Через три дня было воскресенье, и мы с утра поездом выехали в Компанейск, в больницу. Во дворе нам встретилась медсестра и заулыбалась. "Могу вас обрадовать, — сказала она, — ваша больная второй день уже как "проснулась", ее уже перевели в санаторное отделение, вот тот дом, второй налево, идите. Она обрадуется вам".

Нас пустили прямо в палату. Р. Г. сидела на своей койке, причесанная, аккуратная, в новом халате, с прежним своим лицом и пила чай. Очень обрадовалась нам. "Как я попала сюда? Что со мной было?" — спрашивала она нас. Конечно, мы были обрадованы и изумлены, за два дня — такая перемена.

На другой день я не могла работать и сразу после обхода больных уехала из больницы благодарить Батюшку. Дома он был совсем другой, чем на улице,— ласковый, приветливый. Оставил меня у них обедать, рассказывал что-то, был веселый и о многом меня спрашивал.

Мать Груша дала мне адрес, где можно было ночевать, когда я буду приезжать на ночные батюшкины службы. Вскоре я стала батюшкиным лечащим врачом

и его духовной дочерью. Жизнь моя потекла совсем по-иному. Я стала "батюшкиной".

Случилась у меня большая неприятность, пришло большое испытание и по моей же собственной вине. Я приехала в церковь, Батюшка служил. Я ушла в дальний угол, за правый клирос, стала на колени и горячо молилась, заливаясь слезами. Вдруг, как от толчка, я подняла голову и увидела Батюшку, стоявшего в углу клироса. Вернее, увидела его глаза. Он смотрел на меня в упор, серьезный и встревоженный. Я поняла, что он пришел ко мне, обеспокоенный моим душевным состоянием, хотя меня в уголке никому не было видно. Он никогда не выходил на клирос, когда сам служил. Но сейчас он пришел ради меня, выслушать мой безмолвный рассказ. Я смотрела ему в глаза и плакала, но уже не от скорби, а от "святой любви о Господе" и от того, что так легко было вверять свою душу в руки Батюшки. Печаль отошла, душа наполнилась радостью, живым ощущением счастья от сознания того, что есть Батюшка и что Господь явственно во "Святых почивает". Батюшка уже ушел и подавал возгласы из алтаря. Он совсем короткую минуту был здесь. А я все не поднималась с колен и потихоньку плакала.

Жил в поселке Тихоновка иеромонах о. Трифон. Он часто бывал у Батюшки, пел в батюшкином хоре. После открытия церкви Батюшке с помощью благочинного удалось организовать на Тихоновке и на Федоровке молитвенные дома, которые по благословению Батюшки обслуживал о. Трифон. Как-то в один из воскресных дней, после службы, подошел он к Батюшке взять благословение поехать в этот день на Федоровку. Батюшка посмотрел на него внимательно и, благословляя, сказал: "Я уже сам хотел посылать тебя туда сегодня. Только ехать нельзя, иди пешком напрямик через Зелентрест". Сказал это строго. О. Трифон удивился, потому что, хотя через Зеленстрой и было напрямик, но пешком путь был очень далекий. Но, конечно, пошел, как благословил Батюшка. Дорога лежала через лесопитомник. Пока о. Трифон пересекал его, на пути ему не встретился ни один человек. И вдруг, из-за густого кустарника выскочил молодой, здоровенный мужчина в очень взбудораженном состоянии, схватил его за руку и повлек за собой в лес, в сторону от дороги. О. Трифон очень испугался, но вынужден был повиноваться, поспешая за ним в чащу леса. "Идем, отец, идем, — приговаривал на ходу мужчина, — я давно тебя жду, весь извелся". —

"Вот, — думает о. Трифон, — и конец мне пришел". Когда они вошли в гущу леса, мужчина отпустил руку о. Трифона и сказал: "Ну, садись отец, на пенек, слушай меня и решай мою судьбу". И стал рассказывать: "Я очень люблю свою жену. Она молодая, красивая, умная, хорошая хозяйка. Живем мы дружно, в достатке. Очень хочется иметь детей, а их нет. И вдруг вчера от медсестры я узнал, что на прошлой неделе жена моя сделала аборт. Я всю ночь один маялся со своими думами — жены дома не было, ушла на суточное дежурство. Что же, думаю, раз так сделала, значит, ребенок не от меня, и она мне изменяет. А если от меня, то меня не любит, решила бросить. Значит, все годы мне лгала. И за эту ложь, и за то, что убила ребенка, долгожданного, решил я, что все равно простить ее не смогу. И решил, что должен ее убить. И не знаю, задремал я или забылся, только привидился мне старичок, роста небольшого, а борода большая. И говорит мне: "Ты что же это, сам все решил, ни с кем не посоветовался. Так нельзя. Посоветуйся сперва. Расскажи все мужчине пожилому, первому, кто на дороге встретится. И как он тебе скажет, так и поступай, а то ты сейчас в горячке можешь ошибиться", — и строго так говорит.

Очнулся, сел на кровати — нет никого. А ведь ясно слышал голос. Вскочил я с кровати — и бежать из дома, пока жена с дежурства не пришла. Иду по улице и думаю: "Как же я могу на улице с кем-нибудь поговорить, душу свою выложить? Кто станет меня выслушивать и вникать в мое дело?" И решил я идти в Зеленстрой и ждать, пока пойдет пожилой человек, чтобы поговорить с ним. Только правду мне скажи, истинную правду, как ты понимаешь про мою жену. Я ведь догадаюсь, если будешь вилять. Как думаешь, так и говори, а то и тебе плохо будет".

— Как твое имя? — спросил его о. Трифон. — Николай.

— Я буду молиться твоему святому, святителю Николаю. Я ведь монах. Буду молиться, чтобы Николай Угодник открыл нам правду. И стал о. Трифон молиться.

— Ну вот что, Коля, — ласково сказал он после молитвы. — Жена твоя сама сейчас уже раскаивается. Она тебя любит, верна тебе. Она сейчас плачет, жалеет, что захотелось ей еще пожить свободно, без забот. Она тобой дорожит. Иди домой спокойно, прости жену. Примирись с ней и живите дружно. — Мужчина напряженно слушал, и лицо его прояснялось и прояснялось, словно безумие с него сходило. — Скоро у вас родится ребенок. Все

это мне Святитель Николай сказал, я не от себя говорю.

Мужчина задрожал весь, зарыдал и повалился отцу Трифону в ноги, стал благодарить, просить прощения.

— Ведь я же и тебя мог убить, если б жену решился убить! Я бы тебя, как свидетеля боялся, я же в безумие впадал! — Ну, иди, Коля, спокойно. Иди с миром. Я тебя прощаю. О. Трифон попрощался с мужчиной и пошел, сам не свой, на Федоровку. "Как же, — думает, — Батюшка благословил меня через лес идти? Такая опасность меня там ожидала..." А когда увиделся с Батюшкой, тот встретил его с улыбкой: "Ну что, живой остался?" — "Да, батюшка, остался я жив, а мог бы и погибнуть", — обомлел о. Трифон, что Батюшка все знает. "Ну что ты говоришь, о. Трифон? Я же молился все время, зачем ты боялся? Надо было две души спасти, избавить от такого бесовского наваждения". И запретил Батюшка кому-нибудь об этом рассказывать. "Пока я жив, никому ни слова не говори. А умру — тогда как хочешь".

В 1955 г. у монахини Марии, алтарницы, стала болеть верхняя губа. Губа деформировалась растущей опухолью, посинела, м. Марию повели к хирургу. Он сказал, что надо срочно оперировать, и

дал направление в онкологическое отделение. Матушка пошла к старцу брать благословение на операцию, но он сказал: "Опухоль уже большая, губу срежут, а в другом месте это может проявиться. Нет, не надо делать операции. Прикладывайся к иконе Св. Троицы, что в панихидной. Бог даст, так пройдет".

Через месяц мать Марию снова можно было видеть в церкви, такую же быструю и хлопотливую. "Как же вы губу вылечили?" — спросил ее кто-то. "А я не лечила ее, только к иконе Св. Троицы прикладывалась, как Батюшка благословил, опухоль стала уменьшаться и постепенно совсем пропала. Слава Богу!"

Еще подобный случай. У инокини Параскевы, которая постоянно читала Псалтирь по умершим, пониже шеи, на груди с левой стороны, появилось пятно синего цвета, которое стало расти и багроветь. В больнице ей сразу сказали, что надо немедленно ложиться на операцию и дали понять, что это рак. Заливаясь слезами, Пашенька пошла в церковь. У церковных ворот ей встретилась одна из прихожанок и посоветовала не плакать, а идти к Батюшке. Паша послушалась и пошла. Выходит от Батюшки сияющая... "Батюшка сказал: "Рак... рак... — дурак. Никуда не ходи, пройдёть" (батюшка некоторые сло-

ва выговаривал по-деревенски). И что же? Пятно стало уменьшаться, бледнеть и бесследно исчезло. И вот прошло уже 30 лет, эта инокиня приняла монашество и еще живет в очень преклонных годах.

На одном из здравпунктов нашей больницы работала медсестра Софья Васильевна. Ее муж был гл. бухгалтером треста. Трудно представить, сколько горя перенесла эта семья. Семнадцать лет назад они трагически потеряли единственного сына двенадцати лет. Мальчик пошел на балкон поливать цветы в ящике, хотел что-то поправить, перегнулся через перила и упал с пятого этажа. Родители стояли в столовой за столом, он переговаривался с ними с балкона, вдруг звонок в дверь, и мальчика вносят мертвого.

Потом посыпались новые беды. В 37-м году отца арестовали и осудили на десять лет. Для Софьи Васильевны наступили годы одиночества, преследования, безработица, голод. Но все они перенесли спокойно, перетерпели. Давно все это позади, теперь жили они в большом доме, в достатке, но... наступали пожилые годы, и бездетным супругам захотелось взять на воспитание ребенка-мальчика.

В городе Куйбышеве находился большой "Дом младенца", где были собраны круглые сироты до семи лет. Супруги со-

брались туда поехать и выбрать себе мальчика. Одна из духовных дочерей Батюшки сказала Софье Васильевне, что если они хотят, чтобы этот ребенок был к счастью, то надо сначала съездить к о. Севастиану и попросить благословения.

Билеты в Куйбышев были уже куплены, до отъезда оставался еще один день и Софья Васильевна с духовной дочерью старца поехали к нему. Приехав, они узнали, что Батюшка болен — лежит и никого не принимает. Вдруг Батюшка дал звонок из кельи. Спросил, кто пришел, и сказал, чтобы приехавшие зашли. Они зашли, встали на колени возле его кровати. Батюшка внимательно выслушал и, не поднимая головы с подушки, сказал: "Это хорошее желание, поезжайте. Можно взять ребенка, но только девочку. Мальчика брать нельзя". И, благословляя Софью Васильевну, повторил: "Благословляю взять девочку лет трех". Поблагодарив старца, они ушли. Софья Васильевна волновалась, как ее муж расстанется с мечтой о мальчике.

Через несколько дней супруги вернулись из Куйбышева и привезли с собой трехлетнюю девочку. Она была приветливая, ласковая, больше всего льнула к отцу, но была очень некрасивая. Не то, чтобы черты лица в отдельности были

неправильны, нет, нормально было все, а в общем ребенок был некрасив. Но счастливые родители этого не замечали. Они радостно рассказывали, как произошел выбор ребенка.

Когда они оформили в канцелярии "Дома младенца" документы на взятие ребенка, им сказали: "А теперь идите, выбирайте любого, который понравится. Сейчас их будут поднимать после дневного сна и высаживать на горшки, а вы ходите между ними и выбирайте". — "Не успели мы пройти вдоль одной стены "горшечной" комнаты, — говорит Софья Васильевна, — как с другого конца комнаты подбежала к нам девочка, обхватила ручонками ногу мужа, прижалась лицом к колену и, вздрагивая всем телом, закричала: "Папа мой приехал! Мой папочка приехал!" Воспитательница оттащила ее, взяла на руки и сказала: "Не смущайтесь, выбирайте, смотрите". — "Нет, — сказал муж,— выбирать мы уже не будем. Она сама нас выбрала. Оформите нам эту девочку". Так и привезли они домой некрасивую девочку и полюбили ее за то, что она сама их "узнала". Радостно стало в доме, девочка росла веселая, очень послушная и услужливая. Обожала отца. Когда он приходил с работы домой, она бросалась снимать с его ног ботинки и несла

из спальной тапочки. Стараясь помочь матери, она хватала веник и мела пол, хотя делать этого еще не умела. "Мы ничему этому ее не учили, — говорила Софья Васильевна, — все сама придумывает".

Конечно, много тепла и любви уделяли супруги ребенку, и она, не видя этого прежде, впитывала в себя родительскую ласку, как цветок воду. Через четыре года девочка пошла в школу и оказалась очень способной и прилежной. И стала она выправляться и хорошеть, исчезла ее некрасивость. Окружающие говорили: "Софья Васильевна, а дочка ваша хорошеет". А та отвечала: "Она всегда была хорошенькая".

Вот оно, благословение Батюшки и послушание ему.

Но какие тяготы, боли и беды приходилось терпеть людям, поступающим против батюшкиного совета. Особенно это касалось вопроса о замужестве. Придут просить благословения, а он прямо говорит: "Нельзя за него замуж выходить". А молодежь своевольная: "Я его люблю", или: "Я его исправлю". А потом беда — жизнь тяжелейшая. Если в семейной жизни создавалась нетерпимая обстановка, Батюшка никогда не настаивал дальше ее терпеть, даже из-за детей. Выслушает все и скажет: "Ну, что же, можно его оставить. Расходись".

В самом начале пастырского служения Батюшки в Караганде была у него духовная дочь Танечка, удивительно умная и приятная девочка с чутким и добрым сердцем. Она была очень привязана к Батюшке, и он ее сильно любил. Собралась Танечка выходить замуж за молодого красивого инженера из Алма-Аты. Батюшка не благословил. Она сначала послушалась, но потом опять стала просить благословения. Тогда он запретил строго. Батюшка много говорил с ней, убеждал оставить жениха. Но она в конце концов сказала: "Я его люблю и все буду терпеть". Когда Танечка уезжала к жениху, Батюшка плакал, просил ее одуматься, поехал на вокзал проводить ее и на вокзале просил ее только съездить в Алма-Ату и вернуться. Никто не знал другого случая, чтобы Батюшка был так настойчив. Танечка не вернулась. Жизнь ее сложилась очень несчастливо. Она перенесла много страданий, заболела туберкулезом и через два с половиной года умерла.

От многих бед спасал нас Батюшка, когда мы того и не знали, а когда знали, поражались его прозорливостью и силой молитвы. Иногда он требовал от нас какого-то решительного поступка, но чаще все происходило как-то тихо, спокойно, как вода в речке бежит. Тихое было

батюшкино водительство и заступничество. Три раза в Караганде подходила смерть к моему порогу, но Батюшка не отдавал и продлил мою жизнь.

Очень поразил меня Батюшка однажды тем, как он слышит, когда к нему обращаешься мысленно.

Однажды мы вдвоем с Р. Г. возвращались в Караганду из Сарани. Автобус вел молодой человек чеченской национальности. В пути нас обогнал другой автобус, и его водитель, тоже молодой русский парень, высунув из кабины голову, крикнул чеченцу со смехом: "Тащишься, как старая кляча!" Чеченец вспыхнул, нажал на большую скорость и погнал машину, чтобы обогнать обидчика. А тот тоже прибавил газу. Несется наша машина, подскакивает на неровностях дороги так, что люди, стоящие в проходе, головами о потолок ударяются. Ужас и страх сжали сердце. Вот шоссе делает зигзаг, огибая поле со скошенной пшеницей. И, к ужасу своему, мы видим, что шофер наш, чтобы срезать расстояние, съезжает с шоссе и гонит машину по бугристому полю. Автобус скачет по кочкам, качается с боку на бок, вот-вот сорвутся колеса, и автобус повалится, ломая наши кости. Дети плачут, все просят кондуктора остановить шофера, а она сама, бледная, как бума-

га, кричит: “Да кто его сейчас остановит, когда он в такой дикий азарт впал?!” Понимая, что мы на краю гибели, я стала молиться, мысленно взывать к Батюшке: “Батюшка! Отец Севастиан! Спаси! Помоги!” Смотрю в окно и вижу, что первый автобус остановился на шоссе, все пассажиры из него выходят, толпятся вокруг автобуса. Что такое? Колесо у автобуса свалилось. Наш шофер поехал тише, выехал на шоссе и, молча, проехал мимо первого, даже из кабины не выглянул.

На другой день была Всенощная под праздник. Я приехала в Михайловку рано и ждала в сторонке, когда Батюшка пойдет в церковь. Я хотела ему рассказать, сколько страха мы вчера натерпелись, а он сам спрашивает: “Это вы вчера мне кричали: “Батюшка, спаси да помоги?” — “Да, батюшка, я”. — “Так надо же, когда меня зовешь, все говорить: кто зовет, от чего спаси, а то мне же трудно. Слышу: “Спаси!” А кого? От чего? Ну, благополучно доехали?” Я просто обомлела: “Благополучно, батюшка”.

Чудеса у Батюшки все время, только не всегда их видим и не всегда понимаем. А иной раз, когда Батюшку в упор спросят о чем-нибудь, он скажет: “Откуда мне знать? Я же не пророк, я этого не знаю”. Вот и весь ответ. Иногда даже нахмурит-

ся. В 1956 году я тяжело заболела сердцем. Лежала дома, но на выздоровление дело шло медленно. Вдруг неожиданно у меня поднялась температура. С большим трудом, на уколах, меня довезли до больницы. Состояние было крайне тяжелое, температура — 40°. Оказалось, что у меня брюшной тиф. Надежды, что мое сердце справится с этой болезнью, почти не было. Положение было катастрофическое. Сознание было затемнено, ничего сообщить о себе не могла. Но Батюшка сам узнал, что со мной беда, и прислал ко мне о. Александра и м. Анастасию. Я лежала одна в изолированной палате. Когда увидела их обоих возле себя, сознание мое прояснилось. Я попросила сестру, чтобы никто не входил ко мне в палату. О. Александр исповедал меня и причастил. После причастия я сама прочла присланное с ними письмо от Батюшки. Оно было коротким, но дало мне силу и надежду: "Христос посреде нас! Многоуважаемая и дорогая Татьяна Владимировна! Ваша тяжелая болезнь не к смерти, а к славе Божией. Вам еще предстоит много потрудиться. Мы сейчас позаботимся о Вас. Иер. С. Фомин". После причастия о. Александр и м. Анастасия еще долго сидели у меня в палате. Молились, читали Евангелие. Я все ясно понимала. К ночи температура снизилась,

а на следующий день стала почти нормальной.

В сентябре 1958 года обстоятельства сложились так, что мне надо было срочно ехать в отпуск в Москву. С билетами в этот период было трудно. Мне пришлось ехать на станцию, записываться в очередь и сидеть там всю ночь, так как через каждые два часа делали перекличку записавшихся. Это была мучительная бессонная ночь на улице. К утру я получила хороший билет в купированный вагон. На следующий день я поехала к Батюшке. Он встретил меня, улыбаясь: "Достали билет? Хорошо, хорошо. Отслужим молебен о путешествующих. А на какой день билет?" — "На среду, батюшка". Он поднял глаза и стал смотреть вверх. Вдруг он насупился, перевел глаза на меня и сказала строго: "Нечего торопиться. Рано еще ехать в среду". — "Как рано, батюшка? Как рано? У меня же отпуск начинается, мне надо успеть вернуться, мне билет с такой мукой достался!" Батюшка совсем нахмурился: "Надо продать этот билет. Сразу же после службы поезжайте на станцию и сдайте билет". — "Да не могу я этого сделать, батюшка, нельзя мне откладывать". — "Я велю сдать билет! Сегодня же сдать билет, слышите?" — И Батюшка в сердцах топнул на меня ногой. Я опомнилась:

"Простите, батюшка, простите, благословите, сейчас поеду и сдам". — "Да, сейчас поезжайте и оттуда вернитесь ко мне, еще застанете службу", — сказал Батюшка, благословляя меня. Никогда еще Батюшка не был таким требовательным со мной.

Сдав билет, я вернулась в церковь. Настроение у меня было спокойное, было радостно, что послушалась Батюшку. Что же он теперь скажет?

Батюшка вышел ко мне веселый, довольный: "Сдали? Вот и хорошо. Когда же теперь думаете уезжать?" — "Как уезжать? Я же сдала билет". — "Ну что ж, завтра поезжайте и возьмите новый. Можете сейчас, по дороге домой, зайти на станцию и записаться в очередь. Ночь стоять не придется, домой поезжайте спать. А утром придете и возьмете билет". Я только и могла сказать: "Хорошо". Я ехала на станцию и думала: "Батюшка всегда так жалел меня, почему же сейчас так гоняет?"

На станции уже стоял мужчина со списком, запись только началась, и я оказалась седьмая. Я рассказала мужчине, что уже промучилась одну ночь, он сказал: "Я никуда не уйду, поезжайте домой, я буду отмечать вас на перекличках. Завтра приезжайте к восьми часам утра". И он пометил мою фамилию.

На утро я приехала, стала в очередь и взяла билет.

Перед отъездом отслужили молебен, Батюшка дал мне большую просфору, благословил, и я уехала.

Когда наш поезд приближался к Волге и остановился на станции Чапаевск, я увидела, что все пассажиры выскакивают из своих купе и приникают к окнам в коридоре. Я тоже вышла. "Что такое?" — спрашиваю. Один из пассажиров пропустил меня к окну. На соседних путях я увидела пассажирские вагоны, громоздившиеся один на другом. Они забили и следующую линию путей. Некоторые вагоны стояли вертикально в какой-то свалке. Всех объял страх. Бросились с вопросами к проводнице. Она объяснила: "Скорый поезд, как наш, тот, что в среду из Караганды вышел, потерпел крушение — врезался на полном ходу в хвост товарного состава, ну, вот, вагоны полезли один на другой. Тут такой был ужас! Из Куйбышева санитарные вагоны пригоняли. А эти вагоны еще не скоро растащат, дела с ними много. Товарные вагоны через Чапаевск не идут, их в обход пускают".

Я ушла в купе, легла на полку лицом к стене и заплакала: "Батюшка, батюшка! Дорогой батюшка!"

В 1959 г. я уехала в Москву насовсем. Батюшка отпустил меня, только сказал: "Приезжайте почаще". Я приезжала к Батюшке в отпуск. Батюшка говорил, что это редко. В 1965 г. меня известили, что Батюшка чувствует себя значительно хуже. Я написала ему в письме, что хотела бы подольше пожить около него и спрашивала его благословения. В ответ получила телеграмму: "Отец разрешил, приезжайте, ждем". Я ушла с работы осенью 1965 г. и уехала в Караганду.

Батюшка показался мне сначала таким же, каким был в мой последний приезд к нему в 1963 г. Состояние его не казалось мне угрожающим, думалось, что Батюшка поправится, и все будет по-прежнему. Иногда казалось, что ему становится лучше, что скоро он опять будет доступен всем. Но этого не произошло.

На десятый день после кончины Батюшки я уехала домой в Москву. Вышла в Москве с Казанского вокзала на Комсомольскую площадь. Все было знакомым с детства, но каким-то далеким. Как привыкнуть? Как жить так далеко от близкой сердцу Михайловки?

Сердце сжалось от боли и раскаяния. Вспомнила, что Батюшка говорил: "Ты опять пять лет не была?" — "Что Вы,

батюшка, какие пять лет?" Он был недоволен, что я, переехав в Москву, не каждый год приезжала к нему. Если бы можно было вернуть эти годы!

ПРОТОДИАКОН ВАСИЛИЙ ДЕНЕЖКИН

В 1937 году я и моя старшая сестра были осуждены по 58 статье на 10 лет лагерей. Этот срок мы отбывали в Карлаге. Находясь в девятнадцатом долинском отделении в 1943 году на Пасху я впервые услышал о батюшке Севастиане. Нам передали тогда из Караганды просфору с записочкой: "Кушайте, не сомневайтесь. Это служил иеромонах Оптиной Пустыни о. Севастиан". Мы были очень рады в день Св. Пасхи разговеться просфорой. Но тогда мы не имели возможности воочию увидеть Батюшку и получить от него необходимое нам духовное подкрепление.

Шли долгие годы ожидания. В 1947 году я был освобожден из лагеря и отправлен на высылку на Успенский рудник. Освободилась и моя сестра. Мы выхлопотали разрешение на то, чтобы сестра отбывала ссылку вместе со мной на Успенском руднике. В 1951-м году к нам с родины

приехала младшая сестра Ольга. Ей трудно было жить одной в сельской местности. Наши знакомые посоветовали Ольге съездить в Караганду к батюшке Севастиану. Она поехала, и Батюшка благословил ей остаться в Караганде и работать на Мелькомбинате. С этого времени через переписку с сестрой мы стали и к Батюшке ближе.

Батюшка был хорошо известен не только в Караганде, но и в разных уголках России. Кто побывал у Батюшки, принимал его благословение, вкусил его духовного наставления и утешения, тот сохранял добрую память о нем. Знакомый нам протодиакон Иаков, вместе с которым я отбывал в Карлаге свой срок, впоследствии, уже из Владимирской епархии, писал нам: "Вы пишите, что ваша сестра Ольга устроилась на Мелькомбинате, где и я бывал в 45-м и 47-м годах и куда нередко приезжает о. Севастиан, видеть которого и беседовать с ним было для меня сущим наслаждением". И в другом письме он писал: "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга". Любовь — вот истинное чудо. Батюшка Севастиан именно тем и важен, что он своею жизнью утверждает нашу жизнь, являясь истинным апостолом учения любви". И дальше помещался стих:

Во дни сомненья, лжи и святотатства,
Когда безумный мир купается в крови,
Он проповедует разноплеменным
братство,
И речь его полна Евангельской любви.

Не склонный к прениям, тщеславным и
ненужным,
Идет он, ученик Распятаго Христа,
Ко всем надломленным, скорбящим и
недужным,
Ко всем, слабеющим под тяжестью
креста.

И, проникая в глубь души духовным
оком,
Скорбит с печальными, спешит больным
помочь.
Он нам является подвижником, пророком
Светящим, как маяк, в глухую эту ночь.

Это письмо вызвало во мне еще большее желание видеть Батюшку. И в 53-м году, на Страстной седмице, получив на производстве недельный отпуск для обследования моей контузии, полученной при аварии в шахте, я собрался с большой поспешностью и с первым поездом отправился в Караганду. Приехав, я отыскал на Нижней улице дом № 59. Был Чистый Четверг. Батюшки дома не было, но вскоре он подошел, и следом принесли

крестить младенца. Я так соскучился по церковным обрядам, что осмелился попросить Батюшку разрешить мне присутствовать при крещении. Батюшка разрешил. После крещения он прилег отдохнуть, а матушки стали готовить трапезу. Мне же они дали "Жития святых" Димитрия Ростовского и попросили читать вслух. Как после длительной болезни выздоравливающий организм с жадностью принимает и усваивает пищу, так и я, изголодавшись по пище духовной, с усердием взялся за чтение книги.

Вскоре вышел из комнаты Батюшка, прочитал молитву, и мы сели за трапезу. Я вступил с Батюшкой в разговор и упомянул ему о нашем знакомом протодиаконе, с которым мы имеем переписку, и прямо за столом прочитал на память содержание его писем. Матушкам очень понравились стихи, и они попросили их списать. Я взглянул на Батюшку и сказал: "Пожалуйста, я спишу, если батюшка благословит". Батюшка немного помолчал и с улыбкой ответил: "Вас за это посадят". Батюшка не искал для себя славы, и мы впоследствии не раз в этом убеждались.

Пообедав, стали собираться на службу — чтение Двенадцати Евангелий. Батюшка предложил мне идти с ним и мы

пошли на Западную улицу в молитвенный дом. Там мы зашли в небольшую комнату, где находились три матушки. Одна из них, мать Анастасия, лежала на постели и стонала. Батюшка спросил: "Что с тобой, мать?" — "Голова болит, батюшка". "А зачем же ты к печке легла? Здесь жарко". Потом Батюшка зашел в алтарь и стал собирать все необходимое для службы. Разрешение на службы в молитвенном доме не было, в этот день служили в доме Поли-мордовки. Туда пришли певчие, и помещение из трех комнат было переполнено молящимися. Я стоял около певчих, молился и, не помня себя от радости, иногда задавал себе вопрос: "Не во сне ли это?"

На следующий день после службы Погребения Плащаницы я исповедывался у Батюшки. С детских лет я привык исповедываться и здесь я почувствовал, что батюшкина исповедь особенная, она дышит больше любовью, чем горестью. Когда я изложил все, что накопилось в моей душе за несколько лет, Батюшка накрыл меня епитрахилью и прочитал разрешительную молитву, слезы невольно текли по моим щекам. Я почувствовал такое душевное облегчение, будто я вновь народился на свет.

Вечером в Великую Субботу мы с сестрой Ольгой пришли в молитвенный дом.

Там собралось множество народа — все принесли освящать куличи и пасхи. Ждали Батюшку, он ходил в Михайловке по домам, освящал пасхи. Народ волновался, так как приезжала милиция, сказали: "Зачем священник по домам ходит? Пусть служит в молитвенном доме". Вскоре пришел Батюшка, ему сказали, что были из милиции и велели служить в молитвенном доме. Батюшка тоже разволновался и спросил: "А письменное разрешение они дали?" — "Нет". "Ну, значит служить нельзя, расходитесь по домам. А мелькомбинатские пусть небольшими группами заходят к нам на Нижнюю улицу, там освящу им пасхи". Мы зашли, Батюшка освятил пасхи, и Мелькомбинатские отправились домой напрямик через плотину и всю дорогу пели пасхальные ирмосы. Придя во втором часу ночи на Мелькомбинат, мы с сестрой и другими верующими пропели пасхальную утреню, прочитали обедницу, разговелись и утром, после короткого отдыха, собравшись группой, ходили по Мелькомбинату и славили Воскресшего Господа. Вечером мы пошли в Михайловку, где Батюшка на дому служил вечерню и утреню. После Богослужения он объявил, что завтра обедню будем служить на Стахановском, дом 8. Утром служба прошла торжественно, в молитвенном

настроении, несмотря на то, что в просторном доме большому количеству молящихся было очень тесно. После службы все собрались на общую трапезу, где я хорошо запомнил мать Анастасию. Она была такая радостная, все угощала меня пасхальным кушаньем, и моя душа ликовала вместе с ней.

На третий и четвертый день Пасхи служба проходила там же, на Стахановском переулке. Сколько нужно было терпения, чтобы в таких условиях служить изо дня в день многие годы!

Время моего отпуска заканчивалось, нужно было возвращаться домой. Взяв благословение у Батюшки, попрощавшись с младшей сестрой, я благополучно вернулся в Успенский рудник, где меня ждала старшая сестра. Я не знал, как благодарить Бога за посланное мне духовное утешение, особенно за встречу с Батюшкой. Человек, вкусивший духовной пищи, долго будет ощущать в душе своей умиротворяющее действие благодати Божией и стремиться еще и еще приобретать этот драгоценный духовный бисер.

В 1954 году нам пришлось пережить большое испытание. На рудник прибыли из Москвы доверенные лица и объявили, что мы здесь останемся под подписку на вечное поселение, и самовольный выезд

будет караться большим сроком заключения. Это был для нас удар — ведь мы так надеялись через два — три года переехать в Караганду. Одно утешение осталось для нас — поехать к Батюшке и излить ему своё горе. И на Рождество 1955 года, добившись разрешения начальства, я приехал на три дня в Караганду. Батюшка внимательно меня выслушал и, немного помолчав, сказал: "Не бойтесь. Все это постепенно пройдет, и вы приедите в Караганду на жительство". Как большая тяжесть спала с моих плеч.

В этом же году, получив на производстве очередной отпуск, я снова побывал у Батюшки. Он благословил меня остановиться на Мелькомбинате у сестры, с которой жили еще три девушки. Моя сестра имела большую веру к Батюшке, была ему предана. Она много рассказывала мне о посещениях Батюшкой Мелькомбината, о его духовных наставлениях и о той материальной поддержке, которую Батюшка многим оказывал. "Однажды к весне — рассказывала она — кончилась у нас картошка. Сидим мы, разговариваем, что надо бы поехать на базар, купить хоть немного картошки. А в окно посмотрели — везут нам на санках мешок картошки, и сзади Батюшка своим посошком помогает". Так мы с Ольгой беседовали, и она

говорила: "Когда я присутствую при отпевании Батюшкой его духовных чад, у меня возникает желание, чтобы Батюшка и меня отпел. Мне кажется, блаженны души тех людей, которых он отпевает и за которых молится". Так она говорила и Господь внял ее желанию. Вскоре у нашей Ольги признали рак печени. Удивительное терпение проявила сестра во время болезни. Она отказалась ложиться в больницу и не принимала никаких лекарств, всецело положившись на волю Божию. Батюшка часто проведывал ее. Недели за три до Ольгиной кончины старшая сестра видит во сне: будто она находится в Ольгиной комнате, и Ольга ей говорит: "Посмотри, что Батюшка приготовил мне". Открыла гардероб, а там одежда сияет золотым светом и такой же золотой венец. Старшая сестра, увидев этот сон, на другой же день поехала в Караганду и рассказала о нем Батюшке. Он сказал: "Не я ей приготовил это, а Господь за ее терпение благословил готовить иноческую одежду". И совершил над Ольгой иноческий постриг. Когда Ольга умерла, Батюшка ее отпел. Это было 1 апреля 1956 года. Возвращаясь после похорон на Успенский рудник, я с грустью размышлял: "Когда теперь я вновь приеду в Караганду? Когда помолюсь в храме, увижу Ба-

тюшку, и всех тех, кто стал дорог моему сердцу?" Но промысел Божий судил иначе. Через две недели из Москвы был получен пакет особого назначения, содержание его было такое: "10 апреля 1956 года постановлением генерального прокурора СССР с вас снята высылка. На полных правах гражданства вы имеете свободный выезд по всему Советскому Союзу". Мне пришлось лично самому пережить эту радость и принимать участие в радости других, так как я был почтовым работником. Полетели телеграммы родным и близким во все уголки России, стали поступать заявления на расчет по причине выезда, и производство — не задерживало. Подал на увольнение и я. Начальник почты дружественно пожал мне руку и подписал заявление. Исполнилась наша заветная мечта о переезде в Караганду. Наскоро собрав свои скромные пожитки и погрузив их на машину, мы со старшей сестрой приехали на Мелькомбинат в Ольгину квартиру. Это было в среду Светлой седьмицы. А другой день был 40-м по смерти Ольги. Батюшка и все Мелькомбинатские собрались в ее доме.

Пролетели Пасхальные дни, за ними Радоница, и мне нужно было определяться на работу. Батюшка благословил работать при церкви кладовщиком. Старостой

церкви был тогда Павел Александрович Коваленко, и он был доволен мною, так как обязанности, возложенные на меня, я выполнял успешно. Но бывало, по незнанию, нарушал батюшкино благословение. Так, однажды осенью, под праздник Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова староста послал меня в поселок Дубовку, где наши рабочие ремонтировали дом, в котором обычно служил Батюшка. Я посмотрел, что работа подходит к концу и, когда рабочие спросили у меня до которого часа работать, я, подумав, что к пяти часам они работу закончат, сказал, что работать до пяти часов. Они так и сделали. А когда приехали в Михайловку на всенощную, которая началась тоже в пять часов, прошло уже половина службы. Так как Батюшка особенно чтил Иоанна Богослова, он подозвал меня и сделал строгое замечание. Я попросил прощения, но этот случай надолго остался в моей памяти.

Батюшка не любил благословлять своих чад ездить в отпуск в другие края к родным или знакомым и часто говорил: "Я вот двадцать пять лет никуда не ездил и не имею желания ехать. Святые Отцы говорят: "Каким из обители выйдешь, таким не вернешься". В пути и на отдыхе, общаясь с людьми разного рода, рассеиваешь все духовное, что с трудом соби-

рал много времени". Один прихожанин рассказывал: "Через несколько лет после окончания войны родные стали звать меня приехать с ними повидаться. Я пошел к Батюшке за благословением, а он не благословляет, говорит: "У тебя же корова, поезжай в совхоз и заработай ей на зиму корма". Я пришел, говорю своим, что Батюшка ехать к родным не благословляет. Они стали возражать — ты, мол, не сумел ему разъяснить, мы пойдем и сами упросим Батюшку. Пошли жена с дочерью, стали упрашивать — ведь столько лет не виделись — и упросили, Батюшка благословил. Я поехал, повидался с родными, при свиданиях там и выпивка в ход пошла, от которой я было отвык. Вернулся к осени домой, а скотина осталась без корма. Но главное — старая болезнь возобновилась". Из этого можно сделать вывод, что слушать Батюшку нужно с первого слова.

Батюшка заботился обо всех, кто обращался к нему за помощью. Так он узнал, что в Одессе в тяжелых условиях находится парализованный священник, знакомый ему по Оптиной Пустыни, и просит Батюшку забрать его в Караганду. И Батюшка не отказал. Священника привезли, поселили в отдельном домике, где за ним хорошо ухаживали и часто вози-

ли в храм на богослужения. Священник со слезами благодарил Батюшку, а через два года умер с подобающим приготовлением.

Но иногда Батюшка нес скорби, которые доставляли ему те, кому он помогал. Так, в начале 50-х годов к Батюшке обратился иеромонах Антоний, и Батюшка принял его, и благословил вместе с собой служить. Этот иеромонах имел впечатляющую наружность, красивый голос. Он увлек на свою сторону многих батюшкиных чад, в том числе и самых близких. Отец Антоний возымел желание отправить Батюшку за штат и самому обслуживать его приход. С этой целью он отправился в Алма-Ату к преосвященному митрополиту Николаю. Вместе с ним Батюшка благословил ехать пономаря и члена ревизионной комиссии Павла Кузьмича.

"Когда мы зашли в приемную Владыки Николая, — рассказывал впоследствии Павел Кузьмич, — о. Антоний стал говорить, что о. Севастиан старый и слабый, что на приходе мать Груша всем командует". "Ну, хорошо, — сказал Владыка — о. Севастиана отправим за штат, а вас назначим на его место". Когда я услышал эти слова, у меня полились слезы, я упал Владыке в ноги и стал просить его ради Христа не отправлять Батюшку за штат:

“Ведь он стольких людей поддерживает, среди них есть больные, парализованные, как освободившийся из Долинки иеромонах Пармен, которого Батюшка тоже взял на свое обеспечение. Они погибнут без его помощи”. Так я слезно умолял Владыку. Владыка понял, что о. Антоний ввел его в заблуждение, встал с кресла, подошел ко мне и поднял с колен со словами: “Брат, не плачь так. Отца Севастиана оставим на своем месте, пусть служит, как служил, успокойся”. Так Павел Кузьмич защитил Батюшку.

В 1957 году была образована Петропавловская и Кустанайская епархия, в состав которой вошла Караганда. На кафедру этой епархии был назначен освободившийся из Карлага Владыка Иосиф (Чернов). Он стал часто бывать у нас. В Караганде было три прихода — на 2-м руднике, в Тихоновке и в Михайловке. Наш приход очень полюбился Владыке своим молитвенным духом и, совершая богослужения в других храмах Караганды, он всегда приезжал ночевать к Батюшке и нередко беседовал с ним.

В 1958 году наш староста Павел Александрович Коваленко принял священный сан. Батюшка позвал меня к себе и предложил должность старосты. И, как я ни отказывался, ссылаясь на свою неопыт-

ность в хозяйственных и строительных делах, мне пришлось за послушание принять эту должность и двадцать лет трудиться на этом поприще.

Свое возведение в сан архимандрита Батюшка принял с глубоким смирением. Как-то после службы, держа в руках митру, он сказал: "Вот — митра. Вы думаете она спасет? Спасут только добрые дела по вере". Батюшка на деле исполнял слова Евангелия: "Кто из вас хочет быть первым, да будет всем слуга". Он жертвовал своим монашеским покоем, часто принимал вместо благодарности упреки. Иные из духовенства и монашествующих, не понимая сути старческого служения, делали ему замечания: "Вот, о. Севастиан все с девчатами водится". В таких случаях Батюшка никогда не объяснялся и не оправдывал себя. Он считал своим святым долгом спасать христианские души. Он имел в своем пастырском сердце самоотверженную христианскую любовь. Он возносил горячие молитвы к Богу за тех, кого Господь вверил ему и за весь мир, обуреваемый волнами житейского моря. Батюшка молился за живых и особенно любил молиться за усопших. Эту любовь ознаменовала его кончина. Он встретил Пасху с живыми и на Радоницу перешел в Горний мир разделить пасхальную радость с усопшими.

Пишущий эти строки неоднократно испытывал на себе отеческую любовь и силу молитв старца, и в простом повествовании изложил то, что сохранилось в памяти, чтобы не предать забвению его дорогие для нас слова и дела.

ПРОТОИЕРЕЙ ЕВСТАФИЙ ПРОКОПЧУК

Храм Рождества Пресвятой Богородицы г. Караганда

О старчестве и о старцах я знал еще с младенческих лет. Родился я на Украине в религиозной семье. В нашем роду были лица духовного звания, монахи и поэтому в доме часто велись разговоры на духовные темы, в том числе и о старчестве. И среди этих разговоров запало мне в душу желание: как бы в жизни своей найти мне старца. Но так Господь дал, что против моей воли в 1945 году меня повезли в Караганду для работы на шахтах. Я ехал и думал, что здесь, в этой глухой степи, могут жить только одни безбожники. Но оказалось, что кроме вольнонаемных, на шахтах работало много спецпереселенцев, которые, в большинстве своем, были верующими людь-

ми. И от них я услышал, что здесь, в степи, в поселке Большая Михайловка, есть старец о. Севастиан. И услышав, я стал к нему стремиться. Поскольку Большая Михайловка находится от Кировой шахты на расстоянии десяти километров, а транспорт в то время был только гужевой, я, за неимением лошади, какимто образом раздобыл велосипед и поехал в Михайловку. Там я нашел Нижнюю улицу, отыскал по номерам батюшкину землянку, слез с велосипеда, остановился у двери... и меня охватил страх: как мне, такому грешному, войти в келью старца? Я присел на корточки и заплакал... Но все-таки, собравшись духом, я решил войти. Постучался, дверь открыла матушка, впустила меня в комнату и предложила сесть. Батюшки дома не было, а когда он пришел, я встал, чтобы взять благословение. Но Батюшка прошел мимо меня к угольнику, перекрестился, поклонился три раза, подошел ко мне и благословил. Я смотрел на него и думал: "Вот, Господь привел меня к старцу". Это было в 1948 году. У меня был к Батюшке вопрос, касающийся моей личной жизни. Я познакомился с девушкой и хотел с ней повенчаться. Батюшка выслушал меня и благословил приехать к нему вместе с ней. Мы приехали, Батюшка нас повенчал,

дал нам наставление, и с того времени мы стали ездить к нему постоянно, мы стали "батюшкиными". А Батюшка в разговорах нет-нет да и назовет меня: "Отец Евстафий!" Я не придавал этому значения, думал, что "отец" — это значит отец семейства. Но мать Александра сказала: "Наверное вы будете служить, раз Батюшка вас отцом Евстафием называет". И у меня зародилось желание ехать учиться в семинарию. Я сказал об этом Батюшке, он благословил, и я стал готовиться. Но ехать все не мог решиться. Год проходит, другой... И уже решил я, что учиться мне не придется, как однажды, когда я занимался дома строительными работами, неожиданно, с невероятной силой, в моем сознании возникла мысль: "Еду в семинарию!" Я сразу все бросил, сел на лавочку и опять: "Надо ехать!" Я встал, подошел к жене и сказал ей определенно: "Я еду учиться". И все. Батюшка меня благословил, я поехал, поступил и стал учиться.

Когда я заканчивал учебу, у меня были предложения оставаться служить в России. Я написал об этом Батюшке, а он ответил: "Напишите ему, чтобы ехал сюда". И я возвратился в Караганду. Мне надо было принимать священный сан, и Батюшка говорил мне об этом, и еще гово-

рил, что жизнь надо целиком посвятить Богу и Церкви. Впрочем, он не настаивал. Его слова были: "Как поступишь, так и будет". И снова я медлил, снова откладывал. Я хотел быть священником, но я не могу точно объяснить, почему я не принимал сана, может быть по воле Божией надо было совершиться тому, что совершилось. Но мне надо было кормить семью, и я опять пошел работать на шахты, а в свободное время я ходил к Батюшке в церковь и пел на клиросе. В церкви монахини мне говорили: "Старческое благословение так не проходит. Вы все равно должны быть священником". А надо сказать, что шахтерское дело я тоже очень любил, я считался лучшим работником и выполнял такие сложные работы, где трудно было остаться живым. И работа втянула меня, я ходил в церковь все реже, реже, а Батюшка слабел.

И вот однажды я встал в пять часов утра, чтобы идти на смену, вышел на улицу, — на улице тепло, но пасмурно, идет легкий дождь. Я посмотрел на небо и вдруг: "Батюшка умер!" — сразу такое чувство возникло, как что-то оборвалось. Я захожу в комнату и говорю своим: "Батюшка умер". Они: "Как? Что? Откуда ты знаешь?" И здесь в окно стучит соседка, ей по телефону сообщили: "Батюшка умер".

Я поехал на шахту, отпросился с работы, поехал в Михайловку.

Через день мы Батюшку похоронили. И когда я возвращался с кладбища, я решил, что Батюшка умер — и мое все пропало. Мои стремления, моя учеба в семинарии, — все было напрасно. Батюшка умер — все пропало, пропал и я. И в такое я пришел чувство, что меня не радовало ничего: ни семья, ни работа, ни жизнь. Я до того дошел, что решил, что и сам я безнадежно пропал, что мне на этом свете нет уже места и в будущем веке тоже не будет. Только ад мне — и все. Так я себе заключил после похорон Батюшки и никому об этом не говорил ни слова. Я посчитал, что мне уже никто не поможет, и я ни к кому не обращался.

И в первую ночь после похорон во сне я вижу — сад! Но не передать словами, какой это сад! У него не видно ни конца, ни края. И деревья высокие-высокие стоят, а за деревьями, еще выше их, виднеются огромные золотые купола и золотые сияющие кресты. Я смотрю и удивляюсь: какие церкви! Какие соборы! И в саду, в обители этой солнца нет, а свет исходит. И я вступил на самый краешек этого сада. Посмотрел вперед и вижу — Батюшка идет. В черной рясе, скуфеечка

на нем, в руке посох — как всегда он ходил. А сам сияющий, помолодевший, сила в нем чувствуется. И с ним монах его сопровождает. И будто кто-то мне сказал: “Этот монах показывает Батюшке его небесную обитель”. Я подхожу под благословение, Батюшка меня благословляет и говорит: “Ты, Евстафий, ко мне иди!” Два раза он так сказал, я поцеловал его руку — она была теплая, как обыкновенно.

И этот сон, это видение, батюшкины слова и его благословение удержали меня от полного отчаяния.

Но тем не менее, в батюшкину церковь я перестал ходить. Мои приятели по работе пригласили меня петь с ними в церкви на 2-м руднике, и я стал ходить туда.

Прошло 10 лет. Я так же пел в хоре и работал на шахте. В 1976 году на одной выработке надо было произвести следующую операцию — снять на проходке вентилятор местного проветривания, который был подвешен к кровле шестиметрового штрека. Для безопасности под вентилятором были выложены стеллажи из брусьев, которые, в случае падения вентилятора, удержали бы его. Я приступил к работе. Сначала отсоединил от вентилятора все, что касалось электрической части, и вентилятор остался висеть на

подвесках. Теперь, чтобы снять его с подвесок, надо ударить по штырю, которым он крепился к подвескам и выбить штырь. И тогда вентилятор упадет на стеллажи. Я осмотрел стеллажи и так рассчитал: я встану на соседнюю площадку, ударю по штырю, вентилятор упадет на стеллажи, и если они не выдержат его веса и рухнут (а он весил 300 кг), я на соседней площадке останусь в безопасности. И я приступил к делу: ударил по штырю, он дал посадку и чуть-чуть задержался. Я еще раз нанес удар, вентилятор упал на стеллажи, и стеллажи выдержали его вес. Но подо мной все ломается, и я падаю вниз. И когда подо мной все рухнуло, первая мысль, которая пронзила меня в тот момент, была: “Все это за ослушание старца!” И я упал с шестиметровой высоты на спину, в грязь, в болото. Каска с прожектором ушла в сторону и прожектор так осветил пространство, что я увидел, как оборвался край стеллажа и вентилятор по брусьям, как по горке, катится прямо на меня. И когда я это увидел, другая мысль пронеслась в моем сознании: “Повернись на левый бок!” Все это произошло в доли секунды. Я каким-то чудом успел повернуться на бок, вентилятор пронеся мимо меня, только немного задев меня по тазу. Ко мне подбежа-

ли испуганные рабочие, я попытался встать, но ноги у меня не действовали. В штрек спустилась "скорая помощь", меня подняли на поверхность и увезли в больницу.

И в первую ночь, проведенную мною в больнице, я снова вижу удивительный сон: я в больнице, но больница эта не на земле, а на воздухе. И так в ней тихо, светло, но свет какой-то не нашенский. Я лежу, и больные лежат, и вижу: прямо по воздуху идет, уже покойный тогда, о. Александр Кривоносов. Через открытое окно он входит в больничную палату, подходит ко мне и подает белое-белое белье и две белые просфоры. И я проснулся. Мне стало радостно, и после этого сна я оживился духом.

В больнице я провел три месяца. Когда меня выписали, я мог ходить уже без костылей. Я сказал себе: "Будь, что будет!" и пошел потихоньку, опираясь на палочку, в Михайловскую церковь. Я шел и думал: "Если примут меня в хор, буду петь. А если не примут, все равно буду ходить сюда, как все прихожане". Пока я дошел до церкви, там пели уже Херувимскую песнь. Я вошел, и у меня полились слезы. Я перекрестился, поклонился и мысленно обратился к Батюшке: "Батюшка, прости заблудшего сына!" Тут певчие уви-

дели меня, позвали на клирос. И на клиросе, уже после службы, мать Анастасия мне сказала: "Тебе будут предлагать принять священный сан, смотри, не отказывайся. Это будет тебе последнее предложение". Тогда я определенно уже ответил: "Матушка, я готов".

Но вот проходит время, я жду, жду, а мне не предлагают, посвящают других. Раз меня обошли, другой обошли. Уже и мать Анастасия умерла, а меня все обходят, и я молчу.

И опять мне снится сон: идет Литургия. Служит батюшка Севастиан, но на нем архиерейское облачение — саккос, омофор, митра, все золоченое и такой красоты, какой я никогда в жизни не видел. Я стою на клиросе и готовлюсь причащаться. А в церкви только дети. Батюшка вышел с чашей на амвон, дети окружили его и ждут причастия. Я спустился с клироса и жду, пока дети причастятся. А дети вдруг расступились и дают мне дорогу: "Проходите!" Я прошел, подошел к Батюшке, и он причастил меня двумя частицами. И, причастившись, я проснулся.

И в этом же году, в Неделю Торжества Православия я принял хиротонию во диакона, а на следующий день во иерея.

Итак, тридцать лет, как один день, я проработал на шахтах и уже восемнадцать лет служу в священном сане в Рождество-Богородичной церкви, основанной и построенной старцем Севастианом.

И верю, что Господь, еще в детстве моем вняв желанию моего сердца — найти старца, и до сего дня, милуя меня и наказуя, хранит мою душу под покровом старческой молитвы.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АГАФОНОВА

Я приехала в Караганду в 1960 году из Алма-Аты. Мне было двадцать лет. В день моего приезда батюшки Севастиана в Михайловке не было, он уехал на Мелькомбинат. Меня радушно встретила мать Анастасия, накормила борщом и повезла на Мелькомбинат к Батюшке. Мы стояли с ней на остановке возле четырехэтажного панельного дома, и матушка обратилась ко мне: "Лена, а хорошо жить в таком доме на первом этаже!" Тогда я не придала значения матушкиным словам, а сейчас я живу именно в таком доме на первом этаже.

Когда приехали на Мелькомбинат, Батюшка как раз закончил молиться и вы-

шел из дома. За ним вышел Петя, его шофер. Батюшка очень ласково посмотрел на меня, благословил, а мать Анастасия говорит Петру: "Петя, бери Лену на руки, неси ее в машину!" Он отвечает: "Матушка, да ведь она вон какая большая!"

Давно умер Батюшка, умерла и мать Анастасия, но жив игумен Петр, и его молитвы очень меня поддерживают.

Батюшка Севастиан благословил меня остановиться у матери Агнии, потом приехала ко мне моя мама, и Батюшка купил нам отдельный домик. И я жила в Караганде до батюшкиной кончины. Это время, проведенное при Батюшке, — самое счастливое в моей жизни. Тогда не было у меня никаких забот, ни волнений, и все проблемы, за батюшкины молитвы, решались очень просто.

В Михайловке у Батюшки было много девочек, монахини были, и молитвы старца так объединяли нас, что жили мы все, как одна семья. Вот, например, Батюшка исповедует, и все мы стоим, затаив дыхание. Батюшка кому-то дает назидание, что-то говорит, разрешительную молитву читает, и в этот момент чувствовалось, будто стоит один человек, и один человек исповедуется. Батюшкиной заботой все связывалось в единый союз люб-

ви. И Батюшка очень дорожил этим союзом и часто нам говорил: “Девочки, ешьте, пейте, спите сколько вам угодно, только живите мирнее”. Батюшка видел трудную жизнь человека и своим вниманием, теплотой своей души старался ее облегчить. Но если человек подходил к нему испытующе или затаив что-то недоброе в сердце, Батюшка бывал тогда очень строг. Однажды после службы, выйдя из алтаря и проходя по храму, Батюшка вдруг остановился около одной незнакомой нам женщины и неожиданно почти вскрикнул: “Что я знаю?! А?! Я знаю, какой сегодня день, какое число и больше я ничего не знаю!” Это было так строго сказано, что мы остолбенели. Оказалось, что эта женщина пришла испытать Батюшку.

Но все же я скучала по Алма-Ате. Сидим за столом, я об Алма-Ате задумаюсь, а Батюшка скажет: “Ленушка, скучаешь по Алма-Ате?” И в отпуск благословлял меня ездить в Алма-Ату. Я собираюсь, а он дает мне много денег и говорит: “Вот, возьми, Ленушка, поменяй на мелкие и в Никольском соборе раздай нищим, что сидят по обе стороны ступеней. Пусть знают меня в Алма-Ате и обо мне помолятся”. И Батюшка давал мне много хлеба, чтобы я разда-

вала его в Алма-Ате своим знакомым. И мать Анастасия передавала в Алма-Ату хлеб. А мать Агния передала однажды письмо для Владыки Иосифа, и когда я пришла к Владыке, и мы беседовали с ним о батюшке Севастиане, Владыка сказал: "Любите его, жалейте его, носите его на ручках". И вскоре сделали для Батюшки кресло и стали на ручках его носить.

Как-то однажды, незадолго перед кончиной Батюшки, в келье его собралось много девочек, и Батюшка вел разговор о вечности: о вечной жизни и бесконечном блаженстве святых. Ему задали вопрос о святых мощах: как Господь прославляет тела? И Батюшка с нами беседовал, все рассказывал, а в конце разговора окинул нас своим взглядом, улыбнулся и тихонечко сказал: "Через тридцать лет мое тело из земли будет поднято".

Летом 1968 года со стороны Китайской Республики была предпринята попытка перехода советской границы в районе озера Жоланошколь Семипалатинской области. Китай претендовал на часть земель Казахстана. Я жила тогда в Алма-Ате. В этот период в атмосфере города чувствовалась тревога, и лица горожан были скорбны, все переживали. Верующие спешили утром в Никольский кафедральный со-

бор. И вот, после Литургии, вышел на амвон клирик Никольского собора о. Павел Милованов* и обратился ко всем молящимся: "Братья и сестры! Помолимся Господу, попросим Царицу Небесную и всех Святых угодников Божиих, чтобы умилостивился над нами Господь и отвратил от нас бедствие". Отец Павел и все молящиеся опустились на колени. Батюшка читал со слезами молитвы, и все молились и плакали. Потом все приложились ко кресту, о. Павел всех благословил и стали потихоньку расходиться.

В эту ночь я вижу такой сон: служба в Никольском соборе закончилась, и все потихоньку расходятся. Я последняя сошла с высокого крыльца собора, повернулась, чтобы перекреститься, и только подняла руку для крестного знамения, как вижу, что выходит из храма на крыльцо батюшка Севастиан и останавливается наверху у ступеней. На нем белый холщевый подрясник, голова не покрыта. От Батюшки исходит свет, глаза обращены к небу, по щекам стекают ручейками слезы, а слова его молитвы были такие: "Господи, прости их! Господи, помилуй их!" Молитвенный голос Батюшки я слышала очень четко. И я проснулась. Было три часа ночи. Я сразу

* В монашестве иеромонах Исаакий († 1991)

вспомнила, как, отправляя меня в Алма-Ату, Батюшка давал хлеб и деньги, чтобы в Алма-Ате его знали.

ПРОТОИЕРЕЙ ВАЛЕРИЙ ЗАХАРОВ

Настоятель Свято-Никольского собора города Алма-Аты

В 70-х годах митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) в одной из своих проповедей говорил такие слова: “Мы, алма-атинцы, живем у подножья Тянь-Шаньских гор. И, с одной стороны, мы счастливы тем, что красота этих гор радует глаз человека, но, с другой стороны, горы таят опасность землетрясений и селевых потоков. Но Алма-Ата никогда не будет снесена селем и никогда не будет разрушена землетрясением, потому что у нас есть замечательные молитвенники в лице Митрополита Николая* и схиархимандрита

* Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский) 1874–1955 гг. После 10-летнего пребывания в лагерях и ссылках управлял Алма-Атинской и Казахстанской епархией с 1945 по 1955 гг. Похоронен на Центральном городском кладбище.

Севастиана". Владыка Иосиф так говорил, и это я помню точно.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИТРОПОЛИТА ВОЛОКОЛАМСКОГО И ЮРЬЕВСКОГО ПИТИРИМА

... В 1966 году я был включен в состав паломнической группы, следовавшей на Святую Землю. Возглавлял нашу группу тогдашний Председатель Отдела внешних церковных сношений, ныне покойный уже Митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим. Поездка предполагалась очень ответственной — мы должны были решить множество вопросов относительно нашей Духовной Миссии в Иерусалиме.

Накануне отъезда, в первых числах апреля я позвонил в Караганду отцу Архимандриту Севастиану, попросил его святых молитв и благословения в дорогу. Но неожиданно для меня Старец посоветовал мне отказаться от этой поездки. — "Так надо, потом поймешь", — сказал он мне тогда по телефону. Его ответ просто ошеломил меня, я был в полной растерян-

ности и недоумении: с одной стороны я всегда верил и следовал благословению Старца, но с другой стороны, думалось мне, — как я объясню свой отказ Митрополиту?

Решение пришло совершенно неожиданно. — Перед самым отъездом, буквально накануне вечером у меня появился сильнейший жар — температура поднялась до сорока градусов. Было очевидно, что поехать я не смогу. Я позвонил Владыке Никодиму и сообщил ему о случившемся. Кажется, Митрополит тогда был очень расстроен, что моя поездка не состоится. Мы поговорили с ним по телефону, обсудили наши дела, он пожелал мне скорейшего выздоровления.

Прошло несколько дней и вдруг раздается звонок из Караганды — от о. Севастиана — меня просят, чтобы я немедленно вылетал к нему. Как же я был удивлен тогда: Старец буквально "отговаривал" меня от такой ответственной поездки на Святую Землю, а тут вдруг: "Срочно вылетай". Но я поспешил исполнить благословение о. Севастиана, к тому же и чувствовал я себя уже гораздо лучше.

16 апреля, в субботу, я прилетел в Караганду и сразу же с аэродрома поехал к Старцу. — Выглядел он очень плохо. Был

совершенно слаб. — Таким, наверное, я никогда, ни при какой болезни его не видел... Он просил меня постричь его в схиму... Сразу же начались приготовления, откладывать далее было уже нельзя — Старец был очень слаб.

Благодарение Господу, все удалось очень успешно: несмотря на изнеможение и слабость, о. Севастиан был в полной памяти, и нам удалось тогда же совершить пострижение его в великий ангельский образ.

Я был около Старца буквально до последних часов его жизни. Той же ночью, после пострижения в схиму, ему стало очень плохо, он поисповедывался, причастился. Жаловался, что испытывает томление духа и тела.

19 апреля Старца не стало...

Святейший Патриарх Алексий I выслал на мое имя в Караганду сочувственную телеграмму, выразил соболезнование по случаю кончины о. Севастиана и благословил меня совершить погребение Старца.

21 апреля я в сослужении клира церкви совершил заупокойное богослужение и затем погребение о. Севастиана на городском Михайловском кладбище.

Господь и Бог наш, Иисус Христос да учинит душу раба Своего, схиархимандрита Севастиана идеже праведнии упокое-

ваются, с праведными сопричтет, и нас помилует, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ,

настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде

Пятнадцать лет мне было, когда в 1956 г. мы по благословению Батюшки из Тамбовской области приехали в Караганду. Я закончил школу, был при родителях. На Воздвижение Креста Господня Батюшка благословил меня в алтарь и благословил стихарь. И с того времени по праздничным дням я стал прислуживать в алтаре.

Пришло время мне идти в армию. В тот день, когда принесли повестку на первую комиссию, Батюшка приехал на Мелькомбинат, где жили и мы. Я подошел к Батюшке взять благословение идти на комиссию, и сразу же были его пророческие слова: “Бог даст, тебя не возьмут, Шура”. И, действительно, когда я пришел к терапевту, и мне измерили давление, оно оказалось повышенным. Врач на-

правил на обследование, дали мне отсрочку на месяц, потом на год, на два. Потом я ежегодно проходил комиссию, давление так и оставалось повышенным. И через несколько лет мне выдали военный билет. Таким образом, в армию я не пошел. Но первые слова были батюшкины: "Бог даст, не возьмут".

Первые четыре года наша семья проживала в небольшой землянке из двух комнат, а в 61-м году, по благословению Батюшки, мы купили домик побольше. И когда Батюшка пришел его освящать, остался у нас ночевать. Надо сказать, что когда Батюшка приезжал на Мелькомбинат, сразу собирался народ, человек шестьдесят и более. Не надо было никого приглашать, все оставляли свои дела и приходили, чтобы помолиться и потрапезничать с Батюшкой. Если это были именины или другое семейное торжество, то торжество было всеобщее, торжество для всех. И вот, Батюшка освятил наш дом, народ уже разошелся, мы сидели с ним за вечерним чаем, Батюшка говорит: "Шура, вам бы нужно на окна ставни сделать". Я говорю: "Батюшка, да здесь много кое-чего нужно", — и не взял во внимание его слова, так как работы по дому было много. И вот что произошло. Месяца через два, в вечернее время в окно ком-

наты, где жил наш дедушка, хулиганы бросили кирпич, который пролетел мимо головы дедушки и упал в углу. Тогда я вспомнил, что надо ставни сделать, и мы с дядей быстро выполнили это благословение.

У Батюшки не было пустых слов, а что скажет, то уже нужно брать благословение и выполнять.

Еще с дедушкой такой был случай. Он был старенький, страдал склерозом и иногда, бывало, пораньше встанет, потихоньку откроет дверь и убежит. Тогда я садился на велосипед и по Мелькомбинату его разыскивал. И однажды глубокой осенью, когда уже выпал снег, дедушка ушел из дома. Мы весь вечер его проискали и утром пошли к Батюшке: "Батюшка, дедушка пропал, не можем его найти". — "Ну, ничего, Бог даст, придет", — были батюшкины слова. Дедушки не было две недели. Где только мы не искали его: в больницах, моргах, в милицию заявляли, не знали уже что подумать. Приходим к Батюшке: "Батюшка, а может, его убили?" Батюшка как бы соглашается: "Может, и убили". — "А может, еще что-то сделали?" — "Может быть, и это". Но первые слова старца были: "Бог даст, найдется". И через две недели дедушку приводит домой сосед — он встретил его на

остановке. И так до сих пор остается загадкой, где был дедушка две недели.

Еще один случай очень интересный. В один год в Караганде был неурожай на картофель, и Батюшка своим чадам давал осенью картофель по мешку или по два на семью. В том числе дал мешок картофеля нашему дяде, семья которого состояла из трех человек. Прошла зима, и перед Пасхой дядя пришел домой и говорит своей супруге: "Шура, у наших соседей по батюшкиному благословению картошка не убывает. Им дали мешок, они всей семьей ели, и картошка не убывает". — "А мы-то с тобой, — говорит жена, — тоже картошку не покупали, а всю зиму ее варили, и у нас-то, посмотри, еще картошка есть". Вот такое чудо. Как бы незаметно, а то, что было по благословению, не убавлялось.

Как я поехал в семинарию.

Я не собирался быть священником, и Батюшка никогда со мной об этом не говорил. По его благословению я закончил ФЗУ, приобрел специальность столяра-мебельщика, работал на мебельной фабрике и в свободное время помогал в церкви. Через два месяца после смерти Батюшки, когда настоятелем стал о. Александр Кривоносов, он вызывает меня к себе и спрашивает: "Саша, ты не жела-

ешь поехать учиться в семинарию?" Вопрос был для меня неожиданным, я не задумывался об этом и определенного ответа о. Александру не дал, сказал: "Пойду с мамой посоветуюсь".

Вечером мы с мамой прочитали вечернюю молитву, над моей кроватью висит портрет Батюшки, и я его попросил, чтобы он каким-то образом указал мне, как поступить. Я лег спать и вижу интересный сон: будто Батюшка в доме о. Петра и куда-то собирается идти. Я хочу подойти к нему с намерением спросить о том, как мне поступить, но меня опередила какая-то женщина со своим вопросом. Женщина побеседовала, отошла, но я почему-то не подхожу к Батюшке, а он в это время открыл калиточку, вышел и пошел по Весеннему переулку к дому, где жили матушки. Дошел до их калиточки, открыл ее и скрылся.

Возвращаюсь я в дом о. Петра, а там сидит мать Анастасия, и свой вопрос я задаю ей: "Матушка, о. Александр спросил меня, не желаю ли я поехать учиться в Духовную Семинарию". Матушка так пристально смотрит мне в глаза и говорит: "А ты что хочешь, что бы тебе и здесь было хорошо, и там?"

И когда я этот сон увидел, а это было в четыре часа утра, я всех домашних раз-

будил и рассказал его — под таким я был впечатлением.

Наутро я иду в Михайловку и уже наяву все рассказываю матушке Анастасии, а она, в свою очередь, мне отвечает: “Ну, вон чаво, — с таким деревенским акцентом, — иди к мать Агнии”, — и отослала меня к другой старице. Та выслушала и сказала: “Нет уж, я ничаво не знаю, как мать Анастасия решит”. Понимаете, смирение великих людей, когда они от себя отталкивают. Так вот и покойный Батюшка. Частенько провожаем его из храма до кельи, и кто-нибудь по пути спрашивает: “Батюшка, вот у меня девочка больная или супруг болен”. — “Да вы обращайтесь, — скажет, — к врачу, вон там есть Ольга Федоровна, она вам посоветует”. Сам помолится, поможет, но от себя как бы отодвинет. Вот, так и эти старицы, как футбольный мяч, одна к другой отправляют. Прихожу снова к матери Анастасии: “Матушка, — говорю, — меня мать Агния снова к Вам прислала”. — “Ну, хорошо, — говорит, — (а здесь как раз в это время находился, будучи еще студентом Духовной академии, о. Иннокентий (Просвирнин), к Батюшке на могилку приехал), — вы вон чаво, идите к Батюшке на могилку, положите жребий и помолитесь. Ты положешь, а он пускай возьмет”.

И раненько, еще до рассвета, мы пошли на могилку, потихонечку помолились, положили поклончики, и о. Иннокентий (а тогда еще Анатолий Иванович) взял жребий и — Божие благословение ехать в Семинарию. Таким образом я попал в Семинарию. И будучи уже студентом, я расшифровал этот сон: действительно, находясь при Батюшке, я не думал ни о чем, мне было хорошо. Как Апостолы говорили в день Преображения: "Добро есть нам зде быти: и сотворим сени три, едину Тебе, и едину Моисеови, и едину Илии", а нам ничего не нужно, нам и так хорошо быть с Тобой. Так и мне было хорошо, и я ни о чем не задумывался. Я не знаю, как это выразить словами — можно только пережить. Просто было на душе хорошо, а сердцу-то не подскажешь... И я ни о чем не спрашивал Батюшку, и он мне поэтому не сказал ничего. И когда я был уже студентом Духовной семинарии, то много было в Лавре торжеств, различных форумов, Собор был — избрание Патриарха Пимена — я был непосредственным участником — спец. курьером при Соборе. Но я не ощутил того духовного настроения, той духовной благодати, что ли, умиротворения души, что я ощущал, находясь, будучи еще молодым человеком, при Батюшке. Казалось

бы, и сонм архиереев, и все торжественно и празднично, все это, несомненно, хорошо было, но это другое... Той тихости, того мира в душе, который я ощущал при Батюшке, его уже не было.

В нашем храме существуют некоторые традиции, которые привнесены сюда Батюшкой по обычаю, унаследованному им из Оптиной. Вот, допустим, на Троицу по всей России духовенство совершает службу в зеленом облачении, а в нашем храме облачение белое. Батюшка так объяснил, что зеленое облачение в этот праздник символизирует изобилующую зелень природы, а белое — Дух Святой. То есть выделялась духовная сторона праздника. Затем на престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы у нас не голубое облачение, а, исходя из величия этого праздника, золотое. Тоже батюшкино благословение. "Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш...", то есть здесь открывается начало нашего спасения, этот день являет свету Матерь Света. Именно так Батюшка богословски понимал этот праздник.

Приезжал, помню, покойный митрополит Иосиф и с ним о. Стефан Теодорович, бывший тогда секретарем. Так о. Стефан, увидев, что готовят желтое облаче-

ние, возразил: "Что это вы готовите? Почему? Богородичный праздник, у Владыки облачение голубое, а вы желтое готовите?" И доложили об этом Владыке, но он не стал возражать". — "Как у них, — говорит, — есть, так пускай и будет". Владыка служил в голубом, все остальные в золотом облачении. И алтарь, и вся церковь были украшены золотым цветом.

А Вознесение Господне является завершением Домостроительства Божия спасения человечества. На Вознесение у нас всегда совершается крестный ход и общая трапеза. Это еще потому, что именно на Вознесение в 55-м году получили разрешение на открытие храма. На Вознесение всегда ставили во дворе стол, и все желающие, до пятисот человек прихожан, все трапезуют. А в день памяти Батюшки всегда служим парастас, заупокойную Литургию и панихиду на его могилке. В этот день тоже трапеза для всех. И как наш Батюшка всегда всем помогал — давал деньги и все отдавал, что было у него, так и мы сейчас стараемся к памятному дню Батюшки кому-либо что-то дать. Как Батюшка нам благотворил, так и мы стараемся в меру своих возможностей.

Потом в промежутки мясоеда в воскресные дни облачение у всех золотое или

желтое, у нас темно-бордовое. Не красное, как на Пасху, а темно-бордовое. Тоже благословение Батюшки. А вот в посты в Москве фиолетовое или золотое облачение в воскресенье, а у нас всегда зеленое.

На клиросе у нас прежде пели оптинским напевом. Но старых певчих мало осталось и от прежнего пения мало что сохранилось, но что есть, то стараемся поддерживать.

Есть и другие обычаи. Вот допустим, в субботу на Всенощной Евангелие у нас остается перед амвоном до Великого Славословия и только на "И ныне: Преблагословенна еси Богородице Дево..." Евангелие вносим в алтарь.

Батюшка вычитывал вечером малое повечерие, а утром перед Литургией прочитывались утренние молитвы и два акафиста. Так же на предпразднства и в попразднства на малом повечерии читается у нас трипеснец, на "Блаженны" всегда читается от шестой песни канона мученикам. Батюшка старался служить уставно и по уставу.

Сейчас усилиями нашего прихода завершено строительство нового трехпрестольного собора. Главный придел его, как и Свято-Введенская Оптина пустынь, освящен в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, правый придел назван в

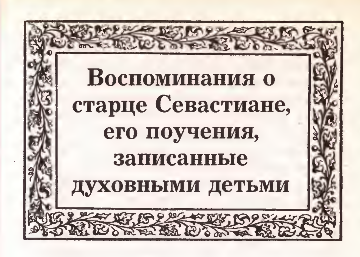
честь преподобного Севастиана Карагандинского, а левый – в честь святых бессребреников и чудотворцев Косьмы и Дамиана, которым был посвящен престол на родине Старца на Орловщине.

Собор наш построен на классических канонах, и в своем основании напоминает форму Ноева ковчега. Общая вместимость его тысяча двести человек, высота – до пятнадцати метров, а наивысшая точка купола – тридцать метров*.

Закладка собора была совершена 14 июля 1991 года в день св. бессребреников Косьмы и Дамиана, а ровно через 4 года, в июле 1995 года, во время визита в Казахстан Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (а это был первый визит Российского Патриарха на Казахстанскую землю за всю историю Русской церкви), на площади у стен уже воздвигнутого собора-дворца Святейший совершил заупокойную панихиду по бесчисленным жертвам Карлага, а после панихиды неожиданно для всех проехал на глухое Михайловское кладбище к дорогой всем могилке Старца как средоточию духовных недр необъятной Казахстанской степи.

* На проходившем в 1994 году в г. Минске конкурсе проектов строящихся храмов на территории бывшего СССР проект Свято-Введенского храма г. Караганды занял первое место.

Нет сомнений, что по действию промысла Божия собрались на могиле Батюшки представители всех слоев общества и всех степеней духовной иерархии. Патриарх, архиереи, духовенство, главы областной и городской администрации, батюшкины чада и вся Православная Караганда вознесли молитву к престолу Господню о упокоении в Селении Праведных для кого-то дорогого и незабвенного, а кому и мало знакомого Старца. Всех собрал Батюшка, как болезнующий сердцем небесный предстатель, как печальник и молитвенник за род человеческий.

Воспоминания о старце Севастиане, его поучения, записанные духовными детьми

О молитве

О молитве Батюшка говорил: “Молиться можно на всяком месте, во всякое время: стоя, сидя, лежа, во время работы, в пути. Только разговаривать в храме грешно.”

Строгие замечания делал разговаривающим в храме во время службы, особенно монашествующим. Иногда даже в облачении выходил из алтаря и делал замечание.

Напоминал не раз, что заходя в автобус, самолет, легковую машину и т. д., необходимо молча перекреститься, не взирая ни на кого, даже на смех других.

Ради одного, двух или трех человек верующих могут и другие быть спасены от грозившей беды. Пример к этому был такой: несколько женщин из дальней местности вечером после службы собирались ехать домой автобусом. Батюшка, благословляя их, долго молился перед иконой Пресвятой Троицы и все это заметили. И что же случилось? В дороге, когда автобус спускался с перекидного моста, водитель заметил впереди на дороге что-то черное и затормозил так сильно, что автобус перевернулся с моста на землю, и снова стал на колеса. Все это так быстро произошло, что пассажиры даже не успели понять, в чем дело и что с ними случилось. Все были живы и невредимы, кроме одной девушки и кондуктора, которые получили небольшие ушибы.

Живущие с Батюшкой сестры замечали не раз, как Батюшка вдруг подходил к святому углу и начинал молча молиться. Это признак, что откуда-то издалека дошла к нему молитва о помощи. Впоследствии это открывалось. Так, например, за четыре тысячи километров от Караганды, в г. Тамбове, девушку, которая поздно шла с работы, стал преследовать мужчина, и она кричала: "Батюшка, спаси!" И была спасена добрыми людьми.

О крестном знамении Батюшка делал замечание: “Крестное знамение надо полагать правильно, со страхом Божиим, с верою, а не махать рукой. А потом поклониться, тогда оно имеет силу”.

О смирении, о гордости, о вере

Батюшка часто напоминал о прощении обид друг другу и непамятозлобии, говорил: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”. А о гордых: “Ярому коню — глубокая яма”. И были случаи, когда за гордость, непослушание, самомнение люди совершали падения и терпели искушения.

У одной из хористок, по имени Александра, певшей в батюшкиной церкви, как-то вдруг резко и ярко “прорезался” сильный и красивый голос. И она возгордилась — стала высокомерной, стала кичиться своим голосом и унижать других. Наши матушки, и особенно мать Варвара, в деликатной форме делали ей замечания, но Шура не слушала их. Однажды в Пасхальную ночь батюшка Севастиан послал ее вместе с другими петь в часовне пасхальную утреню, т.к. весь народ в церкви не вмещался и утреню служили еще в часовне во дворе. Но Шура

идти наотрез отказалась. Все были удивлены ее отказом и советовали послушаться Батюшку. Но Шура не слушалась. Тогда Батюшка очень строго сказал: "Шура, не гордись, Бог отнимет голос и петь ты не будешь!" Как в воду глядел Батюшка! В скором времени она заболела, попала в больницу, а когда вернулась, петь уже не могла — у нее пропал голос. Батюшка и все окружающие очень жалели Шуру, но здоровье и голос к ней так и не вернулись.

А с простыми, смиренными людьми, по батюшкиным молитвам, Господь чудеса творил. Одна девушка еще в детстве заболела глазами (опухли и как бы совсем заросли). Врачи отказались лечить. Тогда она обратилась к Батюшке, который благословил отслужить молебен с водосвятием перед иконой Скорбящей Божией Матери и святой водой промывать глаза. И, к радости всех, опухоль исчезла, глаза открылись и стали видеть как прежде.

Кто приходил со смирением и верою, что Бог, молитвами Батюшки, поможет им в делах, тех принимал быстрее, и говорил полезное для них. А кто без страха Божия и без веры приходил, а просто ради любопытства или празднословия, тех совсем не принимал, и строго говорил: "Я ничего не знаю, я грешный, больной и

неграмотный человек, как и все. Что я, прозорливый какой, что ли?" "У вас есть свои священники", — если люди из другого прихода, близ находящегося.

Однажды среди беседы о нравах людей Батюшка сказал и даже указал: "Вот этих людей нельзя трогать, они, по гордости, не вынесут ни замечания, ни выговора. А других, по их смирению, можно".

Иногда пробирал одного кого-нибудь при всех (бывало даже не виновного, но смиренного и терпеливого), чтобы вразумить тех, которым нельзя сказать о проступках и недостатках прямо. Таких он сам не укорял и не обличал, и другим не велел, но ждал, терпел, и молился, пока человек сам не осознает, и не обратится с покаянием к Богу, и к духовному отцу.

Более сильных духом смирял при всех, избавляя их от тщеславия и гордости духовной (при которых и добрые дела не приносят пользу душе, и сам человек может погибнуть для вечности). Те, кто понимал это, радовались такой чистке и тут же просили прощения и молитв об исправлении.

Бывали случаи, когда Батюшка заставлял старших просить прощения у младших, обиженных смирял, а обидчиков защищал. В этом скрывалась духовная мудрость. И опытные понимали и не обижались.

Ценил Батюшка, когда человек сам постепенно осознает свои недостатки, немощи, пороки. И, не надеясь на себя, просит Бога о помощи, об избавлении от них, о помиловании. И, раскаявшись, человек получает от Бога просимое, принимает со смирением и благодарением.

Когда кто подойдет с жалобой на ближнего, особенно по зависти или ревности, тогда все пропало. Он такой урок задаст испытательный и смирительный, и такое лекарство духовное предложит, что не обрадуешься, и не захочешь в другой раз жаловаться. Такие жалобы Батюшка старался искоренять во всех, как недуг душевный.

С наговорщиками и клеветниками иногда поступал очень мудро: наказывал оклеветанных еще более, чем ожидал оклеветавший, тем самым вызывал в нем чувство стыда и отучал клеветать на ближнего.

Когда же кто подходил к Батюшке с тайным гневом на ближнего, желая найти себе защиту у Батюшки, себя оправдать, а ближнего обвинить, то такого вместо защиты Батюшка проберет при всех и смирит за его гордые помыслы и дела.

В случае обид или недоразумений приучал просить друг у друга прощения и не злопамятствовать, особенно перед прича-

стием. И приводил пример всем известный о двух собратьях — Тите и Евагрии.

Иной раз указывал, у кого и в чем проявляется гордость (начало всех грехов): у одних в походке, у других в голосе, у третьих духовная гордость сокрыта — что самое опасное и вредное для человека, и что необходимо осознать, и открыть духовному отцу. Только Господь, за молитвы духовного отца, раскроет все тайники души человеческой со всеми изгибами, и все таящиеся в ней змеи выползут наружу к удивлению и ужасу самому себе и другим.

"К каждому нужен свой подход. Что одному можно сказать на пользу, то другому то же самое может быть во вред". Часто говорил: "Терпите друг друга немощи и недостатки — в этом спасение. Огонь огнем не тушат, а водой. А зло побеждается любовью!"

Когда без благословения сходились на жительство две молодые, или две старые, но состоятельные, Батюшка, бывало, скажет: "Нет бы пожилой и состоятельной взять к себе помоложе девушку или вдовушку, которая трудилась бы и за ней ухаживала, слушалась, и приучалась ко всему доброму". Молодым жить вместе вовсе не благословлял. И не уживались те, кто сходился, потому что не ус-

тупали одна другой, и не научались ничему доброму. Но одной жить тоже никого не благословлял, особенно гордых и своевольных. Указывал на опасность такого жития. В пример приводил рассказ о блестящем гвозде, который на пороге ногами трется. А другой заржавевший в углу где-нибудь лежит и никто его не трогает. И добавлял поговорку: "Вместе живущие друг о друга трутся — и все спасутся".

О гордости, самонадеянности, самоуверенности приводил в пример притчу Оптинских старцев: "В летний теплый день летит жук и гудит: "Мои поля, мои луга, мои леса..." Но вот подул ветер, полил дождь, жук прижался под листком и жалобно пищит: "Не спихни меня!"

Одна душевнобольная оскорбляла Батюшку при всех, обзывала его и его чад, и тех, кто ухаживал за ней, тоже оскорбляла. А Батюшка спокойно ответил ей: "А ты думала я какой? Вот такой я и есть! Ну найди себе лучше меня!"

Часто на вопросы: "Как нам жить?" — отвечал словами Оптинского старца Амвросия: "Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем мое почтение".

На немирствующих между собой словами тех же Оптинских старцев, бывало,

скажет: "Друг о друга трутся и все спасутся!" "Терпение и труд все перетрут". А возмущения, недоразумения в семье или между одинокими людьми называл: "Плевки от врага". Когда враждующие примирялись, тогда сами осознавали, что это так.

О болезнях

Жалующимся на болезнь иногда скажет: "Одно пройдет, другое найдет!" "Болеть нам необходимо, иначе не спасемся. Болезни — гостинцы с неба!"

В утешение старым и больным, скорбящим, что не могут в храм Божий ходить: "Благословляю молиться умом молча: "Господи помилуй", "Боже, милостив буди мне грешной". Господь услышит. Терпи болезни без ропота. Болезни очищают душу от грехов".

Пожилым людям отвечал иногда словами пророка Давида: "Семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь". Молодые болеют, а старым как не болеть, когда организм, как одежда, обветшался от времени".

Иные думают поправить здоровье и продлить себе жизнь, вкушая вино и мясную пищу. Батюшка, бывало, скажет: "Нет, мясная пища бывает полезна при

здоровом сердце и желудке, а в противном случае она только вредна. Растительная пища легко усваивается при больном организме и потому полезна". И себя в пример приводил: несмотря на множество болезней, мясной пищи не вкушал, а дожил до преклонных лет. И потом добавит: "Не одной пищей жив человек".

Внушал Батюшка беречь свое здоровье. В большие холода одеваться и обуваться потеплее, хотя это и не модно. "Берегите свое здоровье, оно — дар Божий. Злоупотреблять своим здоровьем грешно пред Богом".

Некоторым молодым людям, ввиду их слабого здоровья, Батюшка не давал благословения учиться дальше десятого класса. "Выучишься, а здоровье потеряешь. А без здоровья какой ты работник? И плюс духовное опустошение — душа потеряет последнюю искру Божию!"

В зимнее время, особенно к празднику Рождества Христова, не благословлял белить в домах, оберегая здоровье своих чад и их дома от сырости. Только уборку сделать — и все. Бывало, скажет: "У нас в монастыре побелку и чистку помещений делали только к Пасхе".

На курорты или в дома отдыха ездить не советовал: "На эти деньги на месте, дома лечись, отдыхай и почаще в храм

Божий ходи". И еще говорил: "В болезнях благодарите Бога!" И жалующимся на болезни иногда скажет: "А как же ты хочешь спастись? Другого пути нет". "Два царствия тоже никто не наследует. Кто здесь поживет для плоти в свое удовольствие, забывая о душе, лишается Царствия Небесного".

Немало было случаев, когда подходили к Батюшке с жалобой на какую-нибудь болезнь. На что он одному скажет: "И я болен. И у меня болит". И добавит: "Пройдет!" И все проходило, выздоравливал человек. А другому скажет так же, но не добавит слова "пройдет". Значит не пройдет.

В тех случаях, когда кто-нибудь страдал головной болью, Батюшка советовал брать маслице от лампады перед иконой "Усекновение главы Иоанна Крестителя" и мазать им голову, а также служить Иоанну Крестителю молебны.

Бывали случаи, на чью-нибудь просьбу: "Батюшка, помолитесь, зубы болят", он ответит: "А ты не бранись с ближними, живи мирно и не будут зубы болеть!"

Про некоторых психически или душевно больных, одержимых Батюшка говорил: "Кто из них выздоровеет, кто временами будет опять попадать в больницу, а кто останется в таком положении до

смерти". Некоторых одержимых утешал, убеждал терпеть с Божией помощью "...и уподобитесь мученикам, без мытарств войдете в Царствие Небесное".

Бывало, заболеет кто-нибудь, лежит дома и думает: "Вот бы Батюшка с кем-нибудь передал бы от себя хотя бы сухарик! Мне бы сразу стало легче". И что же? Вскоре кто-нибудь приходит и приносит гостинец от Батюшки к великой радости болящего. И тот сразу чувствует себя легче.

Иногда говорил: "Почему иные люди почти всю жизнь страдают, болеют, терпят скорби, обиды и т. д.? За родительские и прародительские грехи. Эти страдальцы как живая жертва приносятся во искупление родительских и прародительских грехов".

Об уходе за больными и о сострадании

Батюшка внушал не забывать страждущих и больных, особенно в больнице лежащих, быть чуткими, сострадательными к ним — может и сами такими будем. Многим молодым девушкам благословлял работать в больнице. "Самое жестокое сердце, глядя на таких страдальцев, может смягчиться и сделаться сочувственным и

сострадательным к ближнему. От этого зависит спасение души".

Тех же, кто завидовал богато живущим, частенько брал с собой на требы к самым бедным вдовам с детьми, живущим в землянках. И скажет: "Вот посмотри, как люди живут! А ты любишь смотреть на хорошие дома и богато живущих и завидовать тому, в чем нет спасения. Вот где спасение! Вот где школа сострадания и доброделания! Для искоренения зависти надо смотреть на хуже тебя живущих, тогда мир будет в душе, а не смущение. И завидовать перестанешь".

Говоря о пользе нестяжания, Батюшка приводил в пример одного своего знакомого священника, у которого, после его кончины, ничего не осталось: ни денег, ни вещей. "Как хорошо! Как легко умирать, когда нет ничего лишнего! И будет приют в Царстве Небесном".

Поскольку Батюшка сам был милостивым, сострадательным к больным и неимущим, то и других тому же учил: "В этом и заключается наше спасение". "Если сам ты не милуешь ближних и, что еще хуже, не прощаешь, то как у Господа будешь просить себе милости и прощения?"

Но не без рассуждения Батюшка милостыню подавал и других предупреждал. Особенно пьяниц избегал. Не одобрял ску-

пость и расточительность без нужды. "Во всем держаться золотой середины".

Бывали и такие случаи: люди, на попечении которых находились больные родственники, начинали тяготиться ими, обижать и доводить до слез. И даже если они жили на далеком расстоянии от Батюшки, он провидел это духом и внезапно являлся в эту семью. Утешал больного и обиженного, примирял всех и молился, чтобы Господь даровал терпение и любовь, как больным, так и ухаживающим за ними во спасение души.

О причастии и посте

Строгие выговоры делал тем, кто самочинно, без благословения постится перед причастием (то есть по один-два или три дня не вкушает пищи). Таких даже не допускал до причастия. А слабым и немощным даже на ночь перед причастием благословлял выпить чашечку кипяточка и кусочек булочки съесть, чтобы не ослабли, и не сделалось им плохо к утру.

Слабым и больным желудком или легкими разрешал в пост по принятии Святых Таин, вкушать молоко или чай с молоком, как лекарство. Но после сказать на исповеди священнику, что по болезни и немощи это допускал и у Бога просить прощения.

Старым монахиням, которые на обедах в миру вкушали мясную пищу, нарушая устав (когда в таком возрасте и постной-то пищи нужно употреблять в меру), Батюшка строго об этом напоминал. А молодым не возбранял кушать мясное до определенного возраста, а потом постепенно приучал отвыкать. Батюшка во всем ценил умеренность.

Не раз говорил: "За несоблюдение без причины постов, придет время — постигнет болезнь. Тогда не по своей воле будешь поститься. Господь попустит за грехи".

С сожалением говорил о тех, кто редко бывает в храме, редко или совсем не причащается (особенно пожилые). Как пример, указывал на тех, кто живет рядом с храмом: "Просидят на лавочке всю службу, но в церковь не придут, хотя христианами зовутся! Другие же люди, живя от храма в отдаленных местах, за много километров, находят время ради спасения души приезжать в церковь в праздники и молиться". Сожалел также, что мало ходит в храм мужчин: "Почти одни женщины бывают, а где же мужчины?" Иногда кто-нибудь скажет: "В этом году людей в церкви прибавилось!" А он ответит: "Это не наши, а приезжие люди. А с нашего Нового города как никто не ходил, так и не ходит, кроме нескольких женщин".

Иногда Великим постом кто-нибудь скажет: "Много сегодня причастников было". А он ответит: "Причастников много, да причастившихся истинно не много".

"Не нужно гордиться тем, кто своевременно причащается и не отчаиваться тем, кто по обстоятельствам не может этого делать. Бывает, лишь перед самою кончиной человек сподобляется причаститься во спасение души".

Часто говорил: "Не дорого начало, не дорога середина, а дорог конец". И много приводил поучительных примеров, когда кто в начале духовного пути горячо возьмется молиться, поститься и проч., да еще без благословения, но впоследствии охладевает и оставляет этот путь. А другие идут умеренно, с постоянством, терпением, и превосходят всех. Батюшка ценил во всем середину и говорил: "Царским путем все святые Отцы шли".

"Кто идет с самого начала постепенно, не делая скачков с первой ступени через две-три, а постепенно переходя с одной на другую до конца не торопясь, тот спасается".

"Умеренность, воздержание, рассуждение, своевременность, постепенность полезны всем и во всем".

Были случаи, когда по незнанию некоторые новенькие подходили к Св. чаше

не исповедавшись. Батюшка сразу строго спрашивал: "А вы исповедывались?" И не допускал до причастия. А после службы доведет до сознания человека как надо готовиться к принятию Святых Таин. Особенно не мирен бывал на тех, кто без уважительной причины опаздывал на службу и требовал исповедать его и причастить без должного приготовления, и это при добром здоровье. "Так только больных можно причащать, а вы при добром здравии и имеете за собой множество грехов. Неужели не можете выбрать время, чтобы приготовиться, очистить себя покаянием, прийти во время в храм, выслушать правило и службу, и, исповедавшись, подойти со страхом Божиим к чаше!" И не допускал таких до причастия. Прибавлял еще: "Подойти к чаше Святых Таин, это не все равно, что подойти к столу к чашке супа или к чашке чая".

Очень досадовал на тех больных или их родственников, которые зовут священника причастить Святых Таин, когда у больного уже и язык не ворочается, и рассудок потерян. В одних случаях виноваты родные, в других — сам больной, не имея веры, с упреком отговаривался: "Что вы меня хоронить хотите?" Такое суеверие, что после причастия Святых Таин он умрет.

Был случай, когда совсем недвижимого молодого человека стали соборовать. И ему так казалось (как сам он рассказывал), что кончится соборование, и к нему подойдут прощаться жена и дети, как к умирающему. А Бог дал, что после соборования и причастия Святых Таин, он стал поправляться, совсем выздоровел, стал работать, и в храм Божий ходить.

Батюшка Севастиан был недоволен теми, кто не желал собороваться из-за убеждения, что соборуют только умирающих. А другие имели суеверие, что после соборования по земле нельзя ходить, на что Батюшка недовольно скажет: "Ну летай тогда, раз ходить нельзя". И молодым Батюшка благословлял собороваться, потому что почти все душевно и телесно больные, а соборующиеся с верою получают исцеление, подкрепление и прощение забытых грехов.

О почитании праздников и святых

Батюшка часто убеждал в скорбях, болезнях и искушениях призывать в молитвах всех святых угодников Божиих, чтить их память. Так же чтить день свое-

го Ангела, имя которого носишь, но не день рождения.

Батюшка был не доволен теми, кто отмечал день своего рождения, а не день Ангела. И приводил в пример Ирода, который во время пира в день своего рождения велел отсечь главу св. Иоанну Крестителю.

Очень огорчался Батюшка тем, что в народе больше почитались праздники чудотворных икон Божией Матери, чем двунадесятый праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в день которого народа в храме бывало мало.

Ради того, чтобы почтить Рождество Божией Матери, был освещен престол в честь этого праздника, в связи с чем на праздник приезжал архиерей и было большое торжество.

Также за годы своего служения Батюшка довел до сознания прихожан значение и величие св. апостола Иоанна Богослова и научил их приходить в храм в день его памяти. Часто говорил: "Ведь у вас в семьях нет мира и любви между вами. А кто вам поможет, как не он, св. Иоанн Богослов, апостол любви? "Дети, любите друг друга!"

Часто умолял и очень строго предупреждал, во избежание наказания Божия, не ходить в праздники на базар, по мага-

зинам и проч. Приучал дорожить праздничными церковными службами, не менять их ни на что житейское, душевредное. “Только в церкви человек обновляется душой и получает облегчение в своих скорбях и болезнях”.

Очень следил за тем, чтобы в двунадесятые праздники в храме все было торжественно и празднично, и чтобы люди по-праздничному были одеты, хоть не в новое, но в светлое. А так же пищей постараться отметить праздничный день. А постом, или в будничный день делал замечание тем, кто одевался в светлое без причины к этому. Был внимателен во всем — и в духовном и в земном, житейском.

Так же следил, чтобы свечи были чисто восковые, особенно в алтаре. “На ароматный запах восковых свечей сходит благодать Божия” — так говорил Батюшка и ценил трудолюбивую пчелку. Часто ставил ее в пример нам, ленивым и нерадивым: “Сколько она пользы приносит — Богу — воск, а человеку мед лекарственный”. И детям, не почитающим родителей, а особенно мать, ставил в пример, как пчелки оберегают свою матку: жалеют ее, и в случае ее болезни слетаются над ней и машут крылышками, чтобы ей легче было.

Батюшка не раз убеждал, что для церкви нужно доставать предметы самые лучшие, а для себя оставлять похуже. “А у нас наоборот: себе получше, а для храма похуже”. И трудиться по совести, как можно лучше.

Об иконах

Батюшка ни под каким видом не благословлял принимать от прихожан искаженных икон (то есть написанных не по канонам, небрежно, с искаженными ликами). А если дарили иконы старинные, но местами поврежденные, отдавал их подправить и затем дарил иконы тем, кто в них нуждался. Он очень ценил старинные иконы. Когда кому-нибудь дарит на молитвенную память икону, то, бывало, скажет: “А ведь это старинная икона, писанная красками”. Не допускал украшать иконы яркими бумажными цветами.

Приезжая с треб, Батюшка часто сокрушался о том, в каком небрежении в домах находятся иконы. Если имеется одна или две иконы, то и те закопченные, в пыли, где-нибудь в дальнем углу повешены под грязной занавеской, чтобы никто их не видел. А фотографии свои и своих детей чуть ли не в самом святом углу повесят.

О порядках в храме

После службы Батюшка благословлял сразу же открывать двери и отдушины, чтобы проветривать помещение. Было даже составлено расписание для сторожей и дежурных: на сколько часов открывать после службы и за сколько перед службой (учитывая погоду и время года). От техничек требовал не поднимать пыли во время уборки, беречь иконы и позолоту от пыли и копоти. Наблюдал за всем обслуживающим персоналом и видел, кто как трудится: кто добросовестно, а кто с леностью и небрежно. По ночам из окошечка своей кельи присматривал за сторожами и, бывало, скажет: "Вот этот сторож всю ночь ходил по двору, я видел из окошечка". А про другого скажет: "А этот всю ночь не выходил из будки, значит спал, а не дежурил". И таких не велел держать. Так же наблюдал за всем, что делалось в храме и на церковном дворе хорошего и плохого, и что требовало исправления. Кто быстро, без страха Божия ходил по церкви, да еще руками размахивал, толкал других, или даже во дворе на улице так себя вел, тем делал замечание при всех в назидание всем. Особенно тем, кто позволял себе бегать, топать ногами, шуметь, подражая блажен-

ным. Это Батюшка запрещал строго. По походке и внешним движениям он видел характер человека, внутреннее состояние его души. “Ходить надо тихо, спокойно, не шагать широкими шагами, не топать ногами, особенно в храме, даже если спешишь. Ведь на нас смотрит мир и пример берет”. С Херувимской песни до конца обедни запрещалось всякое движение в храме (и торговля свечами, и записи треб, и проч.), Батюшка приучал оставаться в храме до конца молебна, поэтому только после молебна давал прикладываться ко кресту. Часто повторял: “Все мы старые, слабые, немощные, больные, неповоротливые и все делаем медленно. Поэтому и служба долго идет. А где молодые священники — сильные, крепкие, там все быстро делается и скорее отходит служба”. (Да не к радости, теперь уже убедились.)

О пении

Пение хора любил молитвенное, умилительное. “Это не угодно Богу — кричать, да еще и ногами притопывать. Бог не глухой, Он все слышит и помыслы наши знает”.

За чтением и пением хора Батюшка очень внимательно следил, чтобы читали и пели со страхом Божиим, благоговейно

и молитвенно. Не терпел выкриков, когда один заглушает всех. Ценил труд и терпение певчих, дорожил ими и, как мог, уделял внимание. В праздники угощал чаем, раздавал гостинцы. Особенно любил Батюшка раздавать головные или носовые платки. Иногда так дораздается, что ничего больше не останется. Тогда дает кому-нибудь денег, чтобы купили платков для раздачи.

Об одежде

Пробирал тех монахинь, которые любили напоказ одеваться в монашеское, или мирских вдов и девиц, одевающихся в черное. Говорил: “Лучше всего одеваться в синий или серый цвет, скромно. Черное не спасет и красное не погубит”. Молодым советовал одеваться в пестрое, чтобы не подозревали на работе и не поносили напрасно.

Говорил еще: “Молодые не должны уделять своей внешности большого внимания. Не надо им слишком за собой следить: ни часто мыться, не одеваться со вкусом, а небрежнее, не смущая свою душу и совесть, чтобы и для других не быть камнем претыкания. Сам хочешь спастись и другим не мешай. А старенькие должны быть чистыми и опрятными, что-

бы ими не гнушались, и не отворачивались от них."

О сиротах

К сиротам относился с большим сочувствием и состраданием. При встрече с такими сначала накормит их, утешит, с ног до головы осмотрит — кто в чем одет и обут, расспросит обо всем, и поможет словом, делом и молитвой. Как родные отец и мать, позаботится.

О воспитании детей

Иногда Батюшка говорил о брачных узах и о супружеских обязанностях: о верности, доверии, о терпении в случае болезни одного из супругов или детей. Упрекал неблагодарных детей, напоминая им заботы родительские: их труд, любовь, бессонные ночи у колыбели во время болезни, страх за жизнь и здоровье детей. "Господь лишит таких детей счастья" — говорил Батюшка. "Чти отца и матерь, да долголетен будеши на земли". В пример ставил тех детей, которые чтили своих родителей при их жизни и по смерти молятся о них.

Неоднократно предупреждал родителей, которые чуть не с младенчества

приучают детей к своеволию и самолюбию: "Теперь не дети идут за родителями, а родители за детьми". И приходилось наблюдать, как мальчик тянет за руку бабушку или мать: "Пойдем домой или на улицу!" Только бы уйти из храма. И родители слушались, и уходили.

Не раз и не два Батюшка делал замечание родителям за чрезмерное пристрастие и привязанность к своим детям, за то, что родители готовы чуть не молиться на них вместо Бога. "Сами простые крестьяне малограмотные, одеваются и обуваются абы во что и абы как, недоедают ради того, что бы своих детей одеть, обуть, и выучить наравне с городской интеллигенцией. А дети, выучившись, начинают презирать неграмотность и нищенское одеяние своих родителей, даже стыдятся их".

Митрополит Иосиф (Чернов), тот убеждал родителей с младенчества приучать детей не убивать живых существ, начиная с таракашки, букашки, птички, кошки, собачки. Потом и до человека дойдет, и даже самих родителей не пощадят от жестокости. "Приучайте любить и жалеть всякую тварь Божию, и не обижать. В том числе и растения". Но нашлись ретивые мамаши, которые посмеялись над проповедью Владыки Иосифа: "Что это за та-

ракашки-букашки?" Они даже смысла не хотели понять, не то, что детей полезному учить. (Может какая впоследствии и поняла, когда, в ожесточении выросший сын или внук, задал ей урок по ее воспитанию.)

О послушании

Бывали случаи, когда приезжие, во избежание неприятностей на работе и дома, торопились скорее уехать. Но вопреки их желанию, Батюшка задерживал их на один-два дня. Те, кто слушался и оставался, благополучно возвращались, и все обходилось у них хорошо, и дома, и на работе, А тех, кто не слушался и уезжал, постигали неприятности в дороге, дома, или на работе. И они раскаивались, что ослушались Батюшку.

Под праздники никого не благословлял в дорогу, а уезжавшие по своей воле тоже не избегали скорбей и неприятностей.

Батюшка не одобрял тех, кто своевольничал, и исход их дел был печален. Одна из пожилых девушек задумала без благословения выйти замуж. Об этом другие сказали Батюшке, и он ответил: "Какой там муж? Шпана!" И ее саму просили и умоляли не выходить за него: "Вый-

дешь — будешь страдать!" Так точно и получилось впоследствии.

Бывало, Батюшка, скажет при всех: "Кто не приучится слушать родителей, равных и старших себя, и даже меньших, тот, выросши, никого слушать не будет, и его потом никто никогда не послушается".

Об отпевании

Батюшка сокрушался о тех людях, которые, потеряв близкого человека, до отчаяния, до истерии доходили, поднимали крик и вопль у гроба умершего. Батюшка скажет, что это неверующие люди. "Тяжело умирать человеку, не имеющему веры, оставляя родных и богатство, а неверующим родным терять близкого человека, в котором полагали все свое земное счастье. Господь посекает их надежду, а они не понимают Божия произволения. Среди верующих родственники хотя и плачут по покойнику, но сдержанно, и скорбят, но умеренно. Все растворено молитвой и надеждой на помощь Божию. Верующий умирает спокойно, как засыпает, и по смерти на лице его запечатлевается последнее целование Ангела Хранителя".

После отпевания неверующего или нечаянно умершего человека иногда не

вытерпит, скажет: “Как тяжело отпевать таких!” (Умерших без покаяния и причастия Святых Христовых Таин отпевал только ради утешения их близких.) И тем, кто читает Псáлтирь над неверующими покойниками (ради утешения их родственников), то же самое говорил: “Как тяжело читать по ним Псалтирь!”

Если Батюшка отпевал пожилого человека, благочестиво прожившего жизнь, то, бывало, после отпевания скажет: “Колос зрелый в житницу вечную канул!” А о другом скажет другое. Ему была известна участь души умершего.

Особенно сокрушался за умерших младенцев, которых ни очно, ни заочно никто не отпевал. “Крестить еще принесут, а отпевать — очень редко. А разве мало их умирает?”

Бывало кто-нибудь из певчих, жалея Батюшку, предложит заочное отпевание покойника отложить на следующий день, но Батю́шка строго ответит: “А вы знаете, как ему там? Отложить-то можно, но можно и самому умереть, и душа останется не отпетой”.

Много раз убеждал на поминки не брать вина, а тем паче водки. “Постом — постной пищей поминайте, а в обычные дни — тоже попроще и не много блюд. Покойникам этого не требуется”. А бед-

ным благословлял три-четыре человека накормить горяченьким чем-нибудь и все".

Одной скорбящей женщине, потерявшей единственного сына, на ее слова: "Жаль его, он был хороший, послушный, со всеми обходительный и верующий", — Батюшка ответил: "Вот и хорошо, что у тебя на всю жизнь останется о нем добрая память. Остался бы жив, через год или два спился бы с друзьями, и навеки душа погибла бы".

"А шахтеры, если бы не ругались и имели страх Божий, были бы как мученики, спускаясь под землю работать, как на смерть. Как знать, выйдет он оттуда живой, или нет?"

О батюшкиной исповеди

Идет, бывало, к Батюшке человек с тяжестью на душе, с обидой на кого-нибудь и помыслы бьют его, как молотком: то скажи Батюшке, другое скажи. А стоит только увидеть Батюшку и получить благословение — все исчезает, как дым, и тяжесть и мысли. От его ласкового, теплого взгляда согревается душа и сердце. Становится легко, радостно — и говорить-то нечего, и не на кого жаловаться — все стали хорошими. Как из-за черной тучи выйдет солнышко, обогреет и осве-

тит всех, грешных и праведных. И при свете этих лучей человек осознает, что сам он хуже других.

Когда говорили о видениях, он один ответ давал: “А я ничего не вижу!” И приводил слова святых Отцов, что не тот выше, кто видит Ангелов, а тот, кто видит свои грехи.

О многословии

Не терпел, когда кто много говорит без дела и пользы, и, не дай Бог, с целью осуждения. Тут же даст понять и смирит. Сам же больше молча выслушивал и под конец одним, двумя словами на все давал ответ.

За многословие, а паче за пустословие делал замечание: “Знаю, что ты умеешь много говорить, — бывало, скажет кому-нибудь в назидание всех, — а у меня зубов нет и горло болит, потому мне трудно говорить”. После многословия и пустословия остается такой тяжелый осадок, как кто песку насыпал на душу, даже после душеспасительных бесед.

Говорил еще Батюшка: “Кто любит много говорить, празднословить и шутить, у таковых под конец жизни Господь отнимает речь”. (Что в действительности наблюдалось за некоторыми.)

О смехе и вольном обращении

Не терпел Батюшка смеха и вольного обращения, особенно, если кто кого-то толкнет или дернет, а также шуток, насмешек и т. п. В пример приводил Спасителя, который никогда не смеялся, а плакал, чему свидетели были ученики Его. И Матерь Божию никто не видел смеющейся.

Не одобрял тех, кто хотя бы в шутку говорил неправду. "Говорите всегда правду и истину, и не смейтесь. В смехе и вольности начало блуда".

О помощи Божией и падениях

Бывало скажет: "До самой смерти бойтесь падений и не надейтесь на свои силы, а только на помощь Божию, призывая Его в молитве со смирением".

По поводу падения одной девицы (не из близких духовных) он сделал строгое наставление другим: "Запущенная, загноенная рана, скрываемая как от телесного, так и духовного врача, трудно поддается уврачеванию и исцелению. В самом начале искушения, когда я мог бы помочь, вы скрываете и ничего не говорите мне. А когда залезете по уши в беду, тогда плачете и просите: "Батюшка, спаси!" А

как я могу спасти, когда поздно уже!" И добавил: "Самая лютая страсть — блудная. Она может бороть человека на болезненном и даже смертном одре, особенно тех, кто прожил жизнь земную до старости невоздержанно. Эта страсть в костях находится, она бесстыжее всех страстей. Никто сам по себе не может избавиться от нее. Только Господь может избавить, когда обращаешься к нему со слезами и сокрушенным сердцем. Помнить нужно об этой брани до самой смерти. Стоит только немного забыться, оставить молитву, потерять страх Божий, как она тут же даст о себе знать. Только непрестанная молитва, страх Божий, память смертная, память о суде, аде и рае отгонит ее".

Иногда на жалобы кого-нибудь на свои недостатки и немощи, скажет: "Читай книги, там все найдешь!" И иным благословлял читать жития святых, а другим — творения святых Отцов — кому что на пользу.

"В деле своего спасения не забывайте прибегать к помощи святых Отцов и святых мучеников. Их молитвами Господь избавляет от страстей. Но никто не думайте своими силами избавиться от них. Не надейтесь на себя до самой смерти в борьбе со страстями. Только один Господь силен избавить от них просящих у

Него помощи. И покоя не ищите до самой смерти".

Некоторым, жалующимся на беспокойство от людей, бесов, страстей и т. д., Батюшка отвечал не раз: "Тогда может быть покой, когда пропоют: "Со святыми упокой..." А до этого не ищи покоя до самой смерти. Человек рождается не для покоя, а для того, чтобы потрудиться, потерпеть ради будущей жизни (покоя). Здесь мы странники, пришельцы, гости. А у странников нет покоя в чужой стране, в чужих делах. Они, ступая шаг за шагом, идут вперед и вперед, чтобы скорее достичь родного отечества, то есть дома Божия, Царства Небесного. А если здесь, в земной юдоли скорбей, в мире удовольствий замедлить, то вечер (то есть закат дней) незаметно подступит и смерть застанет душу неготовой, без добрых дел, и времени их сотворить уже не будет. Смерть неумолима! Ни один богач богатством, ни сребролюбец деньгами, ни богатырь силою, ни царь, ни воин не могут откупиться от смерти, и никто из них не может взять с собою ничего, приобретенного ими. Наг человек родился, наг и отходит. Только вера, добрые дела, милостыня идут с ним в будущую жизнь, и никто не поможет: ни друзья, ни родные".

Об осуждении

Строго запрещал Батюшка осуждать и уничижать других священников (своих и чужих), не беря у них благословения. Таких он сам не благословлял. "Откуда я знаю, кто каков? Может он лучше всех нас, а мы будем порицать его. Откуда мы знаем его душу?" "По внешнему виду и по поступкам судить — можно ошибиться, в чем большой грех".

"Что вы с моими священниками обращаетесь, как с мальчишками? На поклоны вас поставлю!" — так говорил тем, которые действительно обращались со священниками (молодыми и старыми), как с меньшими или равными себе.

Не терпел, когда кого хвалили, порицали, или осуждали. Он в самом последнем и немощном найдет добрые качества, а в хваленых найдет отрицательные стороны, и смирит гордыню, и упразднит пустую славу.

Делал замечание некоторым "прозорливым": "Я тоже вижу за людьми недостатки, но молчу, не обличаю. Лучше молча за людей молиться, чтобы сами свои недостатки осознали, а не обличать, как говорится, с плеча, от чего иные могут духом упасть и в отчаяние прийти".

Иногда Батюшка скажет: "Других учить — что с колокольни камни бросать. А выполнять самому — как на колокольню камни таскать".

О воздержании

Приучал также всех к бережливости и воздержанию, особенно в неурожайные годы. Одна бедная вдовушка похвалилась, что ела дома жареную картошку. На что Батюшка сделал замечание: "А у людей на суп картошки нет, а вы лакомились, тогда как вам тоже кто-нибудь дал Христа ради".

Бывали случаи, когда за обедом к чаю подавали сдобные булочки, да еще масло сливочное ставили. Батюшка, хотя не возражал, но и не прикасался к маслу. На него глядя, догадывались, что масло было излишеством и неумеренностью.

Иной раз хозяева приглашали садиться за стол одного Батюшку. Он же не сядет, пока не пригласят всех присутствующих сесть за стол, тогда и сам сядет с ними.

Не одобрял, чтобы поздно ложились спать и поздно вставали. "Лучше раньше ложиться и вставать не позднее половины шестого. Приучаться к порядку, к постоянству".

Не одобрял Батюшка тех, кто собирал лишнее, и не хвалил тех, кто расто-

чал без рассуждения, отдавая все последнее и лишая себя необходимого. "Нужно придерживаться золотой середины, края же гибельны. Золотая середина во всем земном, а наипаче небесном, духовном. Кто быстро вперед забегает, того надо остановить. А кто по нерадению или немощи слишком отстает и не заботится о душевном спасении, тому помочь воспрянуть ото сна, идти наравне со средними, вперед не забегать, и сзади не отставать".

Батюшка скажет: "В наших грехах и страстях не виноваты ни вино, ни женщины, ни деньги, ни богатство, как иные хотят себя оправдать, а наша неумеренность. Пьяницы винят вино, блудницы или блудники винят мужчин или женщин, сребролюбцы винят деньги, богатые винят богатство и т. д. Выходит, что если бы не было вина, женщин, денег, богатства, то грешники не грешили бы. Богом устроено все премудро и прекрасно. Но от неразумного употребления и пользования вещами получается зло".

Еще говорил не раз: "Зло находи в себе, а не в других людях или вещах, с которыми ты не сумел правильно обращаться. Так и ребенок обращается с огнем или мечом: себя же жжет, себя же режет".

О себе

Однажды на вопрос: "Зачем сюда собрались?" — одна в простоте сказала: "Чтобы на Вас посмотреть". Батюшка ответил: "На меня смотреть — у вас глаза плохие".

Часто напоминал церковному совету и письменно Владыке о своем желании уйти за штат (в затвор), со словами: "Хватит покрывать крыши другим, тогда как своя раскрыта". Но ответ был один: "Служить до смерти".

Чувствуя близкую кончину, частенько напоминал, чтобы на священнические и руководящие должности ставили, хотя слабых, немощных, но своих. Тогда все будет без изменений, как при Батюшке было.

Певчих в большие праздники гостинцами угощал. А после панихиды сам своими ручками раздавал все всем присутствующим со словами: "Это при мне так, пользуйтесь, у меня нет семьи".

"На что мне все это собирать, мне ничего не нужно". Но люди слезно просили хоть что-нибудь от них принять. И Батюшка у одних брал, благословлял и возвращал им же. От вторых брал и тут же другим отдавал. А от третьих не брал совсем, несмотря на их обиды. А если ос-

тавят что-нибудь, он долго к этому не прикасался, а потом отдавал кому-нибудь нуждающемуся.

Просфорами охотно и с любовью оделял всех, особенно приезжавших издалека. На Пасхальной седмице, после службы садился в церкви или в панихидной, возле него ставили корзинку с пасхальными яйцами и он, благословляя, каждому вручал по пасхальному яичку, к радости и утешению всех.

О монашестве и мире

Однажды говорил: "Между нами, монахами, и миром глубокая пропасть. Миру никогда не понять нашей жизни, а нам — их. Если бы монахи знали заранее, сколько их ждет искушений и скорбей на узком, но спасительном пути, то никто не пошел бы в монастырь. А если бы мир знал о будущих благах монашествующих, то все пошли бы в монастырь".

"Почему разогнали монастыри? Потому что монахи стали разъезжать на тройках, да одеваться в шерстянку. А раньше монахи носили холщовые подрясники и мухояровые рясы, трудились по совести. И те были истинные монахи. Какая-нибудь игуменья из дворян, а не из своих монахинь, быстро загоняла послушниц в

Царство Небесное своим бессердечным к ним отношением и жестокостью. Бедные монахини разговлялись капустой, а игуменья, в угоду начальствующим все им отдавала, а своих лишала необходимого".

Часто повторял слова: "Раб, знавший волю господина своего и не сотворивший ее, бит будет больше, нежели раб не знавший воли господина своего". А некоторым прямо говорил: "Ведь ты знаешь все и Бога на мир променяла (или променял)". "Мир обещает злато, а дает блато". "Неженатый печется о Боге, а женатый — о жене". "Не связавший себя узами семьи всегда свободен. Одна забота — спасение души. Цель жизни — чистота, конец — Царство Небесное!"

Когда Батюшка был помоложе и покрепче здоровьем, он отказывался от транспорта, говоря: "Я монах, должен пешком ходить, а не ездить". И ходил пешком на дальние расстояния, как-то: поселки Федоровка, Мелькомбинат, Зелентрест, Кирзавод и т. д. И, бывало, скажет: "Любил я ходить на окраину Зелентреста с чайником за хорошей водой на родник. А по дороге пел: "Еже о нас исполнив смотрение!"...

Две молодые девушки просили послушников доложить о них Батюшке. На что Батюшка, подумав сказал: "Не зна-

ешь, как поступить... Хорошо примешь — привяжутся еще к тебе, а не принять — обидятся!" Этими словами Батюшка дал понять молодым людям, которые впоследствии стали священниками, что не безопасна чрезмерная привязанность со стороны молодых девиц к священникам и священников к молодым девицам. Но и грубость не безопасна. Опять — похвальная золотая середина. "Кто сумеет ее достичь с Божией помощью, тот многих искушений избежит".

Как-то в одном доме за чаем девушки сидели в одной комнате, а женщины в другой (Бывало, что в назидание девушкам нужно одно сказать, а женщинам — другое.) Вдруг одна из женщин зашла в комнату к девушкам, где и Батюшка сидел. Он строго посмотрел на нее и сказал: "Ведь здесь сидят одни девушки, а женщины в другой комнате, и ты садись там с ними". Она ушла недовольная, со слезами и обидой, на что Батюшка сказал: "На что обижаться? Я ведь правду сказал, что ты — женщина — садись с женщинами. Я ведь не сказал, что она — мужчина, что же обижаться?"

Однажды за столом, где сидели и женщины и девушки, одна из женщин высказала замечание, что Батюшка больше жалеет девушек, чем женщин. На что он,

не взирая на лица, прямо сказал ей: "А ты сколько раз выходила замуж? Ты всякие утешения видела, а девушки — ничего! Рады супчик за Батюшкой по ложечке докушать, что для них великое утешение составляет".

Часто напоминал следить за помыслами и чистотою сердца, не уподобляться юродивым девам, говорил: "Девство не спасет без добрых дел и чистоты сердечной". "Внешнее не пользует, если внутри грязь, страсти не изжиты". "За что Спаситель возлюбил Иоанна Богослова, как не за чистоту, целомудрие, любовь, верность, нежность и послушание! Все ученики оставили Иисуса Христа на кресте, один Иоанн Богослов безбоязненно стоял у креста". И не раз Батюшка говорил еще: "Любовь выше всех добродетелей". "Бог есть любовь", "Без любви хоть тело отдай на всесожжение — все ничто". "Где любовь — там Бог". "Где Бог — там мир, согласие и тишина. Где нет любви — там противоречия, распри, несогласия, измена, клевета". "Любовь долготерпит, любовь не помнит зла, не гневается, не раздражается, не ищет своего. Любовь ищет пользы ближним, даже врагам". В пример Батюшка приводил Иоанна Богослова, который лю-

бовью возвратил своего ученика из шайки разбойников в лоно Церкви.

Любил часто повторять слова Иоанна Богослова: “Дети, любите друг друга!” Этими словами напоминал о любви к Богу и ближнему, без которой не доставляют пользы ни труд, ни молитва, ни пост.

Из проповедей схиархимандрита Севастиана

31.01.1960 г.

Слово о покаявшемся грешнике

"Грешник, оставь свои страсти и греховные привычки, тебя зовет небо паче девяноста девяти праведных! Об одном покаявшемся грешнике радуются Ангелы на небе. Твоего спасения ищет небо. Только покайся и обратись и отстань от греха.

Ради тебя Сам Господь родился в яслях бессловесных и пострадал: заушен был, заплеван, тернием увенчан и рукою создания Своего пригвожден был ко кресту. Пострадал и умер, чтобы потом про-

славиться и вознестись. А ты, человек, чем тебе гордиться, что у тебя есть своего собственного, для вечности годного? Богатство не возьмешь, честь, слава и здоровье — временные. Будем богатеть для будущности, туда собирать свое богатство через нищих, бедных, болящих. Ты — житель неба, зачем же так прилепляться к земле!? Ты — наследник Царства Небесного, имеющий душу бессмертную, которую искупил Сам Сын Единородный крестною смертью Своею."

Не датировано.
Собор Архистратига Михаила

О стяжании Ангела Хранителя

"Ангел Хранитель пребывает с человеком при непорочном сердце и чистой совести. Внимая сердцу и совести, всегда будешь слышать голос его, наставляющий на истину. Кто восчувствует голод духовный, духовное чувство души своей, то, как при телесном голоде человек ищет пищи, чтобы насытиться, так и здесь будет искать насытить душу пищею Слова Божия. В ком духовное чувство заглушено, ослеплено страстями, тот не восчувствует иного голода, кроме телесного. А другой, забывая голод телесный, стремит-

ся к утолению голода духовного. Страсть ослепляет душу постепенным внушением мысли, согласием и совершением дела: 1) заболевание, 2) болезнь, 3) смерть души. Где действует одна страсть, там Дух Святой и Ангел Хранитель отступает и душой человек умирает. О, Господи, спаси же от всех сих! Святые Ангелы Хранители, молите Бога о нас!"

Не датировано

Слово о любви к ближним своим

"Как не любить Его, Создателя и Творца всей Вселенной, всего видимого и невидимого, Творца в том числе и тебя, человек. Господь создал человека и вдохнул в него дух животворящий, дал волю и разум, дал сердце, способное наслаждаться дарами Божиими. Любить не Творца, а тварь, это значит любить не жизнь, а смерть, себя не любить, себе врагом быть. Не любить ближнего как самого себя, это значит восстановить против себя Творца. Любить Творца надо всей душою, всей силою и всем помышлением: мыслить, думать, рассуждать о Боге и благах Его, нам низпосылаемым. Ибо Он видит все наши помышления, желания и намерения по отношению к Нему и ближнему, которого люби для его спасения, а не для себя."

26.06.1960 г.

Слово о. Севастиана вечером в сторожке

“Прочитал акафист Божией Матери “Нечаянная радость” и долго беседовал. “Вот 3-й и 4-й год прошел, как принял сан архимандрита, а смирения и терпения не приобрел. Нетерпеливый, ленивый, нерадивый, многоглаголивый... А идти надо узким путем, два Царства Небесных не бывает. Нести свой крест, от крещения данный, до конца жизни безропотно и терпеть все скорби, посылаемые Богом. Сам Господь терпел: родился в яслях, в бедности, в неизвестности рос, а потом с проповедью вышел и чудеса творил, простой народ просвещал. А иудеи по зависти распяли Его на кресте. И все апостолы мученическою смертью умерли, и все первые христиане кровь проливали, а мы малого не хотим терпеть и нести.

Господи, помилуй! Иисусе сладчайший, прости нас... Всегда благодарить Бога нужно за все.”

25.05.1960 г.

Память Иоанна Богослова – апостола любви

“В начале бе Слово... Как чистейшему, честнейшему и нежнейшему Спаситель

вручил ему Свою Матерь. Блажен ты, сын Громов, подобно орлу воспарив выше всех, и прогремел, как гром своим учением."

7.2.1960 г.

Начало Великого поста

"Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче..." С глубоким сознанием и чувством своей греховности каялся мытарь. Не как фарисей — с возношением и гордостью обращался к Богу. Сокрушенным сердцем, не дерзая взглянуть на небо, бия себя в грудь, мытарь взывал ко Господу: "Боже, милостив буди ми, грешному." Таков истинно покаявшийся. Покаялся и не возвращайся больше к прежним грехам, но начинай новую жизнь в обновленном духе."

Не датировано.

Слово архимандрита Севастиана

"...Пред лицом Божиим ходить, в сердце Его носить. А Он входит в чистые сердца, не занятые гордостью, блудом, нечистотою и другими пороками и грехами. Господи, улови наше сердце и очисти! Господь снизойдет в сердца наши, когда мы откроем Ему туда вход смирением, терпением,

чистотою, целомудрием, кротостию, добрыми делами, любовью к ближним, а наипаче к Богу, послушанием, молитвою, воздержанием душевных и телесных чувств, помыслов. Заграждаем невоздержанием, нечистотою чувств, помыслов, нетерпением скорбей и болезней, ропотом, неблагодарностью, воздаянием зла за зло."

31.12.1959 г.

День Ангела о. архимандрита Севастиана

Служит сам батюшка Севастиан. Бог укрепил его слабое здоровье. М. Мария, вопреки его желанию, заставила погладить ему фелонь. А он, за своеволие и непослушание, тут же смирил нашего брата. Облачился и за службою сел на фелонь (обычно всегда в этом случае приподнимал) и смял ее, что еще хуже стала, чем была. Вот вам урок. Обедня прошла как никогда торжественно и молебен также. А после всего поздравление именинника со днем Ангела и масса самых лучших благодарностей и пожеланий. Но именинник, как всегда, чем больше его возносят, тем больше себя смиряет и уничижает. И даже негодует на многословие и пустословие: "Мне ничего от вас не нужно (ни подарков, ни похвал, ни благодарностей), меня радует мир, любовь, согласие между вами..."

31.5.1959 г.

О самарянке

“Сам Господь Бог истинное счастие души, истинное утешение, истинное благо, которое предлагал Спаситель самарянке. Другие же ищут наслаждения в чувственном удовольствии грубой плоти, в богатстве, славе, власти земной. Желания и занятия младенческого возраста смешны отроку, чего желал отрок, смешно юноше, чего так страстно желал юноша, смешно зрелому возрасту, чего желал зрелый — смешно старику... Чувства наполняем исполнением желаний бесконечных, а душу опустошаем. Чувства полны, душа пуста. “Велий Господь наш и велия крепость Его и разума Его несть числа.”

Не датировано.

Вознесение Господне

“Раньше недостойные земли, ныне достойные поклонения на небе. Раньше потеряли менее, чем приобрели теперь. Бог устроил в нашу пользу все прежние наши скорби. Будем проводить время свято и жизнь нашу в чистоте, чтобы сподобиться наследовать жизнь в будущем веке на небеси. Иисусе вознесшийся, вознеси души наши, мысли наши из тьмы, суеты, мрака, привязаннос-

ти к земле, плоти, миру и прелестям их скоромимоходящим, к вечности и будущим благам, уготованным Господом Иисусом Христом, искупившим нас Своею кровию".

13.12.1958 г.

День памяти святого апостола Андрея Первозванного

"Он первый водрузил Крест на киевских горах и сказал, что это место и вся страна сия когда-то процветет Православием. А взирая на крест, приготовленный для его распятия, радовался и веселился духом, в надежде через крест соединиться со Христом в Царствии Небесном. Так и мы должны достигать веселия духовного и радости о будущих благах".

"Св. любовь — есть совокупность совершенства. Такую любовь имела Божия Матерь, "небесное чудо, небесная святость".

"Жених моей души ревнивее всего, коль с ним я что люблю, так не люблю Его" (из патерика). "Со креста Спаситель возгласил: жажду!.." Он жаждал спасения нашего..."

21.11.1958 г.

Об Ангелах Хранителях

"Ангел Хранитель дается каждому человеку в момент его крещения. Как нужно беречь

союз души с Ангелом Хранителем? Через совесть и сердце производит он свое действие. Когда человек заботится о спасении души, хранит свою совесть, избегает всякого греха, тогда он чувствует своего Ангела Хранителя. Того Ангел Хранитель наставляет на все благое, посылает добрую мысль, предостерегает от зла. Увидим же Ангела Хранителя в день отшествия нашего из жизни сей. Но каково будет свидание наше — зависит от нас и дел наших. Обрадуется ли Ангел Хранитель или опечалится нашей беспечной жизнью? Он отступит от тех, кто не признавал за собой ни его, ни души своей, отступит от творивших все против совести, от тех, кто совершал грех за грехом, укоренялся во зле, заглушал свою совесть и ожесточал сердце. От того Ангел Хранитель отступает и приступает дух тьмы — диавол и делает человека рабом себе. И погибла душа человека. Ангел Хранитель, отступивши, плачет о той душе.

Будем же внимательны к Ангелу Хранителю, будем его молитвенно просить о помощи во всех благих делах и об избавлении от всякого греха. Будем просить, чтобы вел нас неотступно за собой ко Господу и сами не посрамим его своими делами".

14.1.1959 г.

"Шесть дней Господь творил Вселенную, а на седьмой почил. И роду человеческому

заповедал 6 дней трудиться, а на 7-й отдыхать и посвящать время Богу, во славу Его имени, и во спасение своей души. Но враг рода человеческого по зависти внушает нам не соблюдать этой заповеди. Еще до пришествия Христа Спасителя, когда Господь через Аарона просил фараона отпустить народ на три дня праздника в пустыню для приношения жертвы, фараон, вместо этого, устроил для народа труд и надсмотр. И для того, чтобы нам не уйти в пустыню своей души, фараон (или лукавый) говорит: "Иди на торговли, иди на свои дела, угоди начальнику, или добудь хлеб и одежду детям. Какой тебе праздник?" Мы украдываем у Бога время на свои дела, а Бог проклинает и не дает успеха. А когда предоставишь дела на промысел Божий, то Бог устроит их во благо и с преизбытком, и пошлет благополучный исход их. И, мало того, что мы 6 дней скромно трудимся, но и в 7-й день беспечно, в праздности и винопитии проводим время, вместо того, чтобы пойти в храм для приношения жертвы и благодарения Богу за Его благодеяния."

8.12.1958 г.

Воскресный день

"Сердце тверже камня, тверже наковальни. Злая совесть, ожесточение

души от привычки греховной к плотским и чувственным грехам, и неимение покаяния. Он при виде покойника смеется, замечаниям и упрекам других не внимает, и болеет, и скорбит совестью озлобленною. Легче молотом сокрушить наковальню, чем сердце человеческое. Смерть близких, увещания других людей, церковные наставления о суде, об аде, болезни, скорби — это все млат, ударяющий по сердцу. Но сердце не поддается, закоснело во зле. Как у опившегося вином, обезумел ум против всего доброго, человеческого. Господи, дай нам сердца плотяные, отыми каменные, чтобы чувствовали млат ударяющий! "Ругашеся и биша мя и аз не болех". "Алтарю, алтарю", — обращается пророк, а не к царю и людям, сердца которых тверже камня алтарного".

9.9.1958 г.

"Блажен, творящий волю Божию, а не свою собственную, плотоугодную. Я предаюсь от всей души и от всего сердца в волю Твою, Господи. Делай со мной то, что Тебе угодно. Творящий волю свою имеет рабский страх, привязанность к земным благам. Не стяжавший страха Божия, воли Божией творить не может".

11.9.1958 г.

Усекновение главы Иоанна Крестителя

"Иоанн Креститель за правду, за истину прежде времени умер мучеником. Истина тогда ликует, когда за нее умирают. А то бы все думали, что можно беззаконно жить. Если бы не было правды и истины, то и жизни на земле не было бы. Погибли бы все в беззакониях своих. Нужно всем нам жить по истине и правде, и другим пример подавать этим. Истина, чистота, любовь, целомудрие так любезны Господу. Святые мученики шли на мучения ради правды и истины, посрамляя ложь и беззаконие."

8.9.1958 г.

Слово о времени

"Что дороже всего на свете? Время! И что теряем без сожаления и бесполезно? Время! Чем не дорожим и пренебрегаем больше всего? Временем! Потеряем время — потеряем себя! Потеряем все! Когда самую ничтожную вещь потеряли мы, то ищем ее. А потеряем время — даже не осознаем. Время дано Господом для правильного употребления его во

спасение души и приобретения будущей жизни. Время должно распределять так, как хороший хозяин распределяет каждую монету — какая для чего. Каждая имеет у него свое назначение. Так и время будем распределять полезно, а не для пустых забав и увеселений, разговоров, пиров, гулянок. Взыщет Господь, что мы украли время для своих прихотей, а не для Бога и не для души употребили."

21.11.1958 г.

Собор Архистратига Михаила

"Равенства ни на небе, ни на земле нет и быть не может. Равенство только во Единой Святой Троице. Архангел Михаил смирением, терпением, мужеством победил Денницу. Архангел Гавриил — предвозвестник таин Божиих и чудес. И все имеют свои обязанности."

11.11.1958 г.

Воскресный день

"Дочь Иаира умерла и Господь воскресил ее. Так человек умирает душой. Помыслы греховные, произволение и совершение греха. Тогда благодать отходит и душа умирает. Вот наше нерадение о

душе. Не обращаемся к врачу тогда, когда болезнь только началась и легко исцелима. Не обращаемся и в период болезни. А когда уже умерла дочь (душа), тогда обратились к врачу Душ и телес Господу: “Дочь моя умерла.” “Не умерла, но спит”, — сказал Господь.

Надо с юности своей приносить жертву Господу самим собою, когда находишься во цвете лет, здоровья, чистоты, духа бодрого, а не тогда, когда всего этого лишишься, поработав диаволу.

“Работай дондеже день (жизнь)”, — говорит Господь, ибо настанет ночь, то есть старость, смерть, и тогда поздно будет. Так юродивые девы не имели елея, потому что была ночь, когда пришел Жених и купить елея было негде. Они день провели беспечно, нерадиво и остались их светильники пустыми, и закрылась для них дверь Чертога брачного. Так и мы принесем Господу не хромое, не кривое, не слепое, не гнилое, а здоровое, чистое, первородное. Как пророк говорит: возделывал землю, насаждал ниву, обрабатывал ее, полол, поливал, а когда пришел за плодами, ничего не обрел. Кое-где клас на ниве, кое-где виноград на лозе. Враги Господа пришли, украли и унесли все. Так вот и человек на ниве души своей должен трудиться не бесполезно, внимать себе, чтобы не пришли враги: мир, диавол,

плоть и смерть, и не обокрали ее. Приходит мир — забирает свое, привлекая богатством, роскошью, честолюбием. Приходит диавол, все последнее уносит: чистоту, целомудрие, невинность, страх Божий. Приходит старость и смерть, человек хочет и сам пожать что-нибудь на ниве своей, и ничего не обретает. Лишь кое-где бывало намерение доброе дело соделать при греховной жизни. И жалеет человек, что прожил жизнь и не приобрел добрых дел для будущей жизни. И смерть пришла, и времени уже нет для покаяния, для слез и молитвы. Особенно опасна нечаянная смерть. А потому не нужно откладывать покаяние и приобретение добрых дел на старости лет, когда уже не будет сил ни телесных, ни душевных. Все врагами будет скрадено, а себе — ничего, пусты светильники. Молиться с любовью к Богу и все дела начинать с молитвы. А без молитвы только суетные дела бывают. В молитве просить исполнения воли Божией и Его заповедей, а не того, чего нам хочется. Любить Бога надо непрестанно и молиться непрестанно. Любить истинно и с верою молиться, и Господь не оставит своею милостию. “На кого воззрю, как не на кроткого и смиренного сердцем.” Уничижать себя, сознавать свое ничтожество перед Господом, Творцом всех и всего. “Если он меня не любит, то

и я не буду его любить", — это бесовское слово. Пусть он тебя не любит, а ты побеждай его ненависть любовью. Любовью истинной и страхом Божиим побеждай страсть ненависти.

"Человек смотрит на лицо, а Господь — на сердце." "Бог глаголет уму наставлениями, а сердцу — вдохновениями".

Не датировано.

Отдание Пасхи

"Проси у Бога чистоты сердца и прощения грехов, сокрушаясь в покаянии о содеянном и считая себя хуже всех. И придет Сам Господь к тебе и ты ощутишь такую радость в сердце, о которой не знает мир. Делай по Богу и для Бога, а не для людей, которых люби, но беги. "Взыщите Бога и жива будет душа ваша." Нужно хранить чистоту совести и стяжать непорочное сердце. А отсюда и дела наши, и поступки должны соответствовать заповедям Христовым, чтобы не сказали о нас: "А еще христианами зовутся, а еще молятся, а что делают?" Нужно чистоту и непорочную совесть хранить, чтобы враг не поживился от нас самым малейшим даже, чтобы совесть не упрекала за жизнь нашу, тогда будет мир и радость на сердце."

Не датировано.

“Дух Святой, приими нас, как мать, в объятия Свои. Прииди и вселися в ны, и сотвори обитель в сердцах наших. Очистим ум, сердце, душу от нечистых помыслов, чувств, желаний, ото всего, что оскверняет нас. Помоги нам, Господи, Своею благодатию, без нее мы сами собой не можем спастися и сохранитися. Пресвятая Троица, Боже наш, слава Тебе! “Утверди на камени заповедей Твоих подвигшееся сердце мое.”

Монах Севастиан в Предтеченском скиту Оптиной Пустыни. Фото до 1923 года

Преподобный старец Иосиф Оптинский

“Хибарка” оптинских старцев Амвросия и Иосифа в скиту Оптиной Пустыни

Часовни над могилами оптинских старцев Амвросия и Макария. На переднем плане свежая могила старца Иосифа

Преподобный старец Нектарий Оптинский

Иеромонах Севастиан.
г. Козлов. 1928 год

Поселок Долинка. В такой же глиняной каптёрке старец Севастиан проводил последние годы заключения. Современное фото

Сохранившиеся близ старого храма Рождества Богородицы саманные избушки, из которых состояла прежде Большая Михайловка

Эта и последующие фотографии старца Севастиана относятся ко времени его священнослужения в Караганде

Основанный старцем Севастианом храм Рождества пресвятой Богородицы в Большой Михайловке. Современные фото

Епископ Петропавловский и Кустанайский Иосиф (Чернов) с клиром и прихожанами большемихайловской церкви в Караганде

Возведение о. Севастиана в сан архимандрита архиепископом Иосифом 22 декабря 1957 года

Архиепископ Иосиф (Чернов)
в Большой Михайловке

Архимандрит Севастиан в большемихайловском храме, в помещении для исповеди

В алтаре храма рождества Богородицы. Второй слева - архиепископ Иосиф (Чернов). Рядом—архимандрит Севастиан

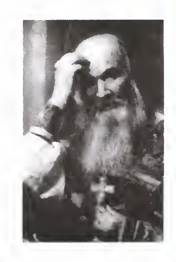
← Сестры большемихайловской общины

В Караганде. Слева направо: иеромонах Иосиф, знакомый о. Севастиану по Оптиной, о. Александр Кривоносов, старец Севастиан, о. Серафим Труфанов

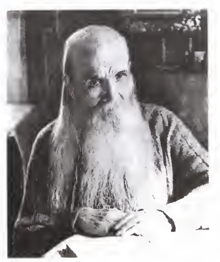

Старец Севастиан с духовными чадами в большемихайловском храме

Келейницы о. Севастиана. Вера Афанасьевна Ткаченко (слева) и Мария Никитична Образцова

Перед отъездом на Мелькомбинат

У Самарцевых на Мелькомбинате. Старец Севастиан говорил, что Мелькомбинат напоминает ему Оптину

У Самарцевых на Мелькомбинате. Справа от о. Севастиана игумен Пармен, бывший узник Карлага

Архимандриты Севастиан и Питирим (Нечаев) у монахини Агнии. 29 апреля 1963 года

Старец Севастиан с духовными чадами. Вторая слева — м. Анастасия

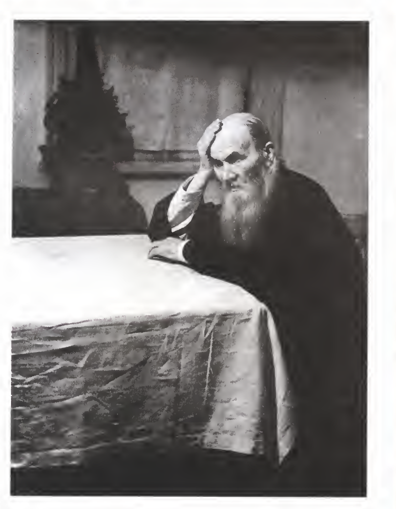

Старец Севастиан с московским протоиереем Алексием Глушаковым († 1996)

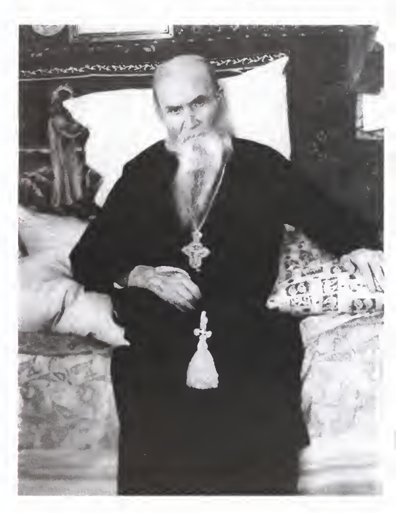

Последние дни жизни. Фото Анатолия Просвирнина

1966 год. Великая среда

Накануне пострига в схиму. 16 апреля 1966 года. Фото Анатолия (в постриге Иннокентия) Просвирнина

Отпевание старца Севастиана совершает владыка Питирим (Нечаев)

Архимандрит Севастиан/Фомин/ Апрель 1966г Караганда

Для сильнейшого впечатления на поклонников покойного,-гроб большею частью стоял-поперек,а не как все покойники.

Надпись на оборотной стороне фотографии, сделанная на печатной машинке, принадлежавшей митрополиту Иосифу (Чернову)

Вынос гроба с телом Старца с церковного двора

Похоронная процессия на центральной улице Караганды

Похоронная процессия на Михайловском кладбище

У могилы старца Севастиана

На могиле Старца. Фото 1997 года

Инокиня Знамено-Сухотского монастыря Агния

Схимонахиня Агния. Караганда

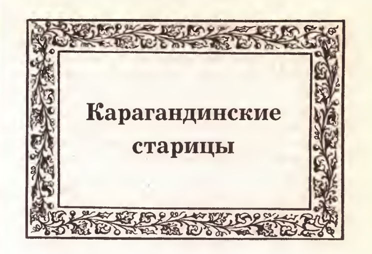
Караганда. Похороны монахинь Агнии и Феклы

Схимонахиня Анастасия

Прибытие в Караганду Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия на освящение нового храма Рождества Пресвятой Богородицы 19 июня 1997 года

СХИМОНАХИНЯ АГНИЯ

Схимонахиня Агния (Александра Васильевна Стародубцева) родилась 15 апреля 1884 года. Она родилась слепой, и родители повезли ее в Воронеж, к мощам святителя Митрофана. У его мощей девочка получила исцеление — она прозрела.

Родители ее умерли рано. Сначала умер отец, а когда Александре было четырнадцать лет, умерла мать. Александра осталась со старшей сестрой и младшим братом. Сестра стала воспитывать брата, а Александра оставила гимназию и упросила родных отвести ее в женскую Знамено-Сухотинскую обитель, где была

знаменитая иконописная школа. В этой обители она прожила двадцать один год, была пострижена в рясофор с именем Агния, обучилась искусству иконописи.

Мать Агния была духовной дочерью старца Варсонофия и каждый год, получая отпуск, ездила к нему в Оптину Пустынь. Она написала с о. Варсонофия портрет, который потом просили у нее в Третьяковскую галерею. О. Варсонофий незадолго до своей смерти отдал ей этот портрет, который и сам очень ценил. Он всегда висел в матушкиной келье в Караганде. Она говорила: "Это не я писала этот портрет, о. Варсонофий писал его моей рукой".

Матушка хорошо знала по Оптиной Пустыни о. Севастиана и также виделась с ним каждый год до закрытия монастыря. Она говорила, что о. Севастиан в молодости был очень красивым, с каким-то особенно светлым лицом, был приветливым, ласковым с посетителями и старался для всех все сделать. Старец Варсонофий называл его благодатным. Старец Иосиф очень любил его и говорил: "Он нежной души".

Однажды произошел такой случай. Мать Агния приехала к старцам и стояла в приемной хибарки. К ней подошел послушник Стефан и легко коснулся своей рукой ее руки. Матушка тогда возмутилась в душе этой, как ей показалось, воль-

ностью со стороны послушника. А жизнь показала, что будущий старец уже тогда прозрел в ней свое духовное чадо и то, что ее рука много потрудится для благоукрашения церквей святыми иконами.

В ноябре 1919 г. Знамено-Сухотинский монастырь был разогнан большевиками, и мать Агния поселилась в городе Новохоперске Воронежской области. В этот период мать Агния писала в своем дневнике: "Господи, помоги пережить все находящее, дай мне силы и терпения. Теперь мне нужна мудрость, чтобы самой решать серьезные вопросы, оставаясь одной на чужой стороне.

1929 год, февраля 18 дня".

Много скорбей, бед и унижений пришлось претерпеть матушке. Но она никогда ни словом не обмолвилась об этом.

В 1952 г. о. Севастиан вызвал ее в Караганду писать иконы для молитвенного дома. И 4 января 1952 г. скорый поезд № 32 привез в Караганду мать Агнию. Трудно было ей прижиться в Караганде, первое время было у нее намерение уехать обратно в Новохоперск, но молитвами Батюшки осталась. Сначала она жила в церковной сторожке, где и писала иконы. Первая икона, написанная ею, была икона Спасителя с Евангелием для иконостаса, выполненная в одном размере с афонской иконой "Скоропослушницы". Когда матушка писала эту

икону, о. Севастиан часто подходил и стоял рядом. И когда икона завершалась, в какой-то момент Батюшка сказал: "Все, хватит, больше ни мазка". Ею написаны и другие иконы: Пресвятой Троицы, Вознесения Господня, Бегство в Египет, Воскресение Христово и много других, которыми украшена вся церковь. Также ее иконами украшена церковь Архангела Михаила в Караганде, церкви в Щучинске, с. Боровском, в Осакаровке и в других городах и поселках. В Алма-Ату Владыке Иосифу ею было написано много икон, в том числе икона святителя Иоанна Тобольского.

В 1956 году мать Агния по благословению Святейшего Патриарха Алексия была пострижена в мантию.

Мать Агния была не только талантливой художницей, но и мудрой старицей. Имела дар прозорливости, который скрывала от людей и обращавшимся к ней с вопросами иногда говорила: "Ну что? Я старый человек, я ничего не знаю, сижу за печкой, нигде не бываю". Но сама все знала и все видела.

Раиса Николаевна Анисимова, г. Челябинск

В сентябре 1966 года мы приехали из Челябинска в Верхотурье на празднова-

ние дня памяти преп. Симеона Верхотурского. Священник Верхотурской церкви о. Алексий спросил нас: “Вы были в Караганде? Там батюшка Севастиан есть, и только по его молитвам я живу. Съездите к нему непременно”.

Мы долго собирались, откладывали поездку, и только в августе 1967 года перед Успением мы впятером приехали в Караганду, где узнали, что Батюшка уже более года как умер. В Михайловской церкви нас встретила м. Анастасия и велела своей послушнице Анне Сидоровне отвести нас к м. Агнии. Мы пришли к ее дому, и матушка вышла во двор, упираясь на тумбочку, с помощью которой она ходила. Она посмотрела на нас таким пронизывающим взглядом, что я подумала: “Сейчас она увидит все мои грехи!” — и стала позади всех. Матушка сказала: “Приходите завтра. Причаститесь и приходите”.

На следующий день, причастившись, мы пришли к матушке. От ее послушницы Марии мы узнали, что матушка всю ночь готовила для нас обед. Матушка посадила нас за стол и стала угощать. И щами, и кашей, и арбузами, и дынями, и виноградом, и чаем — чего только она для нас не припасла и не приготовила. Кормила она нас, кормила, мы ели, ели, уже объелись, а все едим. А сама она стояла на пороге своей кельи и на каждую

из нас глядела. Потом взяла журналы, книги, открыла, где нужно, и каждому дала почитать. А когда почитали, стала давать нам подарки: кому платок, кому отрез на платье. Мы отказываемся: "Да не надо, у нас все есть", — зачем, думаем, обирать матушку? А Мария, послушница ее, говорит: "Берите, раз матушка благословила".

Мы взяли благословение писать ей письма, и я писала: "Матушка, как я Ваш обед вспоминаю, какой он был вкусный!" Она отвечает: "Приезжайте еще на обед". И каждый год в отпуск мы приезжали в Караганду к матушке.

В матушке меня привлекала ее доброта и ласка. Я была молодая, только начинала приобщаться к духовной жизни и встречала порой среди верующих людей жестоких и грубых. А матушка сразу расположила нас к себе своей доброжелательностью. Со временем я поняла, что эта доброта есть плод ее высокой жизни по духу.

Матушка духовно меня растила, она поучала: "Без креста, без крестного знамения ничего делать нельзя, надо все крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Вся земля опутана сетями бесовскими, нужно все время держать молитву", — и все в таком духе говорила. А для меня тогда мало значили молитва и

крест, и я все не могла взять в толк, что за бесы такие кругом?

Из Караганды в Челябинск мы выезжали вечерним поездом. В этот день мы причастились, нас проводили, посадили в вагон. Билеты у нас были взяты на вторые полки. Мы взяли постели и улеглись по своим местам.

Я сплю, но слышу, как объявляют Целиноград. Народу заходит очень много, молодежь идет с гитарами и садятся в наше купе на боковые места. И смотрю, столько с ними заходит бесят, такие маленькие, за полки когтями уцепились, хвосты у них закрученные, головами вертят, смотрят, куда бы прыгнуть. И внизу на полу их уйма, негде ступить! Я все это вижу во сне, хочу открыть глаза и не могу. Я вся сжалась от испуга: "Не дай Бог, — думаю, — прыгнут к нам!" Один бесенок отрывается от полки, идет в мою сторону и лезет ко мне в ноги. Я поджала ноги, крещу его: "Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа", — матушка же сказала, что надо крестом ограждать. И от этого страха, что лезут ко мне бесы, я проснулась, открыла глаза и еще вижу этих бесов. И потом, словно какая-то пелена с меня сошла, пропали бесы, но, смотрю, что народу зашло в вагон, действительно, очень много, и молодежь с гитарами сидит на боковых местах.

Я лежала до самого утра, боялась выпрямить ноги. Утром спутницы мои встали, собираются завтракать, а я боюсь спуститься на пол — ведь там столько бесов! Девочки спрашивают, что со мной? А я давай реветь, что после причастия бесов видела. Но была с нами одна духовная женщина и успокоила меня, что это видение было по сомнению моему, что Господь матушкиными молитвами открыл мне, как земля опутана сетями и сколько падших духов нас окружают.

Матушка воспитывала во мне веру, смирение и терпение. Но не всегда она говорила впрямую. Чаще было так. Спросишь у нее о чем-нибудь, она скажет: "Я не знаю". А потом открывала все через своих послушниц, которые тоже были духовные и понимали матушку. Она мне скажет: "Раиса Николаевна (матушка всех, и молодежь также, звала по имени-отчеству), идите, ложитесь, отдыхайте, отдыхайте". Я пойду в комнату, лягу, а они начинают разговор. И через этот разговор я получала ответы на все мои мысли и недоумения. Или благословит меня сходить на могилку к батюшке Севастиану. Я схожу, помолюсь там. И о чем я на могиле молилась, матушка постепенно мне дает ответ, как бы невзначай.

Я тогда ничего не знала ни о послушании, ни о старческом благословении.

Как-то матушка говорит Марии: “Молочка бы купить”. А я думаю: “Ой, матушка молока хочет! Пойду, куплю ей, сделаю для матушки доброе дело”. Не подумала, что надо взять на это благословение, а решила сделать доброе дело втайне. Пошла в магазин — нет молока. Пошла в центральный магазин — тоже нет. Обошла полгорода, но молока не нашла и возвратилась ни с чем. Мария послушница спрашивает: “Где ты была?” — “Искала молоко для матушки”. — “Да как же ты смела, — говорит, — без благословения уходить? Надо благословение брать”. Я подошла к матушке: “Благословите сходить в магазин за молоком”. Она говорит: “С Богом”. И дает мне денег. Прихожу в магазин и как раз привезли молочные продукты. И я купила их ровно на ту сумму, которую дала мне матушка, копейка в копейку. Она знала, сколько мне понадобится денег.

Вот такой еще случай со мной был. 21-го сентября, в день празднования иконы Божией Матери “Знамение”, мне сказали, что этот праздник был престольным в Знамено-Сухотинском монастыре, где матушка провела много лет и приняла иночество. По этому случаю я купила букет цветов, принесла матушке и поздравила ее. Матушка говорит послушнице: “Мария, возьми, поставь цветы”. Мария

взяла и поставила их в святой угол у большой иконы "Скоропослушницы". Я вышла от матушки и подумала: "Вот, никто из карагандинцев матушку не поздравил, а я поздравила!" Слышу, матушка кричит: "Маня! Убери эти цветы! Унеси, поставь их на печку!" — и так строго. А я вышла в коридор и так заплакала! Так я себя укоряла за свою гордость и тщеславие! И когда я проплакалась, успокоилась, слышу, матушка ласково говорит: "Мария, давай цветы сюда". Так матушка обличила и смирила меня.

Я ездила к матушке десять лет. В последний раз я приехала к ней осенью 1975 года. Ей было девяносто два года. Она была очень больна, страдала водянкой. Время от времени ей делали прокол и выкачку — выкачивали жидкость. Народу к матушке приходило очень много, много приезжало из других городов, особенно из Челябинска и жили у нее месяцами. Вечером, когда уйдет последний посетитель, матушка зовет послушницу: "Мария, подними мне ноги, я лягу". А сама уже не могла поднять их на кровать.

Однажды было много приезжих, и матушка положила нас спать на полу своей кельи. Ночью я проснулась от сильного стука, и мне стало жутко. Я взглянула на матушкину койку, смотрю: сидит матушка, держит в руках посох и бьет им об

пол. Утром спрашиваю: "Матушка, вы не спали? Что-то стук раздавался." Она говорит: "Так сколько людей приходит, рассказывают все, бесов-то оставляют, а мне с ними приходится воевать-воевать".

Однажды утром матушка зовет Марию и говорит ей: "Пойди на улицу, там во дворе стоит женщина, скажи ей, что я не ворожу, а молюсь за людей". Эта женщина впоследствии стала верующей и очень скорбит сейчас, что при жизни матушки не ходила к ней.

Матушка никогда не держала в доме никаких животных, но в последние годы жизни у нее появились кошки. Она кормила их из своей чашки, ласкала их и кошки были покорны ей, и необычайно умны. Когда она их завела, многие стали считать, что матушка по старости выжила из ума. Но это не так. Мать Агния — мудрая старица, она через кошек много обличала человеческих грехов. Однажды приехали в Караганду на каникулы двое семинаристов из Сергиева Посада. Матушка перед их приходом говорит Марии: "Принеси в келью котов". Мария принесла двух котов, и они улеглись на столе. Матушка говорит: "Накрой их новым полотенцем". Мария накрыла их, и они продолжали лежать. Приходят семинаристы и, благословясь, заходят к матушке в келью. Один из них подходит к столу и гово-

рит: “Что за безобразие, коты на столе!” И хотел их сбросить. Но второй остановил: “Не трогай, это наши грехи обличают, проверяют наше смирение.” И пока семинаристы находились у матушки, коты покорно лежали на столе, а когда ушли, коты встали и вышли из кельи.

У матушки в доме совершались события, которые на первый взгляд можно отнести к случайным, но они имеют определенный смысл. Приехал к матушке из Челябинска молодой человек по имени Георгий. Это было зимой. Он зашел к ней в келью, снял с головы кроличью шапку и положил ее на кровать. Вдруг матушкина кошка подошла к шапке, стала катать ее по кровати, а потом сбросила на пол. Келейница подняла шапку и отругала кошку. От матушки Георгий пошел в церковь, повесил в притворе на вешалку пальто и шапку, а когда шел со службы и хотел одеться, то обнаружил на вешалке только пальто, а шапку украли”.

К матушке приезжала из Долинки двадцатилетняя девушка Татьяна. Эту историю, как матушка определила Таню в Царствие Небесное, карагандинцы рассказывают по-разному. Кто говорит, что у Тани был жених-моряк, с которым она встречалась и собиралась выйти за него замуж, другие утверждают, что матушка, чтобы отвлечь мысли Татьяны от зна-

комых ей юношей, обрисовывала ей далекого сейчас жениха, который служит на корабле капитаном и возьмет ее, свою невесту в плавание, как игумению на свой корабль. И подарила ей четки. Матушка описывала красоту этого жениха, образ которого из ее уст соответствовал образу Самого Господа нашего Иисуса Христа.

Во всяком случае матушка за год назвала ей день "свадьбы" — 2 августа. Отец купил Татьяне красивую фату, но туфли и свадебное платье матушка покупать не благословляла, говорила: "Еще не время". А в конце июля матушка велела Тане срочно пойти и купить к фате восковой веночек — "Уже время подходит, уже тянуть некуда"— и дала три свечи "на венчание". Татьяна недоумевала: "Почему матушка на венчание дала три свечи? Куда она меня готовит? Я думаю, она не замуж меня готовит, а куда — не знаю".

2 августа, когда на дороге случилась авария, Мария послушница собиралась в церковь. "Маня! Маня! — Кричит ей матушка, — душа Танина поднимается! Беги скорее в церковь, скажи, чтобы поминали за упокой новопреставленную убиенную Татьяну!"

А произошло следующее. Татьяна ехала в автобусе, который обогнал самосвал с прицепом, груженным углем. При обгоне прицеп оторвался от самосвала и уда-

рил в автобус. Все пассажиры остались живы, погибла одна Татьяна.

Хоронили ее в белой фате с восковым веночком и на трех сторонах гроба горели Танины венчальные свечи.

Игумен Николай (Карпов), г. Щучинск

С матерью Агнией я познакомился в 1973 году. Я был тогда совсем светский человек, невоцерковленный и приехал к ней ругаться (это касалось моей личной жизни). И так получилось, что при общении с матушкой все переменилось в моей жизни и умирилась моя душа. Это была старушка под девяносто лет, но с такими чистыми, ясными, голубыми глазами. Казалось бы, что может знать бабушка, которая нигде не училась, жила с четырнадцати лет в монастыре, и что она может рассуждать о жизни после монастыря? И тем не менее, на все мои вопросы она давала такие ответы, что и образованный человек не сможет так ответит, как отвечала она.

Я приехал (это было еще до армии), она поговорила со мной, попоила чаем и отправила в церковь: "Идите в церковь, молитесь". Как молиться? Ну, мама нас в детстве водила в церковь, причаща-

ла, и больше я в церкви никогда не молился. Пришел в церковь, а народа там мало было, бабушки на меня оглядываются. Такое ощущение — все на тебя смотрят, ну как молиться? И я за столб встал и молюсь, как могу. Помолившись, пришел к матушке. Она меня чаем поит, угощает, рассказывает о своем прошлом, как она жила, как в монастырь поступала, и говорит: "Был у меня знакомый дворянин, очень благородный человек, но как придет в церковь, все ему кажется, что на него все смотрят. Он встанет за столб и стоит". Я сперва не понял, спрашиваю: "Как фамилия этого человека?" — думал из истории какое-то знакомое лицо. А она мне не ответила и стала дальше рассказывать. Только после я понял — она про меня рассказывала.

Матушка хотела, чтобы я съездил в Алма-Ату, познакомился с Владыкой Иосифом. "У нас, — говорила она, — прекрасный Владыка". Матушка к нему тепло относилась, и он ее очень почитал, и когда приезжал в Караганду, всегда посещал ее. Но у меня появилось большое доверие и расположение к матушке, и я говорил ей: "Мне достаточно того, что я знаю Вас, других мне, в общем-то, не нужно". И до армии мне так и не удалось познакомиться с Владыкой.

В армии я служил всего год, а когда демобилизовался, решил ехать в Загорск поступать в Семинарию. Сразу, еще не получив паспорт, поехал в Караганду взять у матушки благословение на учебу. В это время у нее гостила приехавшая из Алма-Аты знакомая владыки Иосифа, Евстолия Ивановна Лещёва. И матушка за нее ухватилась: "Вот она едет в Алма-Ату, и вы с ней вместе поезжайте к Владыке. Поезжайте, поезжайте!" Деваться было некуда, раз матушка меня туда отправляет, и я поехал.

Владыка принял меня очень хорошо. Я увидел перед собой старца в обычном подряснике, в фуфайке. Я не мог сравнить этого митрополита с другими митрополитами, я еще митрополитов никогда не видел. Я встретил внимательный взгляд Владыки, который сразу хотел понять, что за человек к нему пришел. Я был уже много наслышан о нем, поэтому я тоже внимательно смотрел на этого старца, к которому так благоговейно относилась матушка. Он был немного возбужден (впоследствии я узнал тому причину — от Владыки собирался уходить его келейник). Владыка обо всем меня расспрашивал, оставил погостить. Когда я уезжал, он спросил: "Может, ты ко мне еще приедешь?" — "Как Господь, — говорю, — может, еще приеду когда-нибудь".

Я приехал домой в Челябинск, получил паспорт и снова приехал в Караганду с намерением сразу оттуда ехать в Москву. Только приехал туда (это было в десять часов утра), заходит Валя Веретенникова и так странно на меня смотрит. А она незадолго до меня была у матушки, потом пошла в переговорный пункт звонить Владыке по каким-то делам, а он спрашивает: "Где там этот, который у матушки находится? — Как-то странно он выразился — Где он там? Пусть ко мне приезжает, мне он очень нужен". А Валя говорит: "Его нет, он уехал давно на Урал, я только от матушки, нет его там". — "Да там он, там. И скажи матушке — пусть посылает его ко мне". И вот она заходит и глаза вытаращила — я сижу у матушки и пью чай. И передает матушке, что Владыка просит меня приехать. "Ну, Божественный промысел что-то меняет, — говорит матушка, — и вам придется ехать в Алма-Ату". Я настроился в Загорск, а тут в Алма-Ату, то одно, то другое. "Ну, как благословите, матушка, так пусть оно и будет", — сказал я и через два дня был уже в Алма-Ате у Владыки.

Владыка был очень расстроен, от него ушел келейник. Мы не виделись малое время, а он выглядел уже ветхим старцем. Он сильно переживал, по-видимому.

Владыка сказал: "Поживите у меня". И я жил у него восемь месяцев до дня его кончины.

Вот эти люди, Владыка Иосиф и мать Агния, имеют такое свойство — просто взять душу человека в свои руки и уже все, человек вольно-невольно изменяется, преображается. Они имеют способность благодатного воздействия на душу другого человека. Когда у человека какие-то тяготы душевные, человек возбужден, что-то ищет в жизни и вот попадает к этим людям, и сразу успокаивается, сразу чувствует, что он нашел то, что искал. Такое свойство было и у матери Агнии, и у Владыки Иосифа, и это очень ярко проявлялось. Вот и со мной тоже. Я не знал, как мне жить, куда себя направить, и увидел мать Агнию, увидел ее добрые дела и хотелось брать с нее пример, подражать ей в чем-то, хотя в то время я был далек от церкви. И Владыка Иосиф — то же самое, он взял меня в свои руки.

Это очень яркая личность. Много впечатлений осталось после Владыки, и не только у меня. Когда он умер, кто-то позвонил по телефону и спрашивает: "Что, правда что ли, что Иван Михалыч умер?" (Его мирское имя Иван Михайлович). — "Правда", — говорю. — "Да-а-а, — с таким сожалением в трубке послышалось, — законный был человек!" Не сказали,

что высоко культурный или еще как, и выражение показалось мне не совсем литературным, и звонил, видимо, человек нецерковный, может, просто когда-то в жизни пути пересеклись, но с таким сожалением: "Законный был человек".

Владыка Иосиф и мать Агния — это были два человека, которые очень сильно уважали друг друга. Я даже не могу сказать, кто кого больше уважал — Владыка мать Агнию, или мать Агния Владыку. Как-то я собирался от Владыки съездить на несколько дней к матушке в Караганду. А он в то время говорил со мной о монашестве: "Я, — говорит, — тебя постригу, дам документ, но откроется это только после моей кончины". Я отказывался, считал, что монашество не для меня, не по моим силам. А он подумал, наверное, что я просто не хочу от него принимать постриг и говорит: "Ну, ладно, не хочешь от меня, пусть тебя пострижет мать Агния. Иди, она это сделает, а я заверю своей рукой". Я тоже отказался от этого. Хотя я не знаю до сих пор, имеют ли право монахини постригать в монахи, но вот такое благословение у меня было.

Мать Агния предсказывала Владыке о том, что ему будет предложено патриаршество. Она говорила об этом иносказательно, но Владыка сразу ей сказал:

"Матушка, замолчите, иначе я Вас отлучу от Церкви". И Владыку, действительно, впоследствии выдвигали кандидатом на патриарший престол, но он отказался.

Матушка очень много предвидела и в моей, и в своей жизни. Моя мама приезжала к матери Агнии еще до моего знакомства с ней, и матушка передала для меня икону Спасителя, предвидя, что неверие мое пройдет, и я даже приму священный сан.

Матушкина прозорливость проявлялась порой как бы невзначай. Помню, пришла как-то очень бедная, очень больная женщина. Матушка говорит: "Николай Михалыч (я был еще молод, 22-х лет, но она называла меня по имени-отчеству), Николай Михалыч, вон там яички, дайте ей яички". — "Сколько, матушка?" — "А вы посчитайте, сколько там, посчитайте". Я посчитал — пятнадцать. "Ну вот, отдайте ей". — "А нам, — говорю, — что?" — "А нам принесут, не беспокойтесь". Проходит часа два, приходит другая женщина и приносит яички: "Матушка, возьмите яички". "Николай Михалыч, — говорит матушка, — возьмите, посчитайте, сколько там, посчитайте". Я посчитал — пятнадцать. Вот такое вот. Вроде бы оно мимоходом, но когда начинаешь осознавать... Или в другой раз: я собирался ехать домой в Челя-

бинск и говорю: “Матушка, мне надо пойти позвонить, чтобы предупредить домашних”. “Ну, — говорит, — поедете и на вокзале позвоните. Идите на службу, не беспокойтесь, на вокзале позвоните”. Помолился я, иду со службы, думаю: “Ну когда на вокзале звонить? У меня еще и билета нет. Пойду, позвоню сейчас”. Пошел на переговорный пункт — закрыто. Сел на автобус, поехал на другой переговорный пункт, звонил-звонил — связи нет. Вспомнил матушкины слова, ну, думаю, толку не будет, поеду к матушке. Приехал, так замерз, что ничего ей не сказал, попил чаю и стал собираться к отъезду. На вокзал я приехал поздно, за пятнадцать минут до отхода поезда. Иду по вокзалу, смотрю — переговорный пункт, дверь открыта, никого нет. Забегаю туда, набрал номер, два-три слова сказал, сел на поезд и поехал домой. И буквально две-три минуты мне понадобилось, чтобы позвонить.

Мать Агния и Владыка Иосиф — это два человека, которые изменили мою жизнь. Не только мою, они очень многих изменили своей благодатью, смирением, своим терпением и молитвами. Как преподобный Серафим сказал: “Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи”. И это те люди, вокруг которых, действительно, тысячи спаслись.

Мать Агния умерла 17 марта 1976 года, будучи пострижена в схиму. Когда она заболела предсмертной болезнью, сорок дней не вкушала пищу и, предвидя близкую кончину, предсказала, что будет два гроба.

17 марта, после принятия Святых Таин, мать Агния мирно предала свою душу Господу. Пришли сестры обмыть и облачить ее. Пришла с ними последняя из четырех монахинь, что приехали к батюшке Севастиану в Караганду в годы его заключения, мать Феврония (в монашестве Фекла). При облачении матери Агнии скоропостижно скончалась и мать Феврония. Мать Агния взяла ее с собой из юдоли плачевной в Небесный чертог вечной радости — так рассудили об этом сестры. Похоронили их рядом на Михайловском кладбище.

СХИМОНАХИНЯ АНАСТАСИЯ*

Родилась Анастасия Ивановна Шевеленко в 1888 году в Витебской обл. в семье сапожника. Детство у нее было очень тяжелым. Отец пил, ругался и окончил жизнь, будучи убит при кулачной битве. Сама мать Анастасия вспоминала, что она не только не плакала об отце, но даже мать уговаривала не плакать: "Теперь папа не будет ругаться". Осталось у матери восемь человек детей, все маленькие. О матери она вспоминала очень хорошо. Мать была всегда спокойна и очень религиозна. Мать отдала Анастасию в школу, но учиться она не захотела. "Вызвали меня в первый раз читать, — вспоминала матушка, — попался стих, который я знала на память "На дворе мороз

* Записала со слов монахини Анастасии монахиня Иулия.

трещал..." Прочитала его по книге очень хорошо и меня сразу перевели во второй класс. Но когда в следующий раз вызвали, попался незнакомый. Я не смогла прочитать его и меня снова перевели назад в первый класс. Но учиться я не захотела и бросила".

О детстве своем матушка вспоминала:

"Раньше в каждой семье был свой старец: что мать скажет — закон. — Мама, на чем свет стоит? — Особые люди молятся. — А могу я их увидеть? — Нет, это особые избранники Божии.

Вдруг бежит Петя. — Мама, Петька-дурачок бежит. — Он не дурачок. — А ребята его так зовут и бросают в него камнями. — Они сами дураки, — говорит мать, — а Петенька Христа ради юродивый. А я подумала: "Может, и я смогу дурачком Христа ради?" И, слава Богу, прожила дурачком. (На это время Господь часть ума отбирает.)"

Когда Анастасии исполнилось десять лет, ее взяла тетка, отцова сестра, помогать в торговом деле, а в четырнадцать лет брат устроил ее на винный завод мыть посуду. Там она проработала три года. Затем Анастасия ушла из дома, но ее нашли и проводили домой. С этого времени ее стали считать сумасшедшей. Вскоре снова пошла она за водой, оставила ведра

у колодца и ушла навсегда странствовать. Молодая девушка восемнадцатити лет стала скитаться, не имея где голову преклонить.

"Каждую ночь, — вспоминала матушка, — надо было искать себе ночлег, а утром опять идти. Было очень тяжело, особенно однажды, помню, было холодно, грязно, лил дождь, и я вся промерзла. Куда ни зайду — везде отказ. На душе тяжесть была невыносимая. Нашла в поле маленькую будку, голову — в будку, а туловище осталось на улице. Так и переночевала. Наутро пошла в церковь. Только ступила на церковную паперть, как слышу священник читает: "О пресладкий и всещедрый Иисусе..." Я упала вниз, и слезы ручьями полились из глаз. "Господи, про Тебя-то я и забыла!" Сразу подошел диакон, пригласил к себе в дом. И затем все начали звать. Так Господь нас испытывает и через скорби научает не надеяться "на князи на сыны человеческие", а надеяться только на Его Единаго.

Затем уехала в г. Шую Ивановской области к тетке. Она определила меня к одному фабриканту горничной. Работа была легкая, но прожила там две недели и ушла из-за преследований хозяина. Потом тетка устроила к одному барину, который был духовным сыном старца Амвросия.

Там я была домработницей шесть лет. Работы было очень много, но я справлялась. Мне очень хотелось молиться, но было некогда. А барыня спала до двенадцати часов дня. "Как же, — думаю, — ей не жалко времени?" А я плачу и бегу в церковь, раздам на паперти нищим денег понемногу, чтобы всем хватило. Так я отрабатывала — нанимала за себя молитвенников. А потом напала такая тоска, такое уныние охватило, что и жить казалось невозможно. "Неужели, — думаю, — всю жизнь придется так провести?" Но Господь милосердный очень близок к скорбящим. Одна монахиня Руфина посоветовала поехать в Оптину Пустынь к старцам. Поехала. Враг смущал помыслами вернуться, с трудом добралась. И как только дошла до речки Жиздры и ступила одной ногой на паром, сразу легче стало. О. Анатолий благословил меня жить на старом месте, написал хозяину, чтобы принял меня с любовию. Хозяин принял, и я прожила у них еще 2 года. Потом пошла в Полоцкий монастырь, где получила иночество. Однажды поссорилась там с одной матушкой. И эта матушка как-то несла чайник с кипятком. Я подскочила, вырвала чайник и бросила в сторону. Все были поражены таким поступком. Но прошло немного времени, и сия матушка броси-

лась ко мне в ноги и призналась, что хотела меня обварить.

В монастыре прожила 2 года и ушла странствовать. В Оптиной Пустыни старец Анатолий благословил на юродство. Он дал мне двух попутчиц и велел сходить в Тихонову пустынь. Прошли немного, и у меня открылась страшная дизентерия. Я не могла идти, легла в лесу и вижу, идет мой отец, без шапки, и говорит: "Не оставайтесь здесь, а идите в ближайшее село". И мы пошли. Едва дошли до первой хаты, я села на порог, глаза закрылись, и я потеряла сознание. И вдруг какая-то невидимая сила коснулась меня, вместо рук появились сильные крылья и растянулись в обе стороны. Открылись духовные очи, и я увидела, что множество бесов проходило мимо меня, готовые меня разорвать. Но я была причастница и изображала крест — туловище и крылья поперек, и бесы не могли меня коснуться. А последний, самый главный, вытащил колоду карт и хотел ударить меня ими по лицу, но только зацепил. И я вспомнила, что играла в карты и не покаялась в этом.

Переночевали мы. Утром мои спутницы отправились в Тихонову пустынь, а я не могла встать. Через некоторое время встала, хотела идти, но снова упала в сарае лицом в коровий навоз. И, видно, я

долго лежала, что все на мне подзасохло. В это время было видение: женщина в черном одеянии — Матерь Божия, а под яслями монах, иеродиакон Павел (вот я его когда еще видела, когда его и на свете не было). Потом меня обмыли, накормили; и я пошла до селения, где жил брат о. Георгия Чекряковского. Стемнело. Где же, думаю, переночевать? Пошла в церковь, толкнула дверь, она оказалась незапертой. Я обрадовалась, зашла в церковь и стала устраиваться на ночлег. Сняла верхнюю одежду и осталась в белой нижней рубашке с длинными рукавами. Как прошла ночь, я не заметила. Утром пришел сторож, увидел меня во всем белом и напугался — не приведение ли это. Он убежал и вернулся с братом о. Георгия Чекряковского и его молодой женой. Схватили меня, повели в полицию. По дороге спросили паспорт. А я им говорю, что паспорта у меня нет, а есть бумажонка. (Когда я уходила из Полоцкого монастыря, одна блаженная сказала мне, чтобы я взяла от монастыря бумагу.) И когда они прочитали бумагу, молодая жена сказала: "Ой, блаженненькая!" (Матушка всегда плакала при этих словах.) Привели меня к себе в дом, подали борщ с мясом. Видя их усердие, я поела весь борщ. Потом они проводили меня к о. Георгию Чекряковс-

кому, которому я открыла, как трудно мне странствовать. Он сказал: "Это потому, что крыши над головой нет. Хочешь, оставайся у нас". И куда что делось! Сразу легко стало, я вскочила и опять пошла скитаться. Шла, шла, заблудилась в лесу. Было холодно, уже снег лежал, одета была легко, стала замерзать. Хотелось лечь, и чуть не легла. Увидела двух мужчин, побежала от них и попала на дорогу. Забежала в первую избушку, там сапожник отогрел и накормил".

Жила в Оптиной, когда батюшка Севастиан был послушником у старца Нектария. Там ходила в рваной красной юбке. Бывало, Господь открывал в ком-то тот или иной порок и тогда обличала при всех, за что бывала бита*. Но батюшка Севастиан никогда не бил матушку, а только на ноги ей наступал, когда матушка забиралась в келью старца.

"А помнишь, Настя, — вспоминал както Батюшка, — как я тебя в Оптиной тур-

* В частности из рассказов карагандинцев о матушке , известны такие факты: однажды во время Всенощной она подскочила к монаху, читавшему паремии, обнажила грудь, подхватила его под руку и так прошлась с ним до амвона. Также во время крестного хода на Преображение влезла на дерево и стала кидать в духовенство яблоками, тем самым, предвещая скорое закрытие монастыря.

нул однажды, когда ты спряталась к старцу под кровать? Кубарем по лестнице летела. А о. Нектарий говорит мне: “Ну-ка, Стефан, турни ее, непослушную. Ишь, — говорит, — спряталась! Расправься с ней! Все равно будешь юродствовать, другой дороги тебе нет”. Тут Батюшка замолчал, потом говорит: “Как мне было тогда тебя жалко! Но — послушание”. А матушка не хотела юродствовать, рыдала. (Она красавицей была: щеки красные, косы длинные.) А батюшка Нектарий говорит: “Бога не послушаешь, в аду, думаешь, легче?”

А однажды пошла в лес, собрала ягоды, села, покушала и очень захотела пить. Вдруг вижу, ключ из-под земли бьет, вода вкусная, прозрачная. Набрала я этой воды в судок, напилась. А потом ходила по лесу и во всю мочь пела песни. С тех пор начала петь. Снова захотела пить, пошла на то место, а ключа уже не было.

Однажды в Оптиной бегала я по льду разутая. Ко мне подошла приятельница, увещевала меня обуться, а я продолжала бегать. А потом пошла в церковь класть перед каждой иконой по три поклона. И ноги мои сделались, как деревянными, и перестали гнуться. Это заметил один старец. Он подошел ко мне и спросил: “Что это у тебя ноги не гнутся?” Я сказала, что это от поклонов, а он говорит: “Нет,

ты их простудила, и они будут болеть". Я очень сильно заскорбела, испугалась, что останусь без ног, и в одно мгновение из красавицы сделалась страшной — вот как скорбь влияет на человека.

Двадцать шесть лет мне было. Осенью заблудилась в лесу возле Оптиной. Пошел снег, а я босиком. Долго искала выход и ночью пришла в скит, села на чугунную плиту. Меня увидели монахи, пригласили в будку. Я не пошла к монахам, а пошла в монастырь. Стучу, спрашивают: "Кто?" Я не стала признаваться, а пошла на лесопилку. Там домик для сторожа оказался свободным, но нетопленым. Влезла на печку, а прикрыться нечем. Так и была до утра, пока знакомые не обнаружили и не взяли в дом. Там отогрели мои ноги, которые были, как деревянные, особенно икры. Но ничего, не болели. А болели только в Караганде в 1964 году.

Когда были сильные гонения на христиан, жила в Калуге у одной монахини. Очень болела, думали, что не выживу. Однажды утром хозяйка ушла в церковь, а я вижу, будто читаю правило перед иконой Богоматери, и Матерь Божия в киоте зашевелилась. Потом смотрю, Она стоит у стола в белом апостольнике и смотрит на меня, а киот свободный. Я ей говорю: "Матерь Божия, что же это делает-

ся?” (Имела в виду гонения на христиан.) А Она сказала : “Пей крещенскую воду с просфорой”. И снова вошла в киот.”

С тех пор мать Анастасия всегда запасала очень много воды на Крещение. В Караганде замораживала воду кругами и целый год всех поила Крещенской водой с просфорой.

В годы гонений матушка была в лагерях.

После освобождения ее привезли в Кокчетав на поселение. “Пошла по хатам. Пришла в один дом, там сказали: “Хлеба у нас нет”. Но накормили картошкой с квасом. Пошла в другой дом, там меня сразу схватили и хотели вести в милицию — у них белье пропало. Но заступились соседи и меня отпустили. Иду дальше. В третьем доме опять схватили — мешок пшеницы пропал, опять меня обвинили. Плохо было бы мне, но дядечка один заступился, отпустили. Я ведь после заключения выглядела, действительно, как шпана. Итак, ночь на дворе, куда идти ночевать? Пошла к одним матушкам, но стучать не посмела и легла у них на дворе. Пошел снег и накрыл меня толстым слоем, но мне было тепло”.

В Караганде жила в сторожке, любила всех кормить, а сама ела мало. Кто что давал — с радостью принимала, будто ей

надо. А сама тут же все другим отдавала. Спала сначала в ванне, где хранилось ее барахло. Потом в холодном углу наложила разных бугров, так что долго не улежишься на них. Спала с вечера, а ночь работала — убирала под нарами, варила квас. Квас варила очень хороший и всех поила. Временами бушевала и некоторых сестер доводила по каким-то причинам до слез. Одевалась — на одной ноге галоша, на другой — валенок. Часто бывало, что зимой ходила в галошах и ботах, а летом в валенках. Платье всегда грязное, если наденет чистое, оно недолго продержится. На голове платок или тряпка, почти всегда растрепанная. Начнешь ее прибирать — гонит: "Убирайся вон!" Только перед причастием одевала все чистое и поаккуратней себя вела.

Матушка обладала даром прозорливости. Однажды какая-то тяжесть навалилась на меня, и мысли теснили голову так, что не могла молиться. Вдруг сзади кто-то сильно ударил меня по плечу: "Ты нашлась? А я тебя всю ночь искала!" — громко сказала мать Анастасия. И сразу мне стало легко. Ударом руки с молитвой она прогнала лукавого. Неоднократно отвечала на мысли. Было мне тяжело. "И матушка не глядит", — думаю. Тут же она подошла и молча смотрит прямо мне

в глаза. Я говорю: "Помолитесь, тяжело на душе". — "Вот Батюшка один в комнате, беги скорей к нему". Прихожу, Батюшка, улыбаясь, спрашивает: "Что ты?" — "Тяжело на душе", — отвечаю. Он провел ручкой по груди и говорит: "Лукавый, детка моя, не дает покоя. Пройдет". И, действительно, все прошло.

1970 год. Вербное воскресенье

Во время Литургии стало плохо одной старушке, но выйти на улицу ей было невозможно из-за множества народа. Матушка сидела на левом клиросе и попросила нас помочь старушке пройти на клирос. Затем посадила ее рядом с собой, положила голову старушки на свое плечо. Не прошло и десяти минут, как старушка встала и благодарила матушку — все у нее прошло. Но матушка заболела. Часто она брала болезни ближних на себя. Трудно ей приходилось и даже призналась однажды: "Пожалела одну тяжело больную, вот теперь и терпи".

В августе 1970 года наметили ломать церковную сторожку, которую Батюшка при жизни ломать не благословлял. Завтра должны прийти рабочие и приступить

к ломке. Мы все скорбели, что нарушается батюшкино благословение. Матушка Анастасия накануне сильно заболела, просит закрыть ее и никого не впускать. Так и лежала всю ночь до трех часов дня. В три часа дня вскочила, выбежала из комнаты и говорит: "Ну, все хорошо, полегчало". Тут же заходит староста с уполномоченным, и уполномоченный запрещает ломать сторожку и затевать стройку. Конечно, по молитвам матушки.

Случай или чудо

В июле, под праздник перенесения мощей преп. Сергия Радонежского, матушка сказала нам: "Завтра собирайтесь к преподобному в пустынь, в село Долинка, где Батюшка отбывал заключение". Не очень радостно приняли мы это благословение, так как занимались тяжелой работой — красили церковь и очень устали. Начали отказываться: "Мы устали, хотим отдохнуть". А матушка говорит: "Вот там и отдохнете. А головы просвежите лучше, чем дома".

Утром на преподобного Сергия было пасмурно, моросил дождь. А когда начался молебен, дождь как из ведра полил. Мы все обрадовались: "Теперь не поедем, отдохнем". После молебна пошли к матуш-

ке с надеждой, что теперь она нас не благословит на поездку. Но только открыли дверь, она сразу: "Ну как, поедете?" Мы замялись, переглянулись и произнесли: "Как благословите". — "Сейчас же, не медля ни минуты, отправляйтесь. С Богом!" Нехотя мы собрались и отправились. Только сначала зашли благословиться на могилу батюшки Севастиана.

Приехав в Долинку, мы пошли к месту назначения, в отделение, где Батюшка был в последние годы заключения. Долго шли до леса, потом лесом, а дождь все идет и идет. Мы шли и любовались красотой природы, рассматривали, как искусно и ровно насажены аллеи деревьев, которые сажали заключенные и в их числе наш Батюшка. Потом сели под дерево, аппетитно поели, отдохнули и пошли дальше. Мы забыли про дождь, который шел, не переставая. Чувствовали себя превосходно, на душе разлилась теплота и радость. Мы шли и вспоминали про Батюшку. Под ногами лужи, грязь, а идти было легко, даже казалось, не шли, а летели. К пяти часам вечера пришли в отделение, где был Батюшка. Дождь сразу перестал, выглянуло солнце, и это место, в окружении насаженного заключенными леса, выглядело замечательно. А когда пошли назад, снова полил дождь. А мы, весь

день проведя под дождем, были совершенно сухие. Мы были очень довольны, радостны, на душе легко, головы свежие. Поздно вечером приехали домой, рассказали матушке, а она говорит: "Сам Батюшка с вами ходил и укрывал вас от дождя". Мы все очень благодарили матушку за такой отдых.

Однажды летом сестры, которые жили с Батюшкой на Нижней улице, собрались идти в поле копать картошку. Мать Анастасия тоже попросилась с ними. Она берет большой мешок и кладет в него галоши, платки, кофты, чулки и прочее. Напихала полный мешок. Сестры смеются: "Что это Вы делаете, матушка? Тяжело будет мешок нести". — "Донесу, пошли!" Пришли в поле, стали работать. Вдруг нашла туча, подул ветер, хлынул дождь, и сразу похолодало. А матушка стала нас одевать и укрывать кого чем, весь мешок раздала. Все мы благодарили ее.

Таисия Григорьевна Фомина

С матушкой Анастасией я была очень близка, она была мне даже ближе и роднее, чем Батюшка. Мать Анастасия — это

была истинная любовь. На кого-то она нашумит, а меня жалела всю жизнь. Она шла путем юродства, ее трудно было понять. Вот, родной ее брат (в Петербурге жил), он считал, что она сумасшедшая. В семье ее очень любили, а когда она стала чудить, все о ней плакали. Матушка жалела своих родных, ее сестра Марина приезжала сюда три раза, еще при Батюшке. А наши ездили к ее брату в Петербург и брата видели (он на нее похож, она в молодости очень красивая была), и брата причастили. Но они не могли понять, что она здраво мыслит.

Свое дело она делала прикровенно, не показывая явно свою мудрость, а порой и так, что ее били, ругали или считали суровой. Помню, матушка ругает одну нашу сестру, что та взяла что-то без спроса: "И такая ты и сякая, и чтоб у тебя руки отсохли!" А я подхожу и говорю: "Матушка, а я однажды тоже что-то взяла у Вас без разрешения". Она повернулась и говорит: "Вот мой угол, вот мое имущество, все, что хочешь бери, и мне не говори". Матушке надо было чем-то смирить эту сестру. А своего у нее ничего не было. Что ей принесут — все ей нужно, все возьмет, а через пять минут у нее уже ничего нет, все раздала. А тех, у кого провидела большую нужду или горе, ублажала

больше остальных. Кто-то поропщет, что она другого так ублажает, а у того случится такое горе, что ничему не обрадуешься.

Или — вот, сели за стол. Матушка одному дает, другому тарелку пододвигает, третьему, и сама, как будто сидит и ест. А оставалась голодной. И даже однажды сказала мне: "Тася, вот я ни разу хлеба до сыта не наелась".

Матушка с молодых лет была очень больна по-женски, ей предлагали операцию, но она отказывалась, хотя болезнь причиняла ей тяжкие физические страдания. Когда она, еще будучи молодой, обратилась по этому вопросу к старцу в Оптиной Пустыни, он сказал: "Это тебе вериги". И эти "вериги" матушка пронесла до конца. Кроме того, у нее были больные ноги, очень отечные, со вздутыми венами, и судороги страшные. Она терпела и никогда не пользовалась никакими лекарствами. Это труд ее, это подвиг на протяжении всей ее жизни. Может быть, валенки и галоши она носила потому, что другая обувь ей не подходила.

Матушка пела на клиросе, у нее голос был хороший. А как она молилась, никто не видел, но знали все люди, что молится она за всех.

При церкви матушка работала не покладая рук, все мыла, все убирала. Она

варила очень вкусный квас и кисель из овса. Куда идет за Батюшкой и кисель с собой несет. Батюшка едет на Мелькомбинат, и она за ним. Она и пешком могла пойти, и знала все дома, в которые заходил Батюшка. Раз он поехал на Мелькомбинат к Александре Софроновне — у ее мужа был рак пищевода, и Батюшка поехал причастить его и отслужить молебен. И пока они в доме молились, матушка пошла на огороде хозяйничать. И когда Софроновна вышла и поглядела на огород, ей плохо стало. Матушка все огурцы, которые должны были уже зацвести, повырывала, верхушками воткнула в землю, корнями наверх. "Мать! Да что ты наделала! Хоть бери палку и лупи тебя!" А на следующий день ударил такой мороз, что все на огороде померзло. А матушка заранее у Софроновны на огороде убрала, но никакого убытка ей не причинила.

А то, бывало, она придет, человеку поработает, все, что может, сделает, а потом, чтобы ее не хвалили, чужие валенки наденет и пойдет. "Мать, что ж ты чужие валенки надела?" — "Ах, тебе валенки жалко?" Бах! Один валенок в одну сторону кидает, другой — в другую, и пошла разутая. Благодарить ее или ругать? Все в недоумении — очень сложное дело.

Вот еще вам случай расскажу. Идет матушка по церкви, всех расталкивает. Подошла к матери Тамаре, сбросила ее со стула: "Ну-ка, вставай, я больного человека посажу!" Старую мать Тамару согнала, а тетю Лизу, которая была намного моложе ее, посадила. Сестры ворчат: "Ну что ты, мать, дурака валяешь?" И что вы думаете? Тетя Лиза вскоре заболела. Все плохо ей, плохо, в больницу положили, и там плохо. Потом обнаружили рак. Матушка на операцию не благословила, она предвидела, что человек умрет. И молодая, здоровая тетя Лиза через полгода умерла. А мать Тамара прожила еще пятнадцать лет. Вот и все. Нам кажется это чудачеством, а у нее свой закон. Но матушка — это была такая любовь, таким человеком была она, каких уж нет.

Антонина Иванова

Приехали к Батюшке гости из Москвы. На вокзале взяли такси и, не доезжая до Михайловки, машина села в яму. (А дороги плохие были, ухабистые, грязи по колено.) Машина буксует, не может выехать.

Тут к матушке приходят, говорят: "Матушка, гости едут, попали в яму, не могут выехать." — "Ну, пойдемте вытас-

кивать," — сказала матушка. Оделась и взяла лопату на плечо. Пришла к машине, посмотрела, постучала лопатой сзади по кузову и говорит водителю: "Эй, дядька, садись, езжай, чего копаешься?" Он очень странно на нее смотрит, но заводить машину не спешит. Она снова: "Заводи машину!" — уже в приказном порядке. А если матушка в приказном порядке скажет, то уже не устоит никто. У шофера мурашки по спине пошли. Он сел в машину, завел ее, и машина вылетела из ямы. Водитель был ошеломлен. Он довез гостей до церкви и дал ходу.

На другой день он приехал благодарить матушку, гостинцев привез, спрашивает: "Как смогли Вы вытащить машину? Здесь бульдозер был нужен". Она отвечает: "Вон, Господь помог!"

Анна Шевчук

Я приехала в Караганду, когда батюшки Севастиана уже не было в живых, и матушки Анастасия и Агния тоже были покойными. Приехала я с Украины поступать в институт на заочное отделение и остановилась на время экзаменов в Михайловке у духовных детей Батюшки. Я стала заходить иногда в Михайловскую церковь, хотя была тогда человеком далеким от религии.

В первый мой приезд в Караганду (а это было в декабре) слышу в церкви разговор, что завтра день Ангела Батюшки, а сегодня вечером будут служить парастас. Я не знала тогда церковных правил, и что такое "парастас" для меня было непонятно. И в эту ночь мне снится такой сон. По церковному двору ведет меня под руку какой-то священник, вокруг нас толпится народ, но вижу его, как в тумане, только слышу, как зовут люди: "Батюшка Севастиан, батюшка Севастиан!" А Батюшка вроде бы ручкой машет — подождите, мол, сейчас мне некогда, и ведет меня по двору, и все показывает: "Это у нас просфорня, это — трапезная". А где наши ворота, что ведут на улицу, там вроде лужайка, маленький ручеек бежит, и две матушки сидят и запивку разливают. А люди их по именам называют: мать Агния и мать Анастасия. Батюшка останавливается, матушки напоили меня водой из ручья, и я очутилась в храме. Посередине храма стоят наши священники: о. Петр, о. Александр, о. Павел и о. Владимир, читают молитвы и поминают батюшку Севастиана. И я проснулась.

В доме, где я жила, висел на стене портрет священника. Я просыпаюсь и спрашиваю: "Чей это портрет?" — "Батюшки Севастиана", — отвечают хозяева. "А я

сейчас во сне его видела". "Ну, — говорят, — значит ты "наша".

И через несколько лет, закончив институт, я осталась в Караганде, где до сего дня работаю бухгалтером в Михайловской церкви.

Когда я первый год работала в церкви, я по привычке еще употребляла косметику. И вот на пасхальной неделе я зашла в магазин, а там продается французская махровая тушь. Я захотела ее купить, но денег у меня с собой не оказалось. "Ну ладно, — думаю, — зайду в другой раз и куплю". И вот опять вижу во сне: церковь, все христосуются и говорят: "Мать Анастасия, мать Анастасия!" И матушка со всеми христосуется. "А меня-то, — думаю, — она не знает". И вдруг она подходит ко мне: "Христос воскресе!" — и ударяет своим пасхальным яичком по моему, и разбивает его. И такая она радостная, обнимает меня. В это время к нам подходит о. Александр Киселев, он держит в руках мою косметичку и говорит: "Матушка, ну как с ними спасешься?" Я смотрю, а там эта махровая тушь лежит. Так мне стало стыдно. "Матушка, — говорю, — да я не купила ее, я только думала!" А она меня обнимает: "Да не надо, не надо", — вроде того, что не надо краситься. И все меня чем-то кормит.

Все это так меня поразило — я ведь только мимоходом зашла в магазин, а она все знает и беспокоится.

И на клирос в церкви меня мать Анастасия поставила. Когда я приходила молиться, я стояла и тихонько подпевала. А здесь снится, что церковь полна народа, священники посередине храма стоят, как на величание вышли, и матушка на клиросе в простой мирской одежде (как она чаще и ходила) стоит и зовет меня. А мне страшно стало — как я пойду, здесь же батюшки стоят! Тогда мать Анастасия взяла меня за руку, завела на клирос, поставила перед иконой Спасителя и говорит: "Читай "Отче наш". И стоит, ждет, когда я начну читать. И я начала громко читать. После этого сна стали меня певчие на клирос тянуть: пой и все. И о. Александру сказали: "Чего девчонка-то стоит?" Поставили меня на клирос, так я на клиросе и прижилась.

Мария Федоровна Орлова

Я тяжело болела — кожное заболевание. Меня и доценты лечили и профессора, небольшие улучшения были, потом опять появлялись на руках огромные раны. Я долго не была в церкви, а когда пришла, мать Анастасия спрашивает: "Что ты не была так долго?" "Матушка, — го-

ворю, — я замучилась, посмотрите, что у меня на руках! Я ведь и на работу ходить не могу, все меня сторонятся". Она говорит: "Тьфу! Чаво там! Это же ерунда! Ты возьми, на палец поплюй, да слюной крестообразно маж свои болячки". И сразу при матушке я начала так делать. Пришла домой и дома без конца плевала и мазала. И у меня моментально болячки прошли. Это так скоро произошло! Они красные были, воспаленные и сначала потемнели, потом посинели, ранки стали сужаться и, слава Богу, все прошло. Вот такая история. А ведь когда в больницу приходила, меня, как редкий экземпляр, ставили на стул, чтобы все студенты видели, какая редкая, обильная эксудативная эритэма.

Ольга Сергеевна Мартынова

Моя племянница Ирина работала завскладом. Однажды к ним на склад поступили импортные покрывала — тридцать штук. И то ли Ирина со своими сотрудниками хотела смошенничать, или что — Бог их знает, но когда работники магазина пришли на склад получать эти покрывала, то только расписались за получение. Документы привезли в магазин, а покрывала остались на складе. Накладная есть, а покрывал

нет. Но кто-то об этом проговорился, быстро магазин закрыли, опечатали, и засела в магазине ревизионная комиссия. Ночь моя племянница не спала, утром рано прибегает ко мне: "Так и так — говорит — что делать?" Я ей ничего подсказать не могу: "Пойдем, — говорю, — к матери Анастасии, что она скажет". Пришли. Мать Анастасия на клиросе, мы подошли к ней, объяснили, что документы в магазине, покрывала на складе и тюрьма грозит, если это дело откроется. Что делать? "Ничего! — говорит матушка и к Ирине обращается: — Ты сейчас иди, найди машину, на которой ездят туалеты откачивать, бери покрывала, поезжай к тому магазину, заезжай во двор и стой. Выйдет из магазина уборщица с двумя ведрами — к этой уборщице не подходи. Через некоторое время выйдет другая уборщица тоже с двумя ведрами. Вот к этой быстро подойди, отдай ей покрывала и скажи: "Кинь их там куда попало, лишь бы они в помещении были".

Ирина так и сделала. Нашла нужную машину, приехала в магазин, их во двор пропустили — такая машина вне подозрения — туалеты же чистить приехали. Ирина пропустила первую уборщицу, ко второй подскочила, та забрала покрывала, кинула их в магазине — и все. На этом

вся беда закончилась. И запись там и покрывала там.

Еще такая история. Пришло время моему сыну Степану Степанычу поступать в институт. Я пришла к матушке: "Матушка, — говорю, — Степа поступает в институт, надо ему помочь". Она говорит: "О! Это очень просто. Ты узнай, когда он будет сдавать экзамены, в эти дни приходи в церковь и приноси сюда по сорок булочек десятикопеечных. Мы тут помолимся, и он четверки получит". Так я и сделала. Первый экзамен сдает — несу сорок булочек. Их там в раз порасхватали, пораздавали. Сын приходит с экзамена, приносит четверку. На следующий экзамен снова так же. Всего было четыре экзамена, на каждый экзамен носила по сорок булочек, и сын на всех экзаменах получал четверки. Так, по молитвам матушки, Степан Степаныч поступил в институт.

Нина-хохлушка

Как-то в пятницу, сотрудники больницы, где я работала, уговорили меня поесть колбасы. На другой день я пришла в церковь, отстояла Литургию. После Литургии мать Анастасия стала всем раздавать святую воду и мне говорит: "Подойди сюда". Я подошла, а она меня лупить

принялась и кричит на всю церковь: "Ах, свинья! Ах, свинья!" Я испугалась — что за "свинья"? "Матушка, — кричу — дай мне водички святой!" А она не дает и продолжает меня бить. Народ сбежался: "Хохлушку лупят!" А матушка кричит: "Это свинья!" Колбаса-то, видимо, была свиная.

Вот она меня выпорола, я успокоилась и пошла к батюшке Севастиану за благословением. Подхожу к нему, а он: "Нина! Ты сегодня именинница! — выпороли, значит — ну, на тебе просфору!" Так они духом сообщались.

Монах Севастиан (Хмыров)

Как-то с крыльцев, где правый хор стоит, сходит мать Анастасия, идет по церкви и шумит: "Кому платок? Кому черный платок?" Подходит к другим крыльцам, а там Мотя Минаева говорит: "Матушка, дайте мне черный платок, у меня нет черного платка". А она: "Ну нет и не надо тебе". И дальше пошла. А у дверей, у выхода наша мамка стоит и трепещет: "Ох, это она мне, наверное, даст черный платок, это, наверное, страшное какое дело предрекает". Мать Анастасия подходит к ней и спрашивает: "Тебе надо платок?" "Нет, — говорит наша мамка, — у меня три черных платка, не надо мне".

"Ну раз у тебя три, на тебе и этот". И отдала ей черный платок. Она предвидела, что мамка наша примет монашество.

Монахиня Евникия (Хмырова)

Мать Анастасия рассказывала: "Когда меня благословили на юродство, первое послушание было — взять суму и идти побираться. А мне не хотелось. "Вы меня, — говорю, — на любую работу пошлите, только не побираться!" "Нет, нет, не на работу, а иди побирайся". Я взяла сумочку и пошла. А праздник какой-то был, ребята собрались, и я иду с сумкой, в хламье одетая. Слышу как ребята говорят: "Какая девка-то красавица!" Я думаю: "Что же делать? Ведь обо мне говорят". А они: "Вот если бы ее нарядить — это же кто была бы!" Я тогда на какой-то погребок залезла, взяла, сморкнулась, да на себя. А они: "Ой — говорят — она дурная-а-я! Она дурная!" И тогда мне стало легче, и я пошла. "А! — думаю, — я уже дурная! Теперь мне, значит, надо дурочкой быть". Вот и пробыла всю жизнь".

В Оптиной Пустыни батюшка Севастиан натопил келью старца и пошел за ним в церковь. А старец-то провидел, что там Настя в келье творит, и не идет из церкви. А она дверь открыла, села на порог,

дверь подперла и сидит. А туда погода! А туда снег летит! Батюшка Севастиан пришел дровишек подкинуть, а в келье снега полно, и Настя сидит у двери раздетая, на ней платье и платок. Сидит, дверь подперла, не дает закрыть. А Батюшка уговаривает: "Ну Настя, ну дай я дверь закрою!" А она молчит. Тогда Батюшка ее взял аккуратненько, на другое место перенес, дверь закрыл и начал печь топить. Ведь ее и гнали там, и били, а Батюшка не бил. Он уже тогда провидел ее жизнь. И когда он келью натопил, старец из церкви пришел.

А уже в Караганде матушка обличала иногда. Семья одна у нас на Мелькомбинате живет, коровка у них была, и они все от коровки продавали на базаре — и сметану, и молоко. Немножко жадные были. Приготовили раз сметану на продажу, а сами ушли куда-то. Мать Анастасия пришла, на этой сметане намесила тесто, напекла пышек целую гору — ешьте! Всю сметану извела. Хозяева роптали на нее, конечно. А она в другой раз пришла, когда они на базаре были, подергала у них огурцы на огороде и сложила в кучку. Они пришли, так обгорелись*: "Ну что это такое! Сколько мы ходили, сколько выхаживали!" Это вечером было. А ночью ни с того ни с сего — мороз, все побил на огородах начерно. Они-то ропта-

* обгорелись — огорчились. — *Ред.*

ли, а матушка дала понять, что "я знаю, что Господь даст и что будет завтра и что послезавтра".

А иногда сам Батюшка через нее обличал человеческие грехи. Однажды, когда церкви еще не было и Батюшка молился на Мелькомбинате, после ужина он всех стал на ночлег определять. Матери Анастасии говорит: "А ты иди у Степаниды ночуй". Она пошла к Степаниде. Стучится: "Пустите ночевать!" "Нет у нас места", — отвечают и не пустили. Была зима. Но раз у нее благословение ночевать у Степаниды, она замерзнет — не уйдет. И она легла на пороге у двери. Но, конечно, она не могла замерзнуть за батюшкины молитвы. Утром хозяева встают, открывают дверь, а она не открывается — мать Анастасия на пороге лежит. Ночью снег шел, ее снегом занесло, она вскочила, отряхивается: "Ой, простите, я помешала вам". А Батюшка нарочно ее послал, чтобы уязвить жестокое сердце этих людей. Тогда они к матушке кинулись: "Мать Анастасия! Ну как же так! Как же так!" Она ведь больная, да почти раздетая, а ночь зимняя холодная была. У них, конечно, защипало сердце: "Это мы так отнеслись, ведь у нас было, где ночевать". И пос-

ле они к Батюшке на покаяние ходили, они все-таки почувствовали в чем дело-то.

Другой раз, когда Батюшка отслужил в церкви панихиду, мать Анастасия подскочила и что-то схватила с панихидного стола. А Батюшка стал ее палкой бить: "Ты, — говорит, — клала, что взяла?" — "Нет, батюшка, не клала". "А зачем берешь? Панихида есть огонь. С панихиды взять — надо помолиться. Ты сумеешь помолиться?" Мать Анастасия, конечно, сумела бы. И пышка эта ей не нужна была. Это Батюшка с матерью Анастасией обличили тех, кто лезет и хватает с панихиды. Для них это был урок — запомнили, что панихида есть огонь и долго помнили, как мать Анастасию Батюшка палкой бил.

Когда мы хоронили нашу маму, после похорон у меня и у одной рабы Божией Надежды, которая на похоронах помогала, у обеих у нас на правой ноге синие пятна появились вроде сибирки, — дерет невозможно, тошнит, и голова болит. И до девятого дня мы мучились, ноги вздулись, и ей плохо, и мне плохо. На девятый день приехала на поминки мать Анастасия. "Матушка, — говорю, — вот у нас после похорон что-то такое на ногах". Она говорит: "Вот чёботы. Нате мои чёботы обувайте". А у нее один чёбот тряпочный, ог-

ромный, а другой кожаный с левой ноги, тот поменьше. Она мне этот тряпочный дает: “Вот на, обувай и сейчас пойдем на вечерню”. Ну как в нем идти? В него три-четыре ноги можно поместить — такой здоровый он. У Нади-то поменьше, что с левой ноги. Мы матушку в батьки моего ботинки с замочками обули, а она говорит матери Ирине*: “Дай им палки в руки”. Та достала со двора палки какие-то корявые. Моя палка все-таки чуток получше была, а у Нади — прямо так кучерявая. И вот мы идем в церковь с палками, да в этих чёботах. А панбархатное платье на мне черное и платок белый батистовый новый. А мать Ирина накрылась такой грязной полушалкой рваной. Я говорю: “Ты чего же какой-то лохмоткой накрылась? Я ей ногу завязывала. Накрыться что ли нечем?” “Не-е, — говорит матушка, — хорошо, хорошо”. Ну раз ей хорошо, мне чего уж тогда. Пришли в церковь. Мотя-медичка нас увидела: “Ого! — кричит, — юродствують! Юродствують!” Она же не знала, что мать Анастасия нас исцеляет, что у нас ноги дерет страшно. Потом я стала свечки зажигать, и платок себе подпалила батистовый. Мать Ирина подбегает: “Ох, ох, ох! — снимает

* Схиигумения Ирина (Королева), 1916 — †17 октября 1993 г. Похоронена на Михайловском кладбище.

с меня платок. — Ну, на вот тебе мой", — и накрывает меня своей полушалкой рваной. И надо мне на помазание идти, а народу — полная церковь. Мне, конечно, стыдновато было, все говорят: "Ты чего это не по порядку одета?" А что сделаешь? Нога-то болит. Ну, ладно. Домой пошли, мать Анастасия говорит: "Вы завтра не ходите, лежите дома и ничего не кушайте весь день (был праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи). И ножки ваши — куда что денется! И голова болеть не будет". Мы с Надей из церкви пришли, ноги-то посмотрели — и ничего! Все у нас зажило, и боль затихла.

Мария Никитична Образцова

Мать Анастасия — это озорница была. Вот Батюшка собирается ехать куда-нибудь, девушек наберет с собой полную машину, матушек посадит, а мать Анастасию не взял. Она: "У!" — стукнет по машине и кричит: "Дайте мне какую-нибудь хлабуду!" То есть что-нибудь одеть. И для нее не важно — зима, лето — бежит почти раздетая вперед Батюшки. Он приезжает, а она уже на месте. Никогда в жизни не отстанет. Но служила она ему верой и правдой. И Батюшка любил ее.

Лидия Владимировна Жукова

Когда умирала мать Иулия, она говорила мне: "Лида, мать Анастасия, когда тоже плохая была, говорила: "Когда Батюшку будут забирать в Оптину Пустынь, не забудьте меня". Так мать Анастасия наказывала Иулии, а Иулия уже мне".

* * *

В 1975 году Михайловскую церковь в очередной раз посетил митрополит Иосиф (Чернов). Владыка часто говорил о матушке: "Пророчествует мать Анастасия, пророчествует". А при этой встрече с ним матушка стала прощаться: "Благословите, Владыка, простите, больше не увидимся". Но этого пророчества Владыка воспринять не хотел. Летом в Алма-Ате, когда приехали к нему в гости студенты Московской семинарии, Владыка, сидя за столом, обратился к одному из них — Петру Веретенникову: "Вот, Петя, поедем в Целиноград, а из Целинограда заедем в Караганду и обличим мать Анастасию". Но этого не произошло. Обстоятельства сложились так, что из Целинограда Владыка вылетел сразу в Алма-Ату, а 4 сентября 1975 г. мит-

рополит Иосиф скончался в больнице во время операции.

Мать Анастасия умерла 13 апреля 1977 года. Перед смертью была пострижена в схиму. Похоронена на Михайловском кладбище.

Протоиерей Михаил Нейгум
пос. Шеметово Московской обл.

Я точно знаю, что мать Анастасия — святой человек. Святой той святостью, которая в глаза не бросается. Важно то, что свою духовность она все время прятала. Духовность ее тогда только обнаруживалась явно, когда, допустим, сбывались какие-то предсказания или пророчества. А в общем она, даже, думаю, намеренно была немножко грубовата, ходила переваливаясь, все время шаркая и всякие-разные словечки всем говорила. И если ее воспринимать по ее внешности, по ее поведению, то вообще не могло быть никаких намеков о высокой жизни по духу. Она только после смерти о. Севастиана стала вести себя “понормальней”, а до этого была совершенно неудобоприемлема, и те, кто мало ее знал, так и воспринимали ее, как сумасшедшую. А когда умер Батюшка, и

люди, жившие рядом со святым человеком, вдруг стали немирствовать между собой, мать Анастасия сделала так, что все это стало не так очевидно. Она всех успокаивала, все умиротворяла. И большинство окружавших ее людей просто на себе испытали ее любовь и доброту.

Я родился в лютеранской семье. В церковь пришел через несколько лет после смерти батюшки Севастиана. Потом я ушел служить в армию, а когда вернулся, у меня "завихрение" началось — я никого не слушал и одно время был совершенно неуправляемым. Многие близкие люди от меня как бы отодвинулись. А матушка могла заставить меня есть картошку с машинным маслом, пить сырые яйца, которые я терпеть не мог, или ехать в автобусе в женской шали, будто я ненормальный какой-то. И ничего, я ехал, хотя был тогда уже взрослым человеком, ехал в женской шали через весь город. Она могла сказать: "Иди, побегай на одной ножке по дорожке", — и я шел и бегал на одной ножке по дорожке вокруг храма. А почему я бегал? Потому, что я испытывал к матушке такое внутреннее расположение, как ни к кому вообще на земле, это однозначно. Это потому

еще, что при всей ее простоте и грубоватости, матушка была очень деликатным человеком, даже трудно представить такого.

Я очень любил матушку. Хотя, может быть, я не мать Анастасию любил, а мне нравилось ее доброе отношение ко мне. Я ее в общем-то не видел. Я видел только ее большие валенки в галошах, видел, что все ее очень почитают, что она меня приблизила к себе, и я тщеславился от того, что она хорошо ко мне относится.

Я очень много времени провел в ее обществе. Куда она идет — я за ней. Они идут к матери Евдокии, там кушают, читают жития святых, и я там с ними все время. Я просто бессознательно старался находиться возле святых людей. Матушка много не говорила, ничего не рассказывала. И тихо-тихо у них все было. Мне никуда не хотелось идти, не хотелось домой. Мне просто хотелось быть рядом с нею — и все, больше мне ничего не надо было.

Потом я поступил учиться в Духовную семинарию. Однажды мне нужно было возвращаться с каникул в Сергиев Посад, и я взял билет на самолет в Москву. А матушка меня не пустила. Насильно не пустила, как бы издеваясь надо мной. Она завела меня в свою

келью и стала со мной разговаривать. А я-то ведь корчил из себя послушненького — на одной ножке прыгал, яйца сырые пил. Я делал вид, что я очень послушный. Поэтому, когда матушка разговаривала со мной, я один раз сказал ей, что у меня билет на самолет, надо спешить. Но она не обратила на это внимания. А мне очень хотелось тогда в Москву, я очень туда рвался. И поэтому, когда она задерживала меня, и я опаздывал, у меня, естественно, неприятно было на душе. Я злился, я скрежетал зубами. Я даже в тот момент усомнился в ее святости, в ее прозорливости. Я даже в помыслах оскорблял ее. А она просто забрала у меня билет и не пустила.

А когда выяснилось, что этот самолет при взлете разбился и все погибли... да... тогда совсем другие дела... Я даже ей не стал говорить, что такое произошло. И она мне ни слова не сказала... Я улетел через день этим же рейсом.

Я приходил иногда к матери Агнии. К ней я немножко по-другому относился, я видел, что это очень больной человек. У нее все пальчики были скрюченные — полиартрит у нее был, водянка и еще какие-то болезни, и она еле-еле передвигалась при помощи какого-то высокого столика, и никогда

не показывала, что ей больно. И этот человек (я потом вспоминал) тоже очень сильно меня тронул. Обычно о матери Агнии и о матери Анастасии женщины любили шептать, что матушки-то — ого! ОГО! Я особенно не обращал на это внимания, но все равно, мать Агния душу задевала. Мать Агния была, как маленький такой ребеночек, нежненький ребеночек, старенькая-старенькая. У нее голосочек был, как у маленького ребеночка и разговаривала она со мной, как маленький ребеночек.

Я ничего особенного не могу рассказать о матушках. Только та в них особенность, что они действительно были прозорливицы и действительно Богоугодные существа. А внешне вели себя, как смиренные, тихие бабушки. Правда, мать Анастасия иногда бывала сердитой, то есть могла очень жестко разговаривать. Но меня это не касалось. Со мной она всегда была, как любящая бабушка. И один раз я почувствовал, что мать Агния тоже немножко жестко разговаривала с человеком. Но меня это тоже не касалось. Она ко мне относилась с любовью... чтобы не спугнуть. Из чужой религии пришел мальчишка, чтобы не спугнуть его.

Сейчас я вспоминаю всю мою жизнь и ясно становится, что ничего в моей жиз-

ни не было, кроме греха, и что я перед матушками очень виноват. И я совершенно точно знаю, что только по их молитвам я еще живу на этом свете. Великое благодарение Богу за то, что в жизни моей было время, когда я находился рядом с такими людьми. Я думаю, что я с ними и сейчас и всегда. И ни одного дня я не провел, чтобы не общаться с ними, и я каждый день прошу у них помощи.

Содержание

Карагандинский старец
преподобный Севастиан

Издание второе,
исправленное и дополненное

Составление: Вера Королёва, Алма-Ата
Макет и обложка: Андрей Леднёв
Верстка: Диакон Сергий Осипов

Полное и хорошо иллюстрированное жизнеописание оптинского постриженника, известного карагандинского старца Севастиана составлено по многочисленным свидетельствам его духовных чад и архивным документам к состоявшемуся в 1997 году прославлению преподобного старца Севастиана Карагандинского.

ЛР 066242 от 25.12.98. Издательство «Паломникъ».
Подписано в печать 31.03.2004. Формат 70x100$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «Баскервиль».
Объем 13 п. л., усл. п. л. 18,06. Тираж 6000 экз. Заказ 43470

Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская, 21.
http://www.palomnic.ru, e-mail: palomnic@mail.ru
Магазин издательства: Москва, ул. Бахрушина, 28.

Отпечатано с готовых монтажей
в ОАО «Молодая гвардия».
Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская, 21.

ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СХИАРХИМАНДРИТУ СЕВАСТИАНУ, СТАРЦУ КАРАГАНДИНСКОМУ, ИСПОВЕДНИКУ, ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА ПРЕЕМНИКУ

Тропарь, глас третий:

Тро́ицы Святы́я служи́телю,/
зе́мне а́нгеле
и небе́сне челове́че,/
духо́внаго О́птинскаго
ста́рчества прее́мниче,/
Христо́в священнотаи́нниче
и испове́дниче,/
Ду́ха Свята́го
оби́тель всечестна́я,/
преподо́бне о́тче Севастиа́не,
досточти́ме,/
испроси́ ми́рови мир/
и душа́м на́шим
ве́лию ми́лость.

Кондак, глас тойже:

В ра́дость Го́спода
Воскре́сшаго вше́дшаго,/
преподо́бных О́птинских
ста́рцев слико́вника,/
му́чеников и испове́дников
соприча́стника,/
священнота́йникам Бо́жиим
сослужи́теля,/
зе́мна а́нгела
и небе́сна челове́ка,/
гра́да Караганды́
боголе́пное украше́ние,/
Казахста́нския страны́
богомо́льца изря́дна,/
Це́ркви Ру́сския похвалу́,/
ублажи́м, ве́рнии,/
с весе́лием ему́ вопия́:
ра́дуйся, досточти́ме Севастиа́не,
преподо́бне о́тче на́ш

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН